

АНТИДИПЛОМАТИЯ

МОДЕЛИ, ФОРМЫ, МЕТОДЫ, ПРИМЕРЫ И РИСКИ

Русская версия

Альфредо А. Торреальба

2018

Альфредо Торреальба

**Антидипломатия:
Модели, Формы, Методы,
Примеры и Риски**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Торреальба А. А.

Антидипломатия: Модели, Формы, Методы, Примеры и
Риски / А. А. Торреальба — «ЛитРес: Самиздат», 2018

С середины XX века количество военных конфликтов между государствами заметно сократилось, и, вполне вероятно, что причиной тому послужили достижения дипломатии. В последние годы стали появляться так называемые «антидипломатические стратегии», которые в значительной степени способствовали установлению мира. Эти стратегии не так хорошо известны, однако, широко используются дипломатическими службами по всему миру как дополнение к традиционным дипломатическим механизмам, которых, порой, бывает недостаточно для достижения поставленных целей.

© Торреальба А. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
Разновидности внешней политики	20
Типы внешней политики	22
1.01. Постдипломатия	36
1.02. Партизанская дипломатия	55
1.03. Антисистемная дипломатия	60
1.04. Предпарадипломатия и протодипломатия	66
1.05. Дипломатия обмена заложниками	74
1.06. Дипломатия прямого набора	82
1.07. Учредительная дипломатия и парадипломатия	87
1.07.1. Учредительная дипломатия	94
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Альфредо А. Торреальба

Антидипломатия: Модели, Формы, Методы, Примеры и Риски

Он – отличный учитель, но ему нужно прочитать ещё две книги, забыть другую, и он начнёт думать как я...

Предисловие

С середины XX века количество военных конфликтов между государствами заметно сократилось, и, вполне вероятно, что причиной тому послужили достижения дипломатии. В последние годы стали появляться так называемые «антидипломатические стратегии», которые в значительной степени способствовали установлению мира. Эти стратегии не так хорошо известны, однако, широко используются дипломатическими службами по всему миру как дополнение к традиционным дипломатическим механизмам, которых, порой, бывает недостаточно для достижения поставленных целей. Вместе с тем, антидипломатические стратегии характеризуются практическими методами, которые, в большинстве случаев, являются незаконными, аморальными, нелогичными или же подрывают статус министерства иностранных дел. Таким образом, антидипломатические стратегии являются политически функциональными, однако на уровне института они способствуют тому, что традиционная дипломатия теряет свой миротворческий потенциал.

Не вызывает сомнений тот факт, что сегодня дипломатия находится на перепутье, выбирая между традициями и современностью. Сложность и неоднозначность региональных, государственных и международных политических сценариев, качество руководства политических элит, взаимодействие людей на разных уровнях, «ненаучность» научных сообществ – все это создает оптимальные условия для перехода дипломатии к новым стратегиям, отвечающим современным условиям и бросающим вызов методам, история которых насчитывает более трех с половиной тысяч лет.

Введение

Ключевые Слова: Антидипломатия, Дипломатическая гарантия, Дипломатическое обязательство, Дипломатическое представительство, Дипломатия, Дипломатология, Исходная дипломатия, Квоты суверенитета, Креативная дипломатия, Рутинная дипломатия, Ультердипломатия.

На сегодняшний день идею о том, что дипломатия – это *«искусство ведения международных переговоров»*, можно считать ошибочной. Стоит служащему дипломатического корпуса совершить некий «искусный» маневр, как он в кратчайшие сроки может лишиться работы. Связь «дипломатии» и «искусства» происходит из тех далеких времен, когда дипломаты еще не были ограничены в своих правах и свободах, ведь сегодня их деятельность четко регулируется международными нормами и законами. Всё тщательно спроектировано и бюрократизировано. То же самое касается и дипломатического делопроизводства. И каждый современный дипломат прекрасно знает, что выход за рамки этой парадигмы может быть расценен как неподчинение. Несомненно, дипломатия изменилась. Сформирован целый институт дипломатии, и теперь дипломаты не имеют должной «свободы» для реализации своей деятельности.

Однако вопреки сложившимся обстоятельствам, на некоторые дипломатические службы все же возложена огромная гражданская и международная ответственность. Для них не остается ничего иного, кроме как пользоваться «прорехами» в законодательной системе и, при поддержке национальных политических элит, вводить в практику «креативные» дипломатические стратегии. Применение «особых» стратегий помогает добиться разрешения сложных социальных и политических проблем. Данные дипломатические службы осознают, что традиционные стратегии не принесут желаемых результатов во внешней политике. Иначе говоря, они не эффективны в рамках современного мирового политического сценария, который с каждым разом становится все более глобализованным, независимым, разноплановым, коллективным, сложным, динамичным, враждебным, требовательным, головокружительным и юридически целостным.¹ Именно по этой причине дипломатические службы склоняются к тому, чтобы отказаться от привычных и начать применять альтернативные стратегии, которые бы дополняли их деятельность и помогали справляться с неблагоприятными обстоятельствами международной среды, тормозящими развитие государственных и дипломатических институтов.²

В целом, дискуссии по поводу замены одних дипломатических стратегий другими – это лишь малая часть того, что в наше время окружает дипломатию. Как одно из подтверждений важнейших изменений, произошедших в дипломатии во второй половине XX века, можно вспомнить кризис неолиберальной модели государственного строя; многочисленный международный интерес со стороны государств к сферам, далеким от экономики, политики и вооружения; многообразие типов и форм участников международных отношений;³ возрастающую тенденцию связывать национальные государственные интересы с раз-

¹ По словам Висенте Торрихоса, вместо утраченного идеологического радикализма и стратегической биполярности, действовавших во времена Холодной войны, сейчас, более чем когда-либо, государства и другие участники международных отношений находятся в поиске сотрудничества, контрибуции, признания и возможности урвать место в эпицентре международных отношений, что позволит им с особой легкостью маневрировать на благо своих целей, в отличие от ситуации, существовавшей несколько лет назад. См. TORRIJOS, Vicente. 2000. *Política Exterior y Relaciones Internacionales*. Universidad del Rosario. Argentina. C. 126.

² VILLEPIN, Dominique. 2003. In: DELO. Ljubljana, Slovenia. 25–10–2003. (07–04–2004). <http://www.diplomatie.gouv.fr/actu/bulletin.es.asp?liste=20031028.es.html&submit.x=12&submit.y=2>

³ Марсель Мерле определяет «участника международных отношений» так: это «любой представитель власти, орга-

витиём конкурентоспособности на международной арене, а не с укреплением государственного суверенитета; постепенное превращение государства в основное действующее лицо на международной арене и потерю его суверенитета;⁴ распространение новых вызовов и угроз на международной арене.⁵

Как известно, само понятие «дипломатия» появилось еще в древние времена. На протяжении многих веков люди стремились разгадать ее тайны. За это время было написано столько книг междисциплинарного характера, что на сегодняшний день просто невозможно интегрировать такое огромное количество информации. Многообразие точек зрения по этому вопросу сделало дипломатию одной из самых обширных и «ужасно расплывчатых» сфер для человеческого понимания.⁶ Множество коннотаций усложняет попытки выявить конкретные идеи, характеризующие это явление. Учитывая все возможные трудности, мы не станем углубляться в данную проблематику, поскольку это может замедлить наш и без того «извилистый путь». Более того, ныне существуют серьезные труды различных научных сообществ, посвященные именно этим проблемам. К данным источникам стоит обратиться, чтобы подвести итог по столь существенным вопросам, как, например, значение термина «дипломатия». Среди них особенно отличается группа работ в рамках политической социологии международных отношений. В отличие от традиционного юридического, политического, экономического, военного, философского и международного подхода в изучении дипломатии, «Политическая социология международных отношений» представляет собой интересную теоретическую альтернативу, разграничивающую дипломатию и то, что ею не является.

По словам французского политолога Дидье Биго (Didier Bigo), «Политическая социология международных отношений» стала синонимом «деколонизации» научного лагеря, освобождения международных отношений и политологии от английского языка и главенствующего влияния Соединенных Штатов в вопросах стиля написания и оформления научных работ.⁷ Если быть точнее, ученых этого исследовательского лагеря⁸ *«отличает манера трактовки проблемы международных отношений, центральным элементом которых становится дробление различных политических организаций на общественные объединения, отрицание телеологического видения мира без границ; и, в то же время, попытка представить международные отношения как точку пересечения социальных объединений и их взаимодействия, отвергающая, таким образом, общие и частные перспективы»*.⁹ «Различные политические организации», о которых говорит Биго, и являются «институтами»,

низация, группа (...) или любой дееспособный индивид... на международной арене». Для него участники международных отношений подразделяются на общественные, частные, государственные, периферийные, муниципальные, национальные, местные, межправительственные группы и частных лиц, которые не представляют интересов государства и выполняют важную роль в международных отношениях, неправительственные организации, многонациональные компании, международные политические и церковные организации, высокопоставленные лица, преступные группировки, предпринимательские и потребительские сети, религиозные лидеры и общественное мнение. См. MERLE, Marcel. 1991. Sociología de las Relaciones Internacionales. Editorial Alianza. Spain. C. 334.

⁴ STEMPEL, Jhon. 1995. Recasting Diplomacy. Escuela de Diploma y Comercio Internacional Patterson. Conferencia preparada para la 36 Convención Anual de la Asociación Internacional de Estudios. США. См. PLISCHKE, Elmer. 1979. Modern Diplomacy: the Art and the Artisans. Editorial: American Enterprise Institute for Public Policy Research. США.

⁵ LÓPEZ, Ernesto. 2001. La agenda de seguridad humana: el caso del MERCOSUR. In: Seguridad humana, prevención de conflictos y paz América Latina y el Caribe. Compilación de la Reunión de Expertos. Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales. Chile. 26–27 November.

⁶ MARSHALL, Peter. 1997. Positive diplomacy. Basingstoke: Macmillan Press. США. C. 7.

⁷ В действительности, часть данной работы не была оформлена по стандартам США, поэтому там она может быть предана «анафеме».

⁸ По большей части выходцев из политической социологии, критической криминологии, политической географии, политической антропологии и теории политики.

⁹ BIGO, Didier. 2011. Pierre Bourdieu and International Relations: Power of Practices, Practices of Power. In: International Political Sociology. Vol. 5. No. 3. Перевод: Lucrecia Rubio Grundell. C. 225–258.

участвующими в международном сценарии. Отчасти из-за их внутренней раздробленности, «Политическая социология международных отношений» исследует те из них, которые играют наиболее важную роль в международных отношениях (публичные, частные и смешанные). Именно они позволяют понять, каким образом объединяются группы внутри различных политических центров. Сравним ситуацию с муравейником. Чтобы проследить связи внутри него, необходимо обратить внимание на наиболее оживленные его центры. Институты, с точки зрения «Политической социологии международных отношений», являются теми самыми оживленными центрами, которые помогают определить, как организуются группы людей в международном «муравейнике».

Помимо этого, Биго напоминает, что публичные институты, в отличие от частных и смешанных, объединяют в себе большее количество людей, что дает возможность осуществлять политический контроль. Публичные институты, осуществляющие международную деятельность, по сути и есть дипломатические институты, представляющие государство. Их внутренняя логистика основана на системе «руководитель – подчиненный», что обеспечивает устойчивость и стабильность, столь важную для представителей внешней политики государства. При таком раскладе дипломаты становятся членами дипломатического института. Это означает, что они подчиняются малым группам, обладающим наибольшим политическим влиянием внутри института, в то время как их деятельность регулируется бюрократическими нормами, что еще раз подтверждает их зависимость от национальных политических элит и институтов. Следовательно, дипломатические стратегии, которые дипломаты применяют для достижения внешнеполитических целей, неразделимы с идеями подчинения и стабильности института.¹⁰ Дипломатические стратегии зависят от иерархических структур института. А те, в свою очередь, принимают лишь те стратегии, которые не представляют угрозы их деятельности и целостности института. «Одобренные» дипломатические стратегии приобретают «квоты суверенитета» (*англ.* Quotas of Sovereignty) и «дипломатическую гарантию» (*англ.* Diplomatic Guarantee).

Начнем с того, что, с точки зрения «Политической социологии международных отношений», государство (как институт) благодаря своему суверенитету имеет две огромные привилегии. С одной стороны, центральному правительству дозволено устанавливать политические механизмы для проектирования внешней политики. С другой – для ее осуществления. Таким образом, если центральное правительство решит распределить часть этих привилегий между другими организациями, политическими деятелями и государственными институтами, оно предоставит квоты суверенитета своего государства. В действительности, такая практика нелогична, и даже бессмысленна, поскольку так государство теряет свою политическую силу. Однако принято считать, что центральные правительства действуют крайне целесообразно и передача квот суверенитета важна для обеспечения все той же политической стабильности государства, а также для поддержания «статуса-кво» (лат. *status quo* – «положение, в котором...») политических элит и улучшения взаимодействия с другими государствами.

Центральное правительство также имеет право распределять квоты суверенитета между дипломатами и дипломатическими институтами с тем, чтобы облегчить их международную, политическую и административную деятельность. Подобное «разделение труда» происходит через письма о назначении, официальные уведомления, декларации и введение в должность. Эти события напрямую или косвенно выставляют на международное обозрение официальные функции, полномочия, полномочия, цели и обязанности тех граждан, кото-

¹⁰ В классической теории дипломатические стратегии подразделяются на тактики, а тактики – на методы. В таком случае наиболее наглядными тактиками в дипломатии являются: посредничество, согласование, арбитраж и президентское посредничество или посредничество главы государства. Методы, в свою очередь, различаются по скорости и интенсивности их применения.

рые представляют государство на международной арене. Однако, «разделение труда» также выстраивает иерархию институтов в зависимости от того, кому достается больше квот суверенитета. Например, министр иностранных дел Франции имеет больший опыт представительства, чем первый секретарь, поскольку обладает большими квотами суверенитета, в том числе приобретенными от других мировых дипломатических служб. Если вышеупомянутый министр решит отправиться в командировку в другую страну, иностранные дипломатические службы продемонстрируют большее внимание¹¹ к нему, нежели к сопровождающим его сотрудникам дипломатического корпуса. И хотя может показаться, что особое обращение может быть связано с более высокой позицией министра в иерархии института, в действительности же, этот принцип в международной среде не действует.

За пределами государства национальные публичные институты не обладают никакой политической значимостью. Даже министр иностранных дел, будучи главой МИДа, выезжая в другую страну с особой миссией, не пользуется там особыми привилегиями. Принимающая сторона постарается, в первую очередь, узнать, кто обладает наибольшими квотами суверенитета, чтобы определить степень «дипломатического представительства».

К примеру, в 2011 году консул Израиля в Панаме Эдна Ливне, будучи обвиненной в коррупции, была собственными же подчиненными выдворена из посольства. Несмотря на это, правительство Панамы признавало назначение Ливне до тех пор, пока правительство Израиля официально не отстранило ее от должности. В данном случае, правительство Панамы отдало приоритет принципу «дипломатического представительства», а не «принципу института» политической системы Израиля, который не имел никакой политической силы на территории панамского государства. Похожий случай произошел в Ливии в марте 2014 года. На этот раз из-за восстания генерала-отступника Халифы Хафтара обострился внутренний конфликт. В связи с этим у правительства США появилась острая необходимость «постепенно» сместить дипломатический отдел своего посольства в Триполи. Так, США распустили свое посольство и консульство, что обеспечило прямой доступ ополченцев к старейшим дипломатическим апартаментам. Пример с Ливией наглядно показывает, что центральное правительство может поделить или «потребовать обратно» квоты суверенитета в зависимости от различных причин.¹²

Принцип «дипломатической гарантии»¹³ отражает добровольное стремление государства к компромиссу, желание исполнить все договоренности с иностранными государствами и международными деятелями. Данный принцип является обязующим. Действия, которые так или иначе ему угрожают, считаются противоречащими принципам дипломатии, поскольку пренебрежение ими влечет за собой санкции политического или военного характера в отношении государства, не выполнившего свои обязательства и разорвавшего «джентльменское соглашение». По мнению Матиаса Хартвига,¹⁴ слова которого цитирует

¹¹ Или субординацию.

¹² Посольства и консульства приобретают квоты суверенитета от государства. В отличие от дипломатов, эти организации получают изрядное количество квот суверенитета таким образом, что другие государства легко могут узнать, кто пользуется особой неприкосновенностью в соответствии со статьей 21 Венской конвенции о дипломатических сношениях и Венской конвенции о консульских сношениях.

¹³ Важно отметить, что в испанском языке понятие «дипломатическая гарантия» никак не связано с понятием «дипломатическое обязательство» (англ. *Diplomatic Assurances*). «Дипломатическое обязательство» скорее относится к правам и обязанностям беженцев, эмигрантов и депортированных. Если последние стали объектами гонения, пыток, либо подозреваются в совершении преступления, то об этом они должны сообщить государству или наднациональным организациям. Тем не менее, данный принцип не является обязательным для исполнения, гласным, публичным или значимым. В английском же языке оба понятия применяются стихийно для описания различных ситуаций. См. YOUNG-GWAN, Lee. 2012. South Korean Economic Miracle and Its Reflections in Los Angeles Times and New York Times, 1975–1979. (24–01–2015). <http://ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/viewFile/17608/11791> См. COMISIÓN DE DERECHO HUMANOS DE LA ONU. 2005. Reporte E/CN.4/2006/6. December, 16. Parágrafo 31.

¹⁴ HARTWIG, Matthias. 2004. The German Federal Constitutional Court and the Extradition of Alleged Terrorists to the

Оскар Андрес Пасо Пинеда,¹⁵ данный принцип является настолько существенным, что приобрел действие в международном сотрудничестве и в системе Международного публичного права. Страны дают официальные гарантии¹⁶ другим государствам и участникам международного процесса, их требующим.¹⁷ Таким образом, государства перестраховываются. В особенности, дипломаты, которым приходится дважды подумать, «чего говорить не следует», чтобы не подвергнуть риску участие государства в возможных проектах и не подвергнуть опасности репутацию правительства.

Установление соглашений говорит о подлинном интересе сторон выполнить обещанное. Убедившись в «надежности» дела, государства готовы к взаимодействию, при этом они уверены, что каждая из сторон выполнит «данное слово». Безусловно, если одно из государств заподозрит, что его партнер не способен выполнить условия соглашения, оно воздержится от сотрудничества и попытается найти партнера в лице другого государства, способного продемонстрировать большую стабильность во внешней политике. В конце концов, может ли идти речь о международных отношениях и внешнеполитическом взаимодействии, если обе стороны прекрасно понимают, что ни одна из них не сможет исполнить свои обязательства?

Таким образом, в международном сообществе можно с легкостью определить способность того или иного государства исполнять международные договоренности. Выстраивается своего рода иерархия государств, предоставляющих высокую или низкую «дипломатическую гарантию», также существует своего рода «рынок дипломатических гарантий», где каждое государство открыто заявляет о своей коммерческой привлекательности для инвесторов. Например, в марте 2015 года «репутация» Швеции серьезно пострадала в результате отмены соглашения с Саудовской Аравией по вопросам военной обороны. До этого события страны Евразии, Америки и Ближнего Востока были намерены вести торговлю военным снаряжением со Швецией. Однако после произошедшего, страны решили *заморозить* переговоры, поскольку Швеция продемонстрировала, что за нее «поручиться нельзя».¹⁸ И хотя Швеция прекрасно осознавала, что такое одностороннее решение приведет к экономическим последствиям, она предпочла продемонстрировать свою независимость и разорвать отношения с Саудовской Аравией.

Соглашение между государствами существенно отличается от договора между двумя транснациональными компаниями. И хотя в обоих случаях невыполнение одной из сторон установленных соглашений может привести к разбирательствам в международном суде, суверенное государство имеет полное право расторгнуть (в том числе и без предупреждения) договор с другим государством, не опасаясь санкций со стороны международного суда и международного сообщества. Очевидно, что подобное действие может спровоцировать международный конфликт, однако, с юридической точки зрения, государство независимо и вольно по собственному желанию заключать и расторгать соглашения. Согласно Международному публичному праву, государство «не должно» нарушать установленные соглашения во избежание санкций. Тем не менее, как показывает практика, оно «может». И это понимают другие государства, которые проводят огромное количество времени, оценивая каче-

United States. German Law Journal. Vol. 5. No. 3. CIIA. C. 192.

¹⁵ PAZO PINEDA, Oscar Andrés. 2012. Garantías diplomáticas y Constitución: El derecho fundamental a la vida en los procesos de extradición. (15–01–2015). <http://www.ius360.com/publico/constitucional/garantias-diplomaticas-y-constitucion-el-derecho-fundamental-a-la-vida-en-los-procesos-de-extradicion/>

¹⁶ В целом, «дипломатическая гарантия» делится на два типа. С одной стороны, гарантия на выполнение установленных обязательств, которую предоставляет государство. С другой – «залог», который государство оставляет на случай невыполнения договоренностей.

¹⁷ PAZO PINEDA: 2012. *Op. Cit.*

¹⁸ Швеция приняла данное решение в качестве репрессивной меры в отношении правительства Саудовской Аравии, предположительно совершившего преступление против прав человека.

ство и надежность «дипломатических гарантий» своего партнера, пытаясь, таким образом, предугадать все возможные риски потенциального сотрудничества.

Присутствие в дипломатических стратегиях таких аспектов, как «*квоты суверенитета*» и «*дипломатическая гарантия*», определяет степень «*дипломатического представительства*» деятельности дипломатов. Однако, «разделение труда» все же не гарантирует успеха предприятия. Центральные правительства строятся на политических элитах, которые могут ошибочно трактовать политические сценарии и неверно использовать принципы представительства. Необходимо помнить, что политические элиты преследуют собственные интересы, и их намерения могут зависеть от различных факторов, в том числе от давления со стороны малых политических групп (местных и национальных), научных сообществ, общественного мнения, национальных и международных компаний и корпораций, церкви, неправительственных организаций (НПО), зарубежных политических элит и наднациональных организаций. Национальные политические элиты не обязаны в надлежащей форме осуществлять «*дипломатическое представительство*». К примеру, они могут предоставить одни и те же привилегии дипломатам и другим служащим или публичным институтам, а также простым гражданам, гражданским организациям, политическим партиям и организациям в несоответствующих пропорциях. В таких условиях искажается смысл самого феномена «дипломатия».

Раз «*дипломатическое представительство*» распределяется непропорционально, происходит смена политических ценностей в дипломатической среде и в концепции «руководитель – подчиненный», в особенности, в институте дипломатии. А это изменение разрушает концепцию самой «дипломатии» в рамках «Политической социологии международных отношений», где категория «дипломатии» осуществляется лишь в том случае, если будет выполнен ряд условий.

В «Политической социологии международных отношений» дипломатия строится на дипломатических стратегиях и существует, когда национальные политические элиты, контролирующие центральное правительство, через дипломатическое представительство и дипломатические институты информируют центральное правительство другой страны об интересах своей внешней политики. Все это должно происходить по обоюдному согласию,¹⁹ посредством переговоров,²⁰ мирно,²¹ профессионально²² и информативно,²³ через официальные (законные) средства связи,²⁴ которые отличаются особыми методами²⁵ и строго регламентированы,²⁶ с целью не допустить возникновения вооруженных конфликтов; и способствовать сближению государств.²⁷

В данной схеме дипломатия становится результатом, следствием, но не причиной. Таким образом, частичное или полное отсутствие какого-либо из условий уничтожает основную идею и создает новую концепцию, отличную от дипломатии. Здесь проявляется существенное отличие от остальных научных отраслей, которые пытаются определить

¹⁹ MARTENS, Charles de. 1886. La Guía Diplomática.

²⁰ SATOW, Ernes. 1947. A Guide to Diplomatic Practice. University of Toronto. Toronto, Canada.

²¹ BERRIDGE, Geoffrey. 2002. Diplomacy: Theory and Practice. Palgrave. UK.

²² COHEN, Raymond. 1999. Reflections on the new global diplomacy: Statecraft 2500 BC to 2000 AD. In: MELISSEN, Jan. Innovation in diplomatic practice. Macmillan. Basingstoke. CIIA. C. 1–18.

²³ U. S. DEPARTMENT OF STATE (USD). 1987. Dictionary of International Relations Terms. CIIA. C. 85.

²⁴ ROSECRANCE, Richard. 1974. Diplomacia. Enciclopedia Internacional de Ciencias Sociales. Editorial Aguilar. Vol. 3. Spain. C. 24.

²⁵ CANTILLO, José María. 1993. La profesionalidad del diplomático. GEL. Argentina.

²⁶ CAHIER, Phillippe. 1965. Derecho diplomático contemporáneo. Spain.

²⁷ DER DERIAN, James. 1987. On diplomacy: a genealogy of western estrangement. Universidad de Oxford. Editorial Blackwell. CIIA. См. CONSTANTINOU, Costa. 1996. On way to Diplomacy. University of Minnesota Press. CIIA. C. 110.

дипломатию как «науку»²⁸ или «стечение обстоятельств».²⁹ Иными словами, «Политическая социология международных отношений» рассматривает дипломатию как результат стечения обстоятельств, а не как конкретное социальное явление. Но, чтобы дать верное определение, важно использовать новую терминологию, которая позволяет различать идею «дипломатии» в «Политической социологии международных отношений» и другие концепты, так или иначе с ней связанные. Поэтому далее, рассматривая идею дипломатии в рамках «Политической социологии международных отношений», мы будем обозначать ее термином **«Ультердипломатия»** (англ. *Ulter-Diplomacy*).

Использование такого концептуального подхода позволит более методично проанализировать понимание проблемы. Далее термин «ультердипломатия» мы будем применять как инструмент. Это является вынужденной мерой, применяемой для того, чтобы подчеркнуть связь термина с «Политической социологией международных отношений», но не для отдаления этого понятия от других, связанных с дипломатией концептов.

Истоки понятия «ультердипломатия» ставят его в центр изучения и требуют тщательного подхода и внимания. Таким образом, кажется заманчивой (и даже непреодолимой) идея включить в его окружение традиционные и новейшие дипломатические стратегии, чтобы понять, какие из них лучше сочетаются с их природой, а какие – нет. Иными словами, необходимо понять – какие из дипломатических стратегий лучшим образом дополняют условия «ультердипломатии», а какие – нет. Таким образом, «ультердипломатию» можно использовать для составления схемы, которая позволила бы распознавать дипломатические стратегии, применяемые тем или иным государством. Если расположить данную идею в центре изучения, то можно включить в нее набор дипломатических стратегий, тесно с ней связанных, и, в то же время, сообщающихся с другими, более периферийными дипломатическими стратегиями, не имеющими такой связи с «ультердипломатией». В результате подобной операции среди различных типов дипломатических стратегий можно обнаружить группу стратегий, не соответствующих центру или периферии «ультердипломатии». Данная группа скорее относится к «отрывочной области», или, если угодно, противостоит самой идее «ультердипломатии».

К примеру, в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года,³⁰ Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года³¹ и Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года,³² двусторонняя дипломатия является «первейшей» стратегией во взаимоотношениях двух стран. Через нее дипломатические службы государств могут напрямую общаться на важные для них темы. Тем не менее, чтобы при-

²⁸ Термин «Дипломатия» имеет различные коннотации. Важно отличать понятие «Дипломатология» (англ. *Diplomatology*), возможно, взявшее начало в трудах румынского философа Богдана Петричейку Хашдеу (1838–1907) и используемое для обозначения научных исследований в области дипломатии и внешней политики. Таким образом, корректнее говорить о науке «Дипломатологии», чем о науке «Дипломатии». Несмотря на это, данный термин используется для описания научной деятельности и систематизации античных дипломатических свитков. См. MERCA, Oana. 2013. *Începuturile publicistic hasdeene*. In: *Revista Nouă*. Año 10. No. 3. 76. Apare la Câmpina, România. Romania. C. 25. См. GUERRA, A. R., 2003. *Os diplomas privados em Portugal dos séculos IX a XII-Gestos e atitudes de rotina dos seus autores materiais*. Centro de História da Universidade de Lisboa. Lisboa, Portugal. C. 28. См. EVANGELISTA MARQUES, André. *Para um inventário da documentac, diplomática anterior a 1101 conservada em arquivos portugueses*. In: ARÍZAGA BOLUMBURU, Beatriz; y otros. *Mundos Medievales Espacios, Sociedades y Poder*. Editorial de la Universidad de Cantabria. Spain. C. 709.

²⁹ К примеру, стоит вспомнить классическое определение «Дипломатии» Гарольда Николсона. Если тщательно разобьаться, то для Николсона «Дипломатия» – вовсе не результат выполнения ряда условий, а как раз наоборот, «Дипломатия» – это «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата». Это означает, что дипломатия является вполне конкретным «общественным явлением» без привязки к прошлому или будущему. См. NICOLSON, Harold. 1955. *La Diplomacia*. Fondo de Cultura Económica. Mexico. C. 14.

³⁰ Вступила в силу 24 апреля 1964 г.

³¹ Вступила в силу 19 марта 1967 г.

³² Вступила в силу 27 января 1980 г.

менить ее правильно, необходимо выполнить ряд формальностей и церемоний, продиктованных «ультердипломатией». В свою очередь **«Публичная дипломатия»** (англ. Public Diplomacy) относится к периферии, поэтому, с одной стороны, применяется развитыми дипломатическими службами, а с другой – может оказаться куда разнообразнее и непредсказуемей, чем двусторонняя дипломатия. «Публичная дипломатия» действует не в группе «государство – государство», а вовлекает еще одного участника: «государство – государство – народ». Иные ситуации демонстрируют *«антисистемная дипломатия»*³³, *«предпарадипломатия»* и *«протодипломатия»*.³⁴

«Антисистемная дипломатия» является нелегальной дипломатической стратегией, которая использует **«структурные дыры»** (англ. Structural Holes) институтов в своих интересах, что может произойти в любой социальной структуре,³⁵ и таким образом воздействует на внешнюю политику других государств. В то же время такой подход способствует внутренней разобщенности и раздробленности министерства иностранных дел, его практикующего. Тем временем «предпарадипломатия» и «протодипломатия» заходят еще дальше, дробя власть национальных элит в собственной политической системе и разобщая государство.

Эти три стратегии,³⁶ наряду с другими, представленными в данной книге, составляют часть явления, именуемого **«Институциональные болезни»** (англ. Institutional Diseases) в рамках «Институциональной инженерии»,³⁷ а не «Экономики»;³⁸ и, кажется, не находятся в непосредственной близости к «ультердипломатии». Как раз наоборот, они отдалены от центра, поскольку используют отсутствие механизмов контроля, разобщенность внутри министерства иностранных дел и отсутствие посредников, чтобы ускорить потерю национальными политическими элитами контроля над их дипломатическими институтами.

В данном контексте совершенно неуместна параноическая мысль об ультрацентристском характере «ультердипломатии». Однако важно понимать, что она помогает выстроить типологию дипломатических стратегий в рамках научных, академических и дидактических целей. Если воспринимать «ультердипломатию» как инструмент, который можно крепко удерживать в руках, не давая возможности выскользнуть, можно понять, что дипломати-

³³ См. главу: Антисистемная дипломатия.

³⁴ См. главу: «Предпарадипломатия» (англ. Pre-paradiplomacy) и «Протодипломатия» (англ. Protodiplomacy).

³⁵ BURT, Ronald. 1992. Structural holes: the social structure of competition. Harvard University Press. С. 57–91.

³⁶ В дидактических целях в данной книге было решено предоставлять оригинальную терминологию, использованную исследователями, обнаружившими или изучавшими различные типы дипломатических и анти-дипломатических стратегий.

³⁷ «Институциональная инженерия» – это область научных знаний, объектом изучения которой является функционирование внутренней структуры публичных, частных и смешанных институтов в процессе принятия и удовлетворения запросов в соответствии с их условиями. Является разделом «политической социологии». См. CALAME, Pierre. 2006. La ingeniería institucional: la concepción y el funcionamiento de las instituciones. Tesis para repensar la gobernanza. (31–07–2015). <http://www.institut-gouvernance.org/es/analyse/fiche-analyse-325.html>

³⁸ Пару веков назад французский философ и социолог Огюст Конт считал, что институт является живым организмом, таким же как человек – с сердцем, руками, мозгом и т. п. Однако со временем столь простая теория устарела во многом благодаря работам Макса Вебера и других, описывавших институт как результат систематического взаимодействия и работы разных его отделов. Иногда Контское видение института используется в институциональной инженерии в дидактических целях. Например, говоря о «Институциональных болезнях» или «Институциональных патологиях» (англ. Institutional pathologies), мы подразумеваем, что институты могут иметь «симптомы» или «заболевания», которые их тревожат, как любая болезнь, и даже могут привести к летальному исходу. Эти «болезни» и «патологии» говорят о внутренних сбоях в работе института и нарушении взаимодействия между его составляющими, что может привести к последующему краху, отсутствию результатов или слиянию с другим институтом. В любом случае, институт вымирает. См. FROLOV; Daniil; LAVRENTYEVA, Anna. 2014. Metaphors and Analogies in Institutional Economic Theory. (27–07–2015). http://mpr.ub.unimuenchen.de/55011/1/MPPA_paper_55011.pdf См. LEVALLOIS, Clement. 2011. Why Were Biological Analogies in Economics “A Bad Thing”? In: PENROSE, Edith. Battles against Social Darwinism and McCarthyism. Science in Context. Vol. 4. С. 465–485. См. PUETTER, Uwe. 2012. The Latest Attempt at Institutional Engineering: The Treaty of Lisbon and Deliberative Intergovernmentalism in EU Foreign and Security Policy Coordination. Department of Public Policy. Central European University. Hungary.

ческие стратегии, располагающиеся в ее центре или периферии, дополняют деятельность министерства иностранных дел, в то время как другие, «неклассифицируемые», стратегии ведут себя похожим образом, но своими действиями могут привести к искажению смысла дипломатического представительства.

Перефразируя Корнелиуса Бхола и Маркуса Корнпробста, данные «неклассифицируемые» стратегии могут относиться к сфере, известной как «**Антидипломатия**» (англ. *Anti-Diplomacy*), поскольку воздействуют на мировую политику. Но, в отличие от традиционной дипломатии, им в значительной степени не хватает некоторой «официальности» или «легитимности»; они не владеют регламентированными методами, не нуждаются в переговорах и воздействуют целенаправленно на внешнюю политику государства. В то же время они препятствуют поддержанию целостности и легитимности института, официальных каналов связи, грамотной публичной администрации и международного сотрудничества.³⁹ Также следует добавить, что их применение оскверняет имя государства и подвергает сомнению его репутацию, не говоря уже о негативном влиянии на его уклад, развитие и внутреннюю целостность политических элит.

Тем не менее, не Бхола и Корнпробст дали это название. В английском языке понятие «антидипломатия» является отнюдь не новым. А вот в испанском языке оно появилось относительно недавно. Как и при дискуссиях касательно антиполитики, в лагере политических наук данная дискуссия была отклонена некоторыми англосаксонскими академическими сообществами «высшей иерархии». Например, в высших научных кругах одно упоминание об «антидипломатии» может спровоцировать «внезапный и бурный» интерес, понять который могут лишь любители постигать то, что «более никому не интересно». В действительности, «антидипломатия» является заманчивой идеей в некоторых кругах академической элиты. Эта идея является непростой, и попытка описать ее, или хотя бы досконально изучить, превращается в настоящий вызов. Именно по этой причине в мире не так много ученых, попытавшихся углубиться на этом уровне и, так или иначе, пролить свет на данную проблему. Именно поэтому крайне важно отметить достижения в этой области.

Для начала следует обратиться к исключительной работе Ное Карнаго под названием «Дипломатия и ее двойник: политические языки антидипломатии».⁴⁰ Необходимо сказать, что упоминаний о таком явлении, как «антидипломатия» не было найдено «в других, более важных источниках об истории дипломатии». Однако, Карнаго удалось обнаружить аналогии этого явления, начиная с конца XVIII века. К этой идее постоянно обращались и обращаются сейчас, но в различных коннотациях и пониманиях, общих и универсальных. К примеру, понятие «антидипломатия» использовали для описания «немирной» тактики установления политических отношений между древними государствами, империями и республиками; типа политического взаимодействия, «достойного порицания» и идущего вразрез с традиционными дипломатическими практиками; эвристического инструмента; «исключительных», «радикальных», «иррациональных», «экзополитических» и «детерриториальных» случаев, связанных с дипломатией и потенциальным искажением дипломатической культуры; и политической позиции, не «оговоренной» заранее политическими элитами двух или более государств, пытающихся установить иного типа дипломатические отношения.⁴¹

³⁹ BJOLA, Corneliu; KORNPROBST, Markus. 2013. *Understanding International Diplomacy: Theory, Practice and Ethics*. Routledge. США. С. 205.

⁴⁰ Работа Карнаго носит полуэнциклопедический характер и отличается излишней информативностью. Тем не менее, нельзя не упомянуть данную работу в контексте нашего исследования. См. CORNAGO, Noe. 2013c. *Diplomacy and its double: The political languages of antidiplomacy*. ECPR General Conference Bordeaux. *Conceptual Change and Conceptual History in International Relations*. С. 5.

⁴¹ CORNAGO, Noe. 2013a. *Plural Diplomacies. Normative predicaments and functional imperatives*. Series Editor Jan Melissen. Martinus Nijhoff Publishers. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Vol. 8. UK. С. 152–189.

Термин «антидипломатия» также стал синонимом множества идей, таких как «латентная международная угроза»; действия империалистов; интервенционизм; «непристойный» и «неуместный» язык; военное принуждение; политическая агрессия; и «добродетель». ⁴² Но с начала XX века само явление «антидипломатии» начинает достигать более значимых масштабов, когда на общественное обозрение выходит ряд документов, акцентирующих свое внимание на разломе между «дипломатией» и «антидипломатией».

К примеру, Карнаго ссылаясь на Мартина Вихта, писавшего об «антидипломатии» в 1957 году в своем труде «Международная теория: три традиции» (*англ.* International Theory: The Three Traditions), ⁴³ описывая политическую обстановку во время объединения Италии в XIX веке. Вихт отметил, что дипломатические маневры Джузеппе Мадзини (вдохновленные идеями макиавеллизма) и Камилло Паоло Филиппо Джулио Бензо, графа ди Кавур (вдохновленные идеями кантианства) совпали с данным временным промежутком в Италии и значительно повлияли на процесс объединения. Благодаря столь простому сравнению стало понятно, что понятие «антидипломатия» является антонимичным теоретически и исторически явлению «дипломатии».

Однако научное сообщество устремилось к термину «антидипломатия» лишь через 30 лет после выхода в свет работы Джеймса Дер Дериана «В дипломатии» (*англ.* On Diplomacy). ⁴⁴ Оригинальность данной работы состоит в том, что Дер Дериан обособил концепцию «антидипломатии» и включил ее в один из шести этапов дипломатии, которые, по его мнению, характеризуют периоды становления дипломатии с течением истории. ⁴⁵

Дер Дериан установил связь «антидипломатии» с любой деятельностью, ведущей к установлению политических связей с иностранными гражданами через «неофициальные» или неотслеживаемые государством каналы связи. ⁴⁶ Годы спустя, Дер Дериан добавил, что современные способы сообщения (Интернет) служат доказательством эволюции «антидипломатии». Тем не менее, трансцендентальный вклад Дер Дериана состоит в том, что зародилась сама идея «антидипломатии» как «противоположности классической дипломатии». ⁴⁷

Дер Дериан обнаружил, что сближение государств может быть достигнуто посредством дипломатии или же добровольного общения граждан этих стран. В обоих случаях государства могут мирно взаимодействовать. Результат останется прежним. Но механизм осуществления этого процесса является официальным в одном случае, и неофициальным в другом. Дипломатия использует официальные средства связи, основанные на Международном публичном праве. «Антидипломатия» использует «неофициальные» механизмы, в том числе Интернет. Это, по мнению Карнаго, и отличает дипломатию от ее «двойника». ⁴⁸ С этим предположением согласился Костас Константиноу, ⁴⁹ который заключил, что существует некое противопоставление в этих двух формах. Некоторые из его фантастических идей также одобрил Эдмунд Бурке в 1796 году. ⁵⁰

⁴² CORNAGO: 2013c. *Op. Cit.* С. 20–32.

⁴³ WIGHT, Martin. 1996. International Theory: The Three Traditions. Leicester University Press for the Royal Institute of International Affairs. UK.

⁴⁴ DER DERIAN: 1987. *Op. Cit.*

⁴⁵ «Мифодипломатия» (*англ.* Mytho-Diplomacy), «Протодипломатия» (*англ.* Proto-Diplomacy), «Дипломатия» (*англ.* Diplomacy), «Антидипломатия» (*англ.* Anti-Diplomacy), «Неодипломатия» (*англ.* Neo-Diplomacy) и «Технодипломатия» (*англ.* Techno-Diplomacy).

⁴⁶ Ibidem. С. 165–166.

⁴⁷ VARGAS ZURITA, Andrés. 2013. Reinterpretando la Diplomacia de los Pueblos. Departamento de Derecho Internacional Público, Relaciones Internacionales e Historia del Derecho. Universitat Politècnica de València. Universidad del País Vasco. In: Trabajos y Ensayos. No. 17. (27–07–2015). <http://www.diprrihd.ehu.es/revistadoctorado/n17/Vargas17.pdf>

⁴⁸ CORNAGO: 2013a. *Op. Cit.* С. 191.

⁴⁹ CONSTANTINO: 1996. *Op. Cit.* С. 83–88.

⁵⁰ CORNAGO: 2013a. *Op. Cit.* С. 191.

Помимо этого, «дипломатия» и «антидипломатия» обладали тремя общими чертами. Во-первых, дипломатическая и антидипломатическая деятельность способствовали укреплению отношений между государствами. Во-вторых, обе напрямую влияли на ведение внешней политики государства. В случае с «антидипломатией», ее методы представляли собой потенциальный риск для государств и могли повлечь за собой «как появление новых механизмов власти, так и опасность»⁵¹ для правительств.⁵² Например, при недостаточном государственном контроле преступные и террористические группировки могут свободно контактировать с подобными организациями через Интернет. Простые граждане также могут устанавливать межгосударственные соглашения, противоречащие внешнеполитическому курсу государства. Наконец, в-третьих, государство задействует все механизмы «дипломатии» и «антидипломатии» для сближения с другими государствами.⁵³

Данные аргументы позволяют предположить, что «антидипломатия» может оказаться не вполне сформированным инструментом мирного взаимодействия между государствами. Несмотря на это, дискуссии на тему «антидипломатии» могут выйти на новый уровень, если трактовать ее как административно-бюрократический элемент и высказать идею того, что отношения между этими категориями выстраиваются в «парадокс».

Рассмотрим следующий случай. Предположим, дипломат должен подготовить мирный договор для подписания главой своего и иностранного государства. Вероятно, он очень удивится, когда, предоставив образец документа своему начальству, он обнаружит, что в данном документе более нет никакой необходимости, поскольку договор уже заключен. Все дело в том, что другой человек (или группа людей), не имеющий никакого отношения к министерству иностранных дел или иным государственными институтам, ранее предоставил образец документа, который в итоге и был подписан.

С дипломатической точки зрения, очевиден «парадокс», когда человек (или группа людей) присваивает себе чужую работу и таким образом ускоряет достижение желаемого: в данном случае подписание мирного договора, что устраивает всех. В действительности, подобные действия нарушают стабильность рабочего процесса дипломатического корпуса. Если такая практика приобретает популярность среди глав государств, дипломаты могут попросту лишиться работы. Министерства иностранных дел также могут испытывать подобные затруднения. К примеру, МИД может претерпевать «институциональный кризис», если начнут появляться «мирные политические инициативы» со стороны гражданского населения, которые будут влиять на дипломатические отношения лучшим образом, чем их институциональная бюрократия.

Но ситуация может приобрести еще более «парадоксальный» характер, если часть этих «мирных политических инициатив» будет исходить от того же министерства иностранных дел или других политических институтов. Если так, то национальные политические элиты,

⁵¹ DER DERIAN, James. 1992. Antidiplomacy. Spies, terror, speed and War. Wiley-Blackwell; 1Ed. США. С. 3.

⁵² Если бы не эта связь с внешней политикой, Дер Дериан, вероятно, не назвал бы данный феномен «антидипломатией». Он бы дал другое название, что-то вроде «отношения между иностранными гражданами», «сближение народов» или «взаимодействие граждан с другими государствами». В любом случае, слово «дипломатия» не звучало бы в названии, что логично, поскольку перечисленные феномены не имеют к дипломатии никакого отношения. Сделав это, он подверг бы себя критике, предполагая, что данные явления имеют некоторую степень «официальности», формальную связь с государством, что не является верным. См.: «Дипломатия «полуторного трека».

⁵³ На философском уровне всегда существовали два основных вопроса: является ли дипломатия стратегией сама по себе? Или же дипломатия является категорией, объединяющей в себе дипломатические стратегии? Если обратиться к Дер Дериану, то, по его мнению, «дипломатия» – это мирная стратегия государства, «антидипломатия» имеет ту же функцию, если государство способно каким-либо образом (например, посредством «публичной дипломатии») контролировать взаимоотношения своих граждан с иностранными. Если государство достигнет данной цели, оно приобретет две успешные стратегии для установления отношений с другими государствами, не говоря уже о том, что каждая из них обладает рядом более специфических тактик. Если так, то вполне обоснованно возникает вопрос: как называется изначальная производная «дипломатии» и «антидипломатии»? Может быть, «**Радих дипломатия**»? (исп. *Radix-Diplomacia*).

под чьим контролем находятся институты, должны будут одобрить подобную практику замещения функций министерств иностранных дел для достижения внешнеполитических целей и неестественную смену руководящих и подчиненных в дипломатическом корпусе. Иными словами, политические элиты могут провоцировать появление «парадоксальных дипломатических стратегий», чтобы подстроить свои политические институты под сложные международные стандарты через передачу «дипломатического представительства» другим субинститутам так, чтобы они могли абсолютно легально принимать участие в ведении внешней политики государства. Таким образом, *замещение* полномочий министерств иностранных дел станет широко распространенным явлением.

Несмотря на это, парадоксальные дипломатические стратегии, они же «антидипломатические стратегии», имеют способность пагубно воздействовать на элементы, обуславливающие «ультрадипломатию». Они изменяют правовую структуру дипломатического института, разрушают и обеззаконивают его, и, в то же время, приводят к «действенным результатам». Так зарождается излишняя двойственность в институтах, причастных к внешней политике, а также «административный и бюрократический парадокс» в основной деятельности дипломатических институтов.

Помимо упомянутых стратегий «антисистемной дипломатии», «предпарадипломатии» и «протодипломатии» существуют также и другие типы: «постдипломатия», «партизанская дипломатия», «дипломатия обмена заложниками», «дипломатия прямого набора», «учредительная дипломатия», «парадипломатия», «дипломатия «полуторного трека», «неконвенциональная дипломатия», «принудительная дипломатия», «мегафонная дипломатия», «дипломатия катастроф», «похоронная дипломатия», «дипломатия одолженного кресла», «дипломатия разумных санкций», «каталитическая дипломатия», «аутсорсинговая дипломатия», «дипломатия «от равного к равному», «религиозная дипломатия» и «контрдипломатия между посольствами». Все эти стратегии применяются дипломатическими службами и дополняют собой старейшие методы, в то же время, они снижают миротворческую «способность института».⁵⁴ Иными словами, все «антидипломатические стратегии» являются действенными, подходящими, доступными, привлекательными и эффективными в достижении многообещающих результатов. Но в сумме они способны разрушить институт министерства иностранных дел. Они недооценивают оперативные возможности дипломатов и провоцируют крах институтов, отвечающих за внешние связи государств, ставят под сомнение контроль над политической системой государства и соглашения, заключенные ранее. Одной из характерных черт данных стратегий является то, что все они берут начало в одном государстве, которое допускает их применение, словно опытным путем доказывая, что они содействуют политическим отношениям с другими государствами и международными органами, не имея никаких побочных действий. Для подтверждения вышеизложенного стоит обратиться к «Политической социологии международных отношений».

В продолжение, следует отметить, что основной задачей данной работы является перечисление различных дипломатических стратегий, которые могут, тем или иным образом, относиться к «антидипломатии». Что касается особых задач, то среди них можно выделить следующие:

1. Предоставить служащим дипломатического корпуса набор современных политических инструментов, характерных для феномена мировой дипломатии, при помощи которых они могут расширить рамки понимания политической и международной среды, в которой

⁵⁴ В данной работе представлена теория политических систем Дэвида Истона. Эта теория предполагает, что публичные институты имеют специальные структуры, принимающие и отвечающие на заявки и ходатайства граждан. В обоих случаях институты развивают свою способность реагировать и удовлетворять требования граждан, что говорит об их состоятельности или, в противном случае, бессилии. См. EASTON, David. 1965. The political system. Knopf. США.

они обитают; определить потенциальные очаги конфликтов и предотвратить их возникновение; изучить темы, на ознакомление с которыми в ходе работы могло бы быть потрачено больше сил и времени;

2. Попытаться сгруппировать различные современные стратегии, но не с целью составления словаря или энциклопедии, а для создания параметров соответствия, которые бы помогли различать их в огромной системе;

3. Описать наиболее показательные и общие идеи каждого из явлений, их трактовки и теории, связанные с дипломатическими стратегиями, не углубляясь в специфические аспекты; составить видение дидактического и педагогического характера, которое упростило бы понимание;

4. Использовать опыт университетских научных сообществ в сфере международных отношений и внешней политики, а также дипломатических институтов, относящихся к министерству иностранных дел;

5. Инициировать научные дебаты, которые бы позволили оценить реальное существование дополнительных дипломатических стратегий, которые до этого не были признаны;

6. Инициировать научные дебаты, которые позволили бы покончить как можно скорее с международным терминологическим кризисом, где научные отделения, факультеты и институты одной страны не могут согласовать свои взгляды, в том числе на простейшие идеи в сфере международных отношений;

7. Предложить следующий выход из международного терминологического кризиса: использовать математическую терминологию в сфере международных отношений; и

8. Сделать так, чтобы данная информация всегда была под рукой служащего дипломатического корпуса.

Справедливости ради стоит сказать, что информация о стратегиях, приведенная здесь, изначально не предназначалась для широкой аудитории. Поэтому данная работа раскрывает детали, которые могут помочь заполнить пробелы. Она также помогает организовать и систематизировать дипломатические стратегии, что не является новаторством. Данную работу можно считать продолжением общих усилий в изучении дипломатических стратегий в рамках власти, внешней политики;⁵⁵ с точки зрения теории,⁵⁶ культуры⁵⁷ или бюрократии.⁵⁸ Не говоря уже о таких важных трудах, как работы Генри Киссинджера⁵⁹ и Гарольда Николсона,⁶⁰ и многих других, упростивших взгляд на феномены современной дипломатии и раскрывших их новые противоречия. Но, в отличие от этих работ, где главным действующим лицом международных отношений становится государство, в данной работе заявлена идея о том, что внешняя политика и дипломатия – это два принципиально разных понятия, и существует множество типов внешней политики и различных дипломатических стратегий.

⁵⁵ MORGENTHAU, H. J. 1973. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Alfred A. Knopf. США.См. STRANG, Lord. 1962. *The Diplomatic Career*. André Deutsch. UK.См. IKLE, Fred Charles. 1964. *How Nations Negotiate*. Harper and Row. США.См. THOMPSON, Kenneth. 1992. *Traditions and Values in Politics and Diplomacy, Theory and Practice*. Louisiana State University Press. США.См. TIGAU, Camelia. 2009. *Diplomacia en la era digital. La ayuda alimentaria como maniobra*. Neoliberal. Centro de Investigaciones sobre América del Norte. Grupo Editorial Cenzontle. Universidad Nacional de México. Mexico. C. 24.

⁵⁶ MERLE: 1991. *Op. Cit.*См. MARSHALL: 1997. *Op. Cit.*

⁵⁷ WENDT, Alexander. 1999. *Social Theory of International Relations*. Cambridge. Cambridge University Press. UK.

⁵⁸ По словам Джорджа Лиска, можно говорить о «Рутинной дипломатии» (*англ.* Routine Diplomacy), которая смягчает и реализовывает международные отношения, установленные между государствами посредством бюрократических действий и незначительных соглашений; а также о «Креативной дипломатии» (*англ.* Creative Diplomacy), которая изменяет атмосферу, устанавливая переговоры и компромиссы.См. LISKA, George. 1975. *Beyond Kissinger: Ways of Conservative Statecraft Studies*. In: *International Affairs*. No. 26, The John Hopkins University Press, Baltimore. США. C. 25.

⁵⁹ KISSINGER, Henry. 1994. *Diplomacy*. Editorial Simon and Schuster. США.

⁶⁰ NICOLSON: 1955. *Op. Cit.*

В литературе о международных отношениях, в основном, принято говорить о внешней политике, не раскрывая дополнительных характеристик. Более того, оба понятия довольно часто используются в качестве синонимов. Такая путаница создает проблему восприятия внешней политики и дипломатии как независимых явлений. Цель внешней политики состоит в распознавании дипломатических стратегий, которые необходимо применить. Таким образом, внешняя политика скорее относится к политическому реализму или идеализму, в то время как дипломатия отвечает за то, как внешняя политика будет осуществляться. В данном контексте взаимосвязь между типами внешней политики и дипломатическими стратегиями простирается столь широко, что охватить ее практически невозможно. И, чтобы поглубже изучить эту тему, давайте рассмотрим ярчайшие примеры типов «внешней политики».

Разновидности внешней политики

Благодаря развитию методологических основ в области международных отношений, начиная со второй половины XX века по всему миру стали проводиться исследования, главной целью которых стал сравнительный анализ внешней политики различных государств.⁶¹ Данные исследования, в большинстве случаев, проводятся на кафедрах сравнительной внешней политики университетов и основываются на эмпирических методах исследования для выявления отличительных черт, сходств и различий внешней политики различных государств. В связи с этим, исследования по сравнительному изучению внешней политики были сосредоточены на том, чтобы прояснить, какие концептуальные элементы должны быть проанализированы. В качестве примера можно привести работу Рафаэля Веласкес Флореса «Внешняя политика США и Мексики: сравнительная перспектива».⁶² Для сравнения внешней политики двух стран автор использовал предложенный Габриэлем Алмондом⁶³ анализ следующих трех аспектов: 1) историческая справка, включающая в себя исследование внутренних факторов, таких как экономическое, социальное, культурное, политическое и идеологическое развитие страны, а также устойчивые интересы и тенденции внешней политики; 2) характеристика процесса принятия внешнеполитических решений, в том числе правительственных и неправительственных субъектов; и 3) суть внешней политики, включающая интересы, цели и средства ее реализации.

Кроме того, Мауре Ист, Стивен Салмоор и Чарльз Герман⁶⁴ также представили семь теоретических аспектов для сравнения внешней политики: 1) личностные характеристики политических лидеров; 2) структуры и процессы принятия решений; 3) политические особенности режимов; 4) национальные атрибуты общества; 5) свойства международной системы; 6) системы оценки, используемые государством перед принятием решения; 7) изменение обстоятельств, влияющих на внешнюю политику.

Также Кеннет Уолтц⁶⁵ предложил три уровня изучения внешней политики: индивидуальный, государственный и международный. По его мнению, процессы, которые делают возможным разработку, создание и реализацию внешней политики, должны пройти ряд бюрократических этапов как внутри, так и вне государства, которые также находятся под влиянием руководства и личности политических лидеров. Точно так же Грэм Аллисон⁶⁶ предложил разрешить «Кубинский ракетный кризис» 1962 года – провести анализ трех моделей принятия внешнеполитических решений: бюрократической, организационной и модели рационального выбора. Под бюрократической моделью подразумевается процесс принятия решений, в котором различные бюрократические агенты представляют свою позицию в отношении какого-либо вопроса или проблемы и, в конце концов, приходят к единому решению. Организационная модель относится к правительствам, которые реализуют свою политику в международной сфере, пользуясь стандартными схемами или же опираясь на ранее созданные производственные процессы. Что касается модели рационального выбора, то, согласно ей, государства устанавливают конкретные цели, затем, изучив различные альтер-

⁶¹ LARSEN, Henrik. 1997. Foreign Policy and Discourse Analysis. France, Britain and Europe. Routledge. UK.

⁶² VELÁZQUEZ FLORES, Rafael. 2003. Las políticas exteriores de EU y México: una perspectiva comparada. In: Desde el Sur: Visiones de Estados Unidos y Canadá desde América Latina a principios del siglo XXI. Vol. 2. Estados Unidos y América Latina. Universidad Autónoma de México. Mexico. C.84–104.

⁶³ ALMOND, Gabriel. 1958. Introductory: comparative study of foreign policy. In: MACREDIS, Roy C. 1958. Foreign Policy in the world politics. Prentice-Hall. Nueva Jersey, США. C. 1–8.

⁶⁴ EAST, Maure; y otros. 1978. Why nations act: Theoretical perspectives for comparative foreign policy studies. Sage. UK.

⁶⁵ WALTZ, Kenneth. 1959. Man, the state and war. A theoretical analysis. Columbia University Press. США.

⁶⁶ ALLISON, Graham. 1971. Essence of decision: explaining the Cuban missile crisis. Harper Collins. США.

нативы, отдают предпочтение тому решению, которое несет за собой больше преимуществ и меньше рисков. И, наконец, существует гипотеза Джеймса Розенау,⁶⁷ который предположил, что внешняя политика является совпадением трех факторов: численность населения государства (большая или маленькая), экономическая система (развитая или неразвитая) и его политическая система (демократическая или нет, открытая или закрытая). Также он предложил пять переменных для анализа внешней политики: переменная роли, социальная, правительственная, индивидуальная и системная. В своей работе Розенау не стал развивать данную гипотезу, но, тем не менее, предложил пути развития для новых исследований и возможности анализа представленной им модели.

Эти новые исследования характеризовались своей спецификой прежде всего в области сравнительной внешней политики. Например, некоторые из них определяют методы, которые должны быть использованы для получения результатов аналитических процессов, а другие пытаются классифицировать внешнюю политику государств. В последнем случае результаты были достигнуты путем анализа различных переменных, начиная с политических вопросов, возникающих в процессе создания и разработки внешней политики, и заканчивая механизмами ее реализации. Так, после классификации внешней политики государств, с региональной, континентальной и мировой точек зрения, данные исследования были направлены на изучение целей и интересов, касающихся анализа исторических эпох, политического лидерства, альянсов, балансов власти, торговых связей, профессиональной дипломатической службы, международного публичного права и других аспектов. Следовательно, они открыли двери в богатое разнообразие концепций для анализа поведения государств на международной арене. Не говоря уже о том, что эти исследования облегчили выбор внешнеполитического курса для политических лидеров, что позволило сделать очень важный шаг навстречу отказу от традиционного военного подхода на пути к достижению мира. В истории всегда существовало два важных метода урегулирования конфликтов: дипломатия и война. Однако существует больше примеров, когда конфликты были разрешены именно путем применения военной силы. И в этом случае, выбор правильного внешнеполитического курса дает возможность поиска политического решения путем переговоров, принимая во внимание законные интересы всех сторон, что гарантирует стабильность и гармонию в мире. Таким образом, люди, принявшие решение исследовать данный вопрос, не только преследовали цель изучить его с научной точки зрения, но и внести вклад в достижение мира. Сопоставив различные источники информации, можно привести ряд различных подходов к реализации внешней политики.

⁶⁷ ROSENAU, James N. 1980. Theories and pre-theories of foreign policy. In: The scientific study of foreign policy. Frances Pinter. UK. С. 95–149.

Типы внешней политики

На протяжении всей истории существовали писатели, предлагавшие различные теоретические и дидактические модели классификации внешней политики по ее формам и типам с целью упрощения понимания ее сущности для политических лидеров. Очень важную работу в данной области проделал Ачарья Чанакья, или Каутилья (*англ.* Acharya Chanakya – Kautilya), министр в королевстве Чандрагупты Маурья (Бихар, Индия) в период 317–293 гг. до н. э. В свое время Чанакья почитался в Южной Азии как человек хитрый и с тонким политическим умом. В своих работах он писал, что существует шесть типов внешней политики:

1. Sandhi (Сандхи), что означает «гостеприимная политика» (мирная). Каутилья писал, что в его время существовала традиция, когда цари приглашали других правителей на свои территории в качестве гостей. Согласно этой стратегии, многие проблемы были урегулированы без необходимости применения жестких мер. На сегодняшний день такая практика называется «официальным визитом» президента или министра. Как и две тысячи лет назад, эти визиты носили краткосрочный характер, хотя в то время очень часто визиты могли быть и долговременными.

2. Vighraha (Виграха), что означает «враждебная политика» (подготовка к непредвиденным обстоятельствам). Каутилья твердо верил, что королевства всегда находятся в состоянии войны и стремятся к власти, поэтому и необходимо вести враждебную внешнюю политику на протяжении всего времени. Особенно в отношении королевств, внушающих опасение в силу своей военной мощи.

3. Asana (Асана), что означает «политика безразличия между нейтральными королевствами» (нейтралитет). Каутилья писал, что безразличие между нейтральными королевствами могло существовать. Однако, в настоящее время эта идея устарела. В истории достаточно случаев, демонстрирующих, что равнодушие между нейтральными странами провоцирует только обострение напряженности. Например, период с 1930 по 1939 гг., когда Великобритания не могла соблюдать политику нейтралитета в отношении Германии. Во время Холодной войны США также не могли придерживаться данной политики в отношении СССР.

4. Dvaidhibhava (Дваидхивхаба), что означает «двойная политика» (двойная беседа). Каутилья полагал, что было полезным предупреждать политические события. Он пришел к выводу, что необходимо поддерживать четкую и индивидуальную политику в отношении различных государств, схожих или превосходящих их по военной мощи. Например, в 1971 и 1972 гг. советник по национальной безопасности США Генри Киссинджер использовал эту стратегию и тем самым добился заключения союза между США и Китаем во времена Холодной войны. Он придерживался внешней политики, отличающейся от политики, проводимой США в отношении СССР.

5. Samsara (Самсара), что означает «политика защиты более слабых царств» (альянс). Каутилья считал, что более сильные царства должны защищать более слабые, которые, в свою очередь, могли бы стать щитом для защиты от возможной атаки другого сильного царства. Эта система была очень распространена в период колонизации Европой Африки и Азии. В это время европейские страны начали контролировать слаборазвитые страны, находившиеся на колонизированных континентах, и тем самым укрепляли свои позиции в отношении друг друга.

6. Yana (Яна), что означает «политика атаки» (война). Каутилья думал, что мир и стабильность являлись залогом сильного государства. Вместе с тем, он был уверен, что необходимо нападать на королевства, чьи правители были несправедливыми и угнетали свой

народ. Для Каутильи захват таких королевств не требовал больших военных затрат в отличие от социальных волнений, которые ослабляли руководство короля и, впоследствии, его политическую власть. Каутилья советовал нападать на эти королевства и завоевывать их, что позволило бы получить легкий доступ к их ресурсам. Можно подумать, что Джордж Буш прочел работы Каутильи перед нападением на Ирак в 1990 году (во время войны в Персидском заливе⁶⁸).

В 1972 году Чарльз Ф. Герман⁶⁹ опубликовал уникальный документ под названием «Классификация политик: ключ к сравнительному изучению иностранной политики» (*англ. Policy Classification: a key to the comparative study of foreign policy*), где он дал краткий обзор аспектам, используемым для нахождения соответствия между внешней политикой разных стран. С их помощью он смог раскрыть классификацию изучаемого им предмета. Однако, судя по результатам, данная статья осталась незамеченной английскими и испаноговорящими специалистами. Причиной этому послужила заинтересованность мировых университетов в анализе более конкретных характеристик внешней политики государств, чем в установлении сходств и различий. Но, тем не менее, данная работа знаменует собой поворотный момент для сравнительной внешней политики. Чарльз Ф. Герман выделил четырнадцать аспектов для анализа, которые на тот момент, с его точки зрения, послужили одной из наиболее важных основ классификации внешней политики государств:

1. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «геополитики» в качестве инструмента анализа.

Проводя исследования в целях классификации внешней политики государств Чарльз Герман провел сравнительный анализ проводимой государством политики и географического расположения. Благодаря подобному анализу стало возможным с относительной легкостью выявить сходства и различия внешней политики государств, расположенных в одном и том же регионе в различные исторические периоды. Наиболее привлекательным в данной методике является то, что она позволяет, например, выявить авторитарную или неавторитарную внешнюю политику. То же касается и региональной внешней политики. Сторонником этой точки зрения является и Брайан Уайт.⁷⁰ Он считает, что в настоящее время внешняя политика Европейского Союза делится на три типа: 1) внешняя политика союза, т. е. внешняя политика, которой придерживаются все государства-члены в отношении мира; 2) внешняя политика сообщества, являющаяся внешней политикой, направленной на взаимное уважение государств-членов ЕС; 3) внешняя политика как часть национальной политики, другими словами, это политика, обязывающая государств-членов Европейского Союза с уважением относиться к другим странам, соблюдая принцип независимости и суверенитета.

2. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «основных целей и задач» в качестве инструмента анализа.

В этой области Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных при классификации внешней политики государств, исходили из анализа целей и намерений, преследуемых государствами на международной арене. С этой точки зрения стало возмож-

⁶⁸ SHABBIR, Shahab. 2002. Kautilya On Leadership: Lessons from Arthashastra. Aligarh Muslim University. Faculty of Law. Aligarh, India. MCKENZIE BROWN, Donald. 1953. Indian political thought: from Manu to Gandhi. The White Umbrella. University of California. CHIA, CHANDRASEKARAN, Pravin. 2006. Kautilya: politics, ethics and statecraft. Harvard University/Harvard Kennedy School. May. (30–09–2014). <http://mpr.ub.uni-muenchen.de/9962/1/>

⁶⁹ HERMANN, Charles F. 1972. Policy Classification: a key to the comparative study of foreign policy. In: The Analysis of International Politics: Essays in Honor of Harold and Margaret Sprout. Free Press. CIIA.

⁷⁰ WHITE, Brian. 1999. The European Challenge to Foreign Policy Analysis. European Journal of International Relations. Italy. C. 37–66.

ным определять внешнюю политику сдерживания и агрессивную внешнюю политику;⁷¹ а также политику, которую Кельвин Аллен⁷² идентифицировал как риторическую внешнюю политику (вводящую благородные цели) и реальную внешнюю политику (принятую по инициативе руководителей).

3. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «находчивости правительств» в качестве инструмента анализа. В данной области Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных при классификации внешней политики государств, исходили из анализа способностей государств осуществлять и распространять свою внешнюю политику. Сюда входят: профессионализм дипломатической и военной службы, а также, организация министерств иностранных дел (посольств и консульств), которые сыграли решающую роль в установлении сходств и различий внешней политики государств. Интересы, представляющие внешнюю политику государств, исходят из уровня развития культуры, экономики, политики, образования, технологии, рынка, финансов, пропаганды внутри государства и т. д. Однако не все государства обладают человеческими и образовательными ресурсами для эффективного управления внешней политикой. Поэтому можно сделать вывод о том, что некоторые государства имеют больше опыта в ведении внешней политики и, следовательно, имеют больше опыта в решении проблем. Например, Оле Рудольф Холсти⁷³ отмечает, что государства могут придерживаться двух типов ведения внешней политики на международной арене. С одной стороны, это боевое, активное и независимое поведение (АМ); а с другой – дружелюбное (АС). В связи с этим он уверен, что существует четыре вида внешней политики: 1) жесткая внешняя политика, которой необходимо поведение АМ, выступающая против применения поведения АС, т. к. преследуемая цель является ключевой проблемой государства; 2) межнациональная внешняя политика, при которой необходимы как поведение АМ, так и АС, и которая преследует политические цели, связанные с региональным благополучием; 3) «приспособительная» внешняя политика, при которой необходимо применение политики АМ, но она может быть заменена политикой АС, если оно получит поддержку других государств, основанную на их собственной выгоде; и 4) изоляционная внешняя политика, при которой не подходит ни поведение АМ, ни АС, т. к. государство преследует цель абстрагироваться от мирового сообщества и не иметь с ним политических контактов.

4. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «определенных действий» в качестве инструмента анализа. Здесь Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований относится к действиям, предпринятым государствами для реализации своей внешней политики. Так можно выделить враждебную или не враждебную внешнюю политику. Согласно исследованиям Чарльза МакКлелланда,⁷⁴ государства могут предпринимать до 63 различных типов действий (действие отрицания, требования, распространения и др.), что предполагает возможность классификации 63 различных типов внешней политики. Кроме того, можно говорить о внешней политике вмешательства или невмешательства во внутренние дела других государств; о колониальной или неколониальной внешней политике; протекционистской или не протекционистской по

⁷¹ VARGAS GARCÍA, Daniel. 2013. Análisis de la Política Exterior de Defensa y Seguridad de los Estados Unidos de América a partir del Realismo Hegemónico, durante el Segundo Gobierno (2005–2009) de George W. Bush, en el Plan Colombia. Universidad Colegio Mayor de Nuestra Señora del Rosario. Colombia. C. 13.

⁷² CALVIN, Allen; and W. Lynn Rigsbee. 2000. Oman Under Qaboos: From Coup to Constitution, 1970–1996. Frank Cass Publisher. UK.

⁷³ HOLSTI, Ole Rudolf. 2004. Public Opinion and American Foreign Policy, Revised Edition. Universidad de Michigan, CIIA. C. 52.

⁷⁴ MCCLELLAND, Charles. 1968. The quantity and Variety of Events: 1948–1963. In: SINGER, David. 1968. Quantitative International Politics. CIIA.

отношению к рынку; империалистической или неимпериалистической; а также о политике, делающей акцент на различные факторы: культурный, торгово-экономический, финансовый, пространственный, территориальный, фактор границ и многие другие. Исходя из этого, в научной практике России и Белоруссии большей популярностью пользуется классификация внешней политики по четырем типам: пассивная внешняя политика (адаптированная к международной ситуации); агрессивная внешняя политика (желание государства повлиять на внутреннюю и внешнюю политику других государств); активная внешняя политика (государства выступают за баланс между внутренней и внешней политикой); и консервативная внешняя политика (государства стремятся сохранить свои позиции между политикой внутренней и внешней).⁷⁵

5. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «связанных между собой атрибутов» в качестве инструмента анализа. В данном случае Чарльз Герман отмечает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, исходит из анализа связи между переменными времени, действий и некоторых других аспектов, зависящих от контекста. К примеру, Кеннет Нил Уолтц⁷⁶ говорил о продолжительной внешней политике и инновациях. Карл Дойч⁷⁷ и Дин Пруит⁷⁸ говорили об ответственной внешней политике; а Герберт Спиро⁷⁹ рассказывал о процессуальной и субстантивной внешней политике, равно как и о фундаментальной и обстоятельной. Чарльз Герман настаивает на возобновлении обсуждения данной темы, поскольку, по его мнению, необходимо уметь отличать следующие типы внешней политики: продолжительную, затратную и регулярную.

6. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «основных ценностей» в качестве инструмента анализа.

Тут Чарльз Герман уверен, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, основывается на анализе человеческих ценностей, которые влияют на внешнюю политику. В связи с этим, исследования были сосредоточены на оценке наличия идеалистических и рациональных ценностей в процессе разработки и реализации внешней политики. Например, Гарольд Лассуэл⁸⁰ выявил восемь типов внешней политики: внешняя политика власти, уважения, честности, преданности, хорошего поведения, богатства, ловкости и просвещения.

7. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «национальных целей» в качестве инструмента анализа.

В этой области Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, основывается на анализе целей, преследуемых внешней политикой. Национальные цели и пути их достижения определяют внешнюю политику государства, а исходя из этой характеристики, уже можно выделить группу государств со схожей внешней политикой. Например, Арнольд Уолферс,⁸¹ исходя из этой теории, определил три типа внешней политики: внешняя политика, чьей целью явля-

⁷⁵ КРУГЛОВА Г. А. 2007. Политология: Учеб. пособие. – Мн.: ЗАО «Веды». Belarus. МЕЛЬНИК В. А. 2006. Политология: Учебник. Belarus.

⁷⁶ WALTZ, Kenneth. 1967. Foreign Policy and Democratic Politics. Little Brown. Boston, США.

⁷⁷ DEUTSCH, Karl. 1957. Political Community and the North Atlantic Area. Princeton University. США.

⁷⁸ PRUITT, Dean. 1962. An analysis of responsiveness between nations. In: Journal of conflict resolution. VI. March. С. 5–18. США.

⁷⁹ SPIRO, Herbert. 1966. Foreign Policy and Political Style. In: The Annals of the American Academy of Political and Social Science. July. С. 139–148. США.

⁸⁰ LASSWELL, Harold; Kaplan, Abraham. 1950. Power and Society. Yale University Press. США.

⁸¹ WOLFERS, Arnold. 1951. The pole of power and the pole of indifference. In: World Politics. IV. С. 39–63. США.

ется расширение; внешняя политика, чьей целью является сохранность; и внешняя политика, чьей целью является альтруизм.

8. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «характеристики путей сообщения» в качестве инструмента анализа. Чарльз Герман считает, что большая часть исследований, проведенных для классификации внешней политики государств, происходит из анализа коммуникативных процессов, через которые проходит внешняя политика, начиная с момента ее зарождения и до момента, когда цели, поставленные перед внешней политикой, не будут достигнуты. Чарльз Герман утверждает, что при необходимости донести сообщение внешняя политика может делиться на два типа: вербальную и невербальную. Томас Шеллинг⁸² называл это скрытой и открытой внешней политикой. В этом контексте каналы, используемые для передачи сообщений во внешней политике, составляют базу для ее классификации согласно основным характеристикам путей сообщения. Но это не обязательно означает, что внешняя политика какой-либо страны должна быть классифицирована по количеству передаваемых данных, а наоборот, как утверждал Чарльз Осгуд,⁸³ существует ряд потенциальных элементов категорий путей сообщения. Например, благодаря определенному коммуникативному поведению, присутствующему в процессе передачи сообщений во внешней политике, Осгуд предложил разделить последнюю на три типа: внешняя политика с хорошим или плохим способом передачи информации; внешняя политика с большой или нестандартной системой передачи информации; и внешняя политика с активным и пассивным способом передачи информации. Для Чарльза Германа эта классификация способна работать на практике только если речь идет о «сдержанных» моделях поведения, которыми пользуются государства для коммуникации во внешней политике.

9. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государства при использовании «переменных образцов» в качестве инструмента анализа. Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государства, обращается к анализу «образцов» внешней политики. По мнению Толкотта Парсонса и Эдварда Шилза,⁸⁴ «образец» – это переменная, предполагающая противоречие между политическим значением, с которым и была создана внешняя политика государства и формой, в которой эта внешняя политика была понята другими государствами. Основываясь на этом, Парсонс и Шилз предлагают пять основных образцов классификации внешней политики: универсальная и не универсальная; четкая и рассеянная; внешняя политика, направленная на достижение какого-либо результата с помощью сил своей страны и при поддержке других государств; эмоциональная и нейтральная; а также внешняя политика, направленная на получение выгоды для своей собственной страны и интеграцию, а также сотрудничество с другими странами. С точки зрения Чарльза Германа, такие авторы, как Эдвард Морс⁸⁵ и Сэмюэль Бир⁸⁶ (1962 год) использовали эту систему образцов для классификации внешней политики, хотя и без особой надобности обращаясь к предложению Парсонса. Использование данных образцов является интересным методологическим инструментом для обнаружения особых признаков, присущих внешней политике различных государств. Данная область представляет собой поток бесконечных возможностей для взаимодействия образцов с различных точек зрения.

⁸² SHELLING, Thomas. 1960. The Strategy of conflict. Harvard University Press. США.

⁸³ OSGOOD, Charles; Suci, George; Tannenbaum, Percy. 1957. The Measurement of meaning. University of Illinois press. США.

⁸⁴ PARSONS, Talcott; SHILS, Edward. 1962. A general theory of action. Harper and Row. США.

⁸⁵ MORSE, Edward. 1968. A comparative Approach to the study of foreign policy. Princeton University. США.

⁸⁶ BEER, Samuel. 1962. Patterns of Government. Random House. 2 Ed. США.

10. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «зон политического интереса» в качестве инструмента анализа. В данной области Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, произошла из анализа процессов, использованных для создания внешней политики и идентификации социальных групп, представленных в этих процессах. В этом значении Роберт Даль⁸⁷ отметил, что элиты играют ключевую роль в руководстве политикой государства, особенно внешней. Также Джеймс Розенау⁸⁸ разработал теорию, согласно которой цели и интересы внешней политики напрямую связаны с целями элит и политических групп, которые принимали участие в процессе разработки и реализации данной политики. К примеру, интересы внешней политики относительно территориальных вопросов напрямую связаны с интересом экономических элит, стремящихся расширить свой бизнес. Сэмюэль Хантингтон⁸⁹ полагал, что на процесс разработки внешнеполитической стратегии могут влиять различные социальные группы, как например, если речь идет о внешней политике, связанной с военными вопросами, то наверняка на нее оказывают влияние военные группы.

11. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государства при использовании «номинальных категорий» в качестве инструмента анализа.

Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государства, произошла из анализа специфических теоретических тем. Он считает возможной классифицировать внешнюю политику, взяв за основу ее определенные характеристики и атрибуты. Данная классификация является результатом исследования с использованием других наук, таких как математика. К примеру, если говорить об этой области внешней политики, она разделяется на два вида: с нулевой суммой и с ненулевой суммой. И относится она к «теории игр» и избирательным процессам,⁹⁰ которые проходят в рамках многосторонних организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН).

12. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «единого аспекта» в качестве инструмента анализа. В данном случае, Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, исходит из количественного анализа переменной (непрерывной или периодической), чтобы определить наиболее и наименее явные характеристики внешней политики. В перспективе внешнюю политику, ориентированную на мир или войну, можно оценить по определенной шкале. Это делает возможным обобщение внешней политики, применяя шкалу каждый раз, когда используется одна и та же переменная, а также смежная логическая классификация. По этой причине можно сказать, что «в теории» внешняя политика может быть сгруппирована в соответствии с количеством спровоцированных конфликтов и насилия.

13. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «различных аспектов» в качестве инструмента анализа.

Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, исходит из количественного анализа нескольких переменных для определения наиболее и наименее явных характеристик внешней политики. Данный тип классификации является оценкой совокупности внешней политики различных

⁸⁷ DAHL, Robert. 1961. Who Governs. Yale University press. США.

⁸⁸ ROSENAU, James N. 1966. Pre-theories and theories of foreign policy. In: Barry Farrell (Ed.). Approaches to comparative and international politics. Evanston. Northwestern University press. США. С. 27–92.

⁸⁹ HUNTINGTON, Samuel. 1961. The common defense. Columbia University. США.

⁹⁰ DOUGHERTY, James; Pfaltzgraff, Robert. 1993. Teorías en pugna en las relaciones internacionales. Grupo Editor Latinoamericano. Colecciones estudios internacionales. Argentina. С. 521–549.

стран при помощи использования одних и тех же переменных. Внешняя политика может быть оценена, например, с военной, дипломатической, территориальной и экономической точки зрения. И, если сравнивать внешнюю политику, используя данные аспекты, в особенности пользуясь количественным методом, подразумевающим систему балльной классификации, то можно выявить комплексную и некомплексную внешнюю политику;⁹¹ а также диагональную (трансверсаль – *política transversal*) и недиагональную⁹² политику. Например, Куинси Райт⁹³ предложил динамичную и качественную модель для данного типа подхода, но с небольшими поправками, которые оценивали развитие внешней политики с течением времени.

14. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «прогрессивной дифференциации» в качестве инструмента анализа. В данном случае Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, исходит из создания номинальной (или не номинальной) шкалы для оценки состава внешней политики. Этот способ распространен в основном в биологии и зоологии. Смысл состоит в том, что внешняя политика может быть нейтральной к действиям государств на международной политической арене, может одобрять или быть против них. Тем не менее, в данном подходе недостаточно просто утверждать об определенной позиции. К примеру, прежде чем заявлять, что внешняя политика является нейтральной к действиям на международной политической арене, необходимо предварительно рассмотреть действия, доказывающие ее нейтральность (прямые или косвенные); равно как и заявления (полные и неполные) для подтверждения нейтральности внешней политики определенной страны. Аналогичным образом проверяется и внешняя политика, занимающая позицию «против». Прежде всего, необходимо убедиться в целях, о которых заявляло государство (ясно ли было заявлено о протесте или это всего лишь видимость протеста), также, как и в принимаемых мерах (акты насилия или угрозы). И наконец, если внешняя политика государства одобряет действия на международной арене, необходимо убедиться в заявлениях, одобряющих действия других стран (было ли это обменом политических интересов или предложением каких-либо гарантий). В этой области используемые переменные и категории могут быть произвольными, но впоследствии могут привести к неверным результатам, отличающимся от истинной информации, которая могла бы помочь более сложному анализу.

Тем не менее, с 1972 года были проведены и другие исследования, направленные на классификацию внешней политики государств. В них использовались инструменты анализа, описанные Йенсом Наргером⁹⁴ в его книге, вышедшей в 2014 году под названием «Европейский Союз как сдерживающий фактор: нормативная сила Европы и ситуация с Индией» (*англ. The European Union as a normative non-proliferation actor: Normative Power Europe and the case of India*). В книге Йенс Наргер предлагает актуальный подход (хорошо

⁹¹ Комплексной политикой является политика, направленная на привлечение большинства социальных и междисциплинарных сфер в процессе проектирования, разработки и осуществления своих целей.

⁹² Диагональной политикой является политика, которая из-за своей важности перекрывает другие виды политики. Например, толчком идей социализма XXI века в Венесуэле стала диагональная политика Уго Чавеса. Применение других видов политики, таких как социальная, экономическая, культурная, образовательная, военная и др. не могли остановить развитие социализма XXI века. В этом смысле все другие виды политики были подчинены социалистическим идеям и стали основой национального международного правопорядка.

⁹³ WRIGHT, Quincy. 1969. The form of discipline of international relations. In: James Rosenau (Ed.). *International Politics and Foreign Policy*. Free Press. США. С. 442–460.

⁹⁴ NÄRGER, Jens. 2014. *The European Union as a normative non-proliferation actor: Normative Power Europe and the case of India*. University of Tampere. Finland.

подходящий к современной политике ЕС⁹⁵) для понимания видов внешней политики в XXI веке с юридической точки зрения, что составляет основу интересов и целей, преследуемых во внешней политике. Согласно его точки зрения, существует четыре типа внешней политики:

1. Нормативная внешняя политика: Йенс Наргер, базируясь на работе Натали Точчи,⁹⁶ предполагает, что укрепление международного публичного права и международных организаций способствовало тому, что государства должны включить в свой внешнеполитический интерес необходимость соблюдения международных законов и договоров. Международное публичное право и международные организации составили ряд нормативных условий, которые государства должны соблюдать в своей внешней политике. В соответствии с ними национальные интересы внешней политики стран должны отойти на второй план, а на первом плане должны стоять интересы мирового сообщества.

2. Имперская внешняя политика: Йенс Наргер считает, что иногда интересы внешней политики настолько важны для государства, что оно проводит свою внешнюю политику, не повинаясь законам, установленным международным публичным правом. Поэтому данное государство можно рассматривать как империалистическое. Оно не признает никаких правовых препятствий для продвижения своей внешней политики. Однако, это государство подчиняется национальным законам в области внешней политики.

3. Внешняя политика (*англ.* Foreign policy): основываясь на работах Натали Точчи, Йенс Наргер полагает, что в свете «особых обстоятельств» интересы внешней политики настолько важны для государства, что оно проводит ее, используя все политические инструменты, которыми располагает (принудительные и не принудительные). На пути достижения своих целей государство не подчиняется законам, установленным международным публичным правом и национальным законодательством.

4. Внешняя политика (статус-кво): основываясь на работах Натали Точчи, Йенс Наргер сделал вывод о том, что существуют государства, проводящие свою внешнюю политику в форме, схожей с «нормативной внешней политикой», однако данные государства не поддерживают в полном объеме положений, установленных международным публичным правом. Помимо этого, они регулярно находят в «юридических резервах» статьи международных законов, которые противоречат их национальным интересам, и, таким образом, государства делают заявления и объясняют причины своего противостояния в организациях, членами которых они являются.

Также существует модель Каи Ни,⁹⁷ которая сконцентрирована на современном опыте Китая и выделяет четыре вида внешней политики во времена кризиса: 1. Внешняя политика военного принуждения (применялась во время кризиса в Тайване в 1995 году). 2. Внешняя политика дипломатического принуждения (применялась, когда НАТО обвинило посольство Китая в бомбардировке Белграда во время войны на Балканах). 3. Внешняя политика, основанная на условном мире (*англ.* conditional accommodation) (применялась, когда североамериканский самолет-шпион EP3 столкнулся в воздухе с китайским самолетом в 2001 году). 4. Мирная внешняя политика (применялась в 1993 году, когда США заявили, что китайский груз являлся химическим оружием, ввозимым в Иран).

⁹⁵ MATHIAS, Albert; DIEZ, Thomas; STETTER, Stephan. 2004. The European Union and Border Conflicts: The Transformative Power of Integration. Paper presented at the ECPR Joint Sessions of Workshop in Uppsala. UK.

⁹⁶ TOCCI, Nathalie. 2008. Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners. Centre for European Policy Studies. Belgium.

⁹⁷ HE, Kai. 2012. Decision Making During Crises: Prospect Theory and China's Foreign Policy Crisis Behavior after the Cold War. University of Utah. EAI Fellows Program Working Paper Series No. 33. США.

Параллельно существует теория Терри Дибела,⁹⁸ описанная в его работе «Обязательства во внешней политике США» (*англ.* Commitment in American Foreign Policy). Особое внимание в ней было уделено роли, которую играют политические обязательства, принятые в ходе реализации внешней политики. Также в книге описывается четыре вида внешней политики, по крайней мере, на политической сцене США: 1) правовая и формальная внешняя политика, характеризующаяся обязательствами, принятыми США на договорно-правовом уровне; 2) физическая внешняя политика, отличающаяся тем, что обстоятельства, принятые США, носили военный, экономический и сугубо личный характер;⁹⁹ 3) поведенческая внешняя политика, которая отличается обязательствами, принятыми США в результате исторической конъюнктуры, сложившейся в международной среде; и 4) психологическая внешняя политика, характеризующаяся обязательствами, принятыми США в результате конфликтов, сомнений и опасений, присутствующих в процессе разработки внешней политики.

Кроме этого, существует модель, описанная Уолтером Расселом Мидом¹⁰⁰ в его книге «Особый промысел: американская внешняя политика и как она изменила мир» (*англ.* Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World). В ней рассказывается о четырех видах внешней политики, существовавших в истории США:¹⁰¹

1) Внешняя политика Гамильтона (имеется в виду Александр Гамильтон), характеризующаяся прочными союзами между крупными компаниями, правительством, военными и теми, кто хочет, чтобы внешняя политика была проводником к достижению подобных целей. Такая внешняя политика имеет поддержку сильного национального правительства и мощной армии, которые должны проводить реалистичную мировую политику для поощрения глобального экономического развития, учитывая при этом интересы американских компаний в стране и за рубежом. 2) Внешняя политика Вильсона (имеется в виду Вудро Вильсон), отличающаяся идеалистическими принципами и предполагающая, что у США есть моральное обязательство распространять демократические и социальные ценности Америки в мире с тем, чтобы добиться мира во всём мире на базе верховенства закона. Внешняя политика Вильсона и Гамильтона схожи в необходимости проведения глобальной внешней политики. Однако, внешняя политика Вильсона направлена на продвижение демократии и прав человека в качестве основных элементов американской стратегии. 3) Внешняя политика Джефферсона (имеется в виду Томас Джефферсон), которая отличается уверенностью в том, что американские ценности настолько важны и специфичны, что должны находиться под защитой, избегая взаимодействия с другими странами и сведя до минимума количество своих обязательств. Кроме того, сторонники данной внешней политики имеют особый интерес в проведении США «либерального» изоляционизма, пусть и путем разрушения национальной безопасности. 4) Внешняя политика Джексона (имеется в виду Эндрю Джексон), отдающая приоритет безопасности и экономическому благосостоянию американского народа,¹⁰² сходная с популизмом.

Авторская модель классификации внешней политики была предложена Калеви Жакко Холсти.¹⁰³ В своей статье «От зависимости к диверсификации: Канада» (*англ.* From

⁹⁸ DIEBEL, Terry. 1980. Commitment in American Foreign Policy. National Defence University. США.

⁹⁹ Терри Девиль считает, что индивидуальное восприятие политической сцены со стороны президентов США играет важную роль в момент принятия обязательств, связанных с внешней политикой.

¹⁰⁰ MEAD, Walter. 2002. Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World. Routledge. США.

¹⁰¹ В оригинальном тексте У. Р. Мид рассказывает о пятом виде внешней политики Джефферсона Дэвиса. Данный вид внешней политики существовал в XIX веке в США и ее целью были сохранение и распространение рабства. Конечно, она прекратила свое существование после Гражданской войны в США.

¹⁰² ÓGRADY, Bill. 2012. The Archetypes of American Foreign Policy. (03–01–2015). http://www.raymondjames.com/markpalios/pdfs/120109_weeklygeo.pdf

¹⁰³ HOLSTI, Kalevi Jaakko. 1982. From Dependence to Diversification: Canada. In: Why Nations Realign: Foreign Policy Restructuring in the Postwar World. Allen and Unwin. UK.

Dependence to Diversification: Canada) он сосредоточил внимание на изучении изменений, произошедших во внешней политике стран третьего мира после Второй мировой войны, выделив четыре типа внешней политики. Холсти оценил то, каким образом внешние факторы (международные и региональные) влияли на ориентацию, структуру и соразмерность внешней политики. Он уверен, что международная обстановка была поделена на уровни, и каждый уровень определенным образом влиял на различные этапы и структуры разработки и реализации внешней политики. Также он считал, что каждый уровень имел отдельную политическую направленность. Например, военная область – это уровень международной среды. Военные вопросы в международной среде влияют на организацию этапов и структуру внешней политики, поскольку правительство должно учитывать армию в процессе разработки и реализации внешней политики. На основе данных характеристик, Холсти выделил четыре идеальных вида внешней политики:

1) Изоляционная внешняя политика, когда государство не участвует в международных отношениях и также не приемлет отношений с другими государствами. В этом смысле государство не заключает никаких соглашений с другими государствами, например, на военном уровне, но, в то же время, практикует политику отстранения и на других уровнях.

2) Зависимая внешняя политика, когда государство не имеет иного выхода, кроме как устанавливать политические отношения с другими странами на торговом, культурном и дипломатическом уровнях. Это происходит в связи с недостатком собственных ресурсов и, следовательно, неспособностью государства быть самодостаточным. Таким образом, международная среда влияет и проникает в процессы разработки и реализации внешней политики.

3) Внешняя политика неприсоединения/диверсификации, когда государство имеет большое влияние за рубежом и развитые международные связи на различных уровнях со многими государствами. Однако данное государство стремится достигнуть баланса в сохранении суверенитета и избегает обязательств на военном уровне. 4) Политика государственного доверия, когда государство позволяет международной среде влиять на его внешнюю политику на конкретных стратегических уровнях, таких как торговля.¹⁰⁴

Кроме того, существует модель Карлоса Эскуде.¹⁰⁵ Он выдвинул делимитацию четырех типов внешней политики, связанных с поведением государственных представителей не только на международной арене, но и в отношении гражданского общества.¹⁰⁶

1) Государственно-ориентированная злокачественная внешняя политика, главной целью которой является рост военной мощи страны чаще всего за счет физической неприкосновенности граждан. В пример Карлос Эскуде приводит внешнюю политику Аргентины в годы Второй мировой войны. В то время в Аргентине существовала иллюзия автономии, и поэтому в период между 1942 и 1949 годами североамериканским правительством был объявлен экономический бойкот этой стране, нанесший огромный ущерб жителям государства.

2) Государственно-ориентированная, доброкачественная внешняя политика, целью которой является создание, с точки зрения государственного аппарата, экономически мощного государства на примере Мексики и Бразилии.

¹⁰⁴ DUGIS, Vinsensio. 2011. Explain Foreign Policy Change. (03–01–2015). http://mkp.fisip.unair.ac.id/index.php?option=com_content&view=article&id=66:explaining-foreign-policy-change&catid=34:mkp&Itemid=62

¹⁰⁵ ESCUDÉ, Carlos. 1995. El realismo de los estados débiles: La política exterior del primer Gobierno Menem frente a la teoría de las relaciones internacionales. GEL. Argentina.

¹⁰⁶ CORIGLIANO, Francisco. 2006. Veinte años no es nada: un balance de los debates teóricos acerca de la política exterior argentina. Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales – Sede Académica Argentina. Argentina.

3) Элитоцентрализованная внешняя политика, которая стремилась к экономическому и политическому благополучию небольших групп (к примеру, такая, как внешняя политика аргентинских лидеров в 1880–1943 гг.).

4) Гражданско-централизованная внешняя политика, целью которой было расчистить путь перед ростом внешнеполитических препятствий. При этом жертвуется определенное количество государственной власти в интересах благополучия государства. С точки зрения Эскуде, в 90-е годы внешняя политика Аргентины вошла в последнюю категорию, так как она приблизилась к идеальному типу «торгового государства» Ричарда Розкранса,¹⁰⁷ жертвуя властью государства, закрывая военные проекты, вследствие чего страна перестает восприниматься опасной со стороны США и, таким образом, способствует своему экономическому росту.

Также существует документ, принадлежащий Университету Мен в Фармингтоне,¹⁰⁸ в котором с критикой говорится о том, что существует четыре «сомнительные» модели ведения внешней политики, выявленные на основе анализа внешней политики США, Европы, и мира в целом после окончания Первой мировой войны. Автор документа так и остался неизвестным: 1) Внешняя политика, которая способствует изоляции государства обычно характеризуется тем, что избегает всех видов международных союзов и договоров. То есть правительство концентрируется непосредственно на внутренних делах государства, а все внешнеполитические решения напрямую связаны с желанием избежать каких-либо вмешательств за рубежом. Кроме того, в этом документе кратко анализируются попытки изоляционизма, которые были проведены в США для того, чтобы американская армия не вторгалась в другие страны, а была использована в качестве инструмента внешней политики; 2) Политика сдерживания (антисмягчения), которая возникает из-за ошибочной оценки пацифистски настроенных США и Европы в отношении фашистских диктаторов в период, предшествовавший Второй мировой войне. Этот вид внешней политики характеризуется ярко выраженным нежеланием признавать, что соперники и потенциальные враги вторгаются в области, представляющие стратегический интерес. Существовало несколько примеров политики сдерживания. Одним из них был период, когда США проводили такую политику, помогая Европе пропагандой, поставкой оружия и денег для того, чтобы поддержать появление антикоммунистических движений после Второй мировой войны для борьбы с экспансионистской угрозой со стороны СССР. 3) Внешняя политика сепаратизма (пример – Вьетнам), которая характеризуется заменой политики сдерживания на политику, схожую с изоляционистской. Например, во время Холодной войны Вьетнам переживал эту дихотомию, поскольку какое-то время он служил интересам США. Впоследствии, после американского поражения в 1975 году, эта страна не только склонилась перед изоляцией, преследуя интересы нового правительства, но и была вынуждена изолироваться от США и их союзников – это было своего рода наказанием и санкцией за поражение. 4) Внешняя политика, защищающая права человека, которая характеризуется тем, что государства обеспокоены соблюдением прав человека в мире. Это даже может служить оправданием для вмешательства во внутренние дела страны. Так случилось в 90-х годах, когда НАТО (*англ.* North Atlantic Treaty Organization) вмешалось в войну на Балканах, чтобы, среди прочего, остановить геноцид в Косово. Или как это случилось в 2004 году, когда США вторглись в Ирак под предлогом использования этой страной химического оружия против мирного населения. Стоит обратить внимание на то, что США используют свою гуманитарную помощь (к примеру, во

¹⁰⁷ ROSECRANCE, Richard. 1987. La expansión del Estado comercial. Editorial Alianza. Spain.

¹⁰⁸ UNIVERSIDAD DE MAINE EN FARMINGTON. 2007. Lesson Plan Format. University of Maine at Farmington. College of Education, Health and Rehabilitation. (05–01–2015). <https://edu221spring12class.wikispaces.com/file/view/Spencer+Lesson+4.doc>

время различных стихийных бедствий) в качестве политического инструмента, причем не менее эффективного, чем дипломатия и военная сила.

Также стоит отметить еще одну модель арабских политологов Корани и Дессоуки,¹⁰⁹ которые установили, что существует три основных вида внешней политики, основанных на участии государства в международных делах: 1) Изоляционная внешняя политика, которая характеризуется тем, что правительство (не государство) сводит к минимуму дипломатические контакты с остальными мировыми правительствами; 2) Внешняя политика неприсоединения, целью которой является достижение нейтральной позиции и отказ от установления союзнических отношений с мировыми сверхдержавами; 3) Внешняя политика, направленная на создание коалиций и союзов как стратегии для предотвращения конфликтов.

И, наконец, существует модель Аннет Фрейберг-Инан и Уильяма Читтика.¹¹⁰ Они предложили восемь типов внешней политики исходя из оценки правительственных инициатив при решении вопросов участия (или неучастия) в международной политике. Данные инициативы имели как принудительную (поиск решений с помощью применения военной силы), так и добровольную форму (не используя военную силу или дипломатические меры) на многосторонних или двусторонних уровнях:

1. Внешняя политика, основанная на принципе коллективной безопасности – главной ее особенностью является стремление государства активно участвовать в международной деятельности для обеспечения своей собственной безопасности. В этом случае государство прибегает к насильственным мерам и создает военные союзы и многостороннюю систему защиты для отражения всевозможных угроз, что увеличивает прочность и маневренность данного государства. Примером такой разновидности внешней политики может служить политика президента Венесуэлы Уго Чавеса, создавшего южноамериканскую армию для подавления угрозы интервенции со стороны США и НАТО.

2. Внешняя политика, основанная на принципе взаимной самообороны – характеризуется тем, что государство не стремится принимать активное участие в международной деятельности в целях своей собственной безопасности. Напротив, прибегая к насильственным, двусторонним и многосторонним мерам, оно пытается добиться мирных соглашений и соглашений по взаимной обороне с потенциально недружественным государством. В данном процессе создается союз, который не будет состоять в международном сообществе.

3. Внешняя политика, основанная на международном праве – государство стремится принимать активное участие в международной деятельности, но не пользуется политикой принуждения. Оно не создает дебаты и не проявляет политических инициатив для достижения своих государственных целей. Наоборот, оно использует международное публичное право в качестве инструмента их достижения.

4. Внешняя политика, основанная на защите граждан – данный тип основан на том, что государство не стремится принимать активного участия в международной деятельности в целях обеспечения защиты своих граждан. Защита граждан является делом государственной важности. Правом защиты своих граждан обладает каждое государство, но оно не является принудительным. Тем не менее, этот тип внешней политики задействует многосторонние механизмы для того, чтобы укрепить данное право, поскольку государства, заинтересованные в этой политике, ясно дают понять, что они готовы противостоять любой угрозе ради защиты своих граждан.

¹⁰⁹ KORANY, Baghat; DESSOUKI, Ali E. Hillaal. 2008. Foreign Policy Approaches and Arab Countries: A Critical Evaluation and an Alternative Framework. The Foreign Policies of Arab States: The Challenge of Globalization. The American University in Cairo Press. El Cairo, Egipto. С. 39.

¹¹⁰ FREYBERG-INAN, Annette; CHITTICK, William. 2014. Basic Motives in foreign policy decision-making: Actor types and examples from the Peloponnesian war. Amsterdam, University. Holland.

5. Внешняя политика свободной торговли: характеризуется стремлением государств принимать активное участие в международной деятельности, не прибегая к насильственным мерам для торговли с какой-либо страной мира. Это является односторонним решением в соответствии с нуждами государства.

6. Внешняя политика, направленная на изоляцию – государство не стремится принимать активное участие в международной деятельности и, следовательно, принимает односторонние решения и не оказывает никакого давления на другие страны мира.

7. Внешняя политика, направленная на предотвращение нападений – принцип данной политики состоит в стремлении государства принимать активное участие в международной деятельности в одностороннем и принудительном порядке. Это позволяет государству предотвратить какое-либо нападение или потенциальную угрозу. Чтобы предупредить данные ситуации, государство использует свои вооруженные силы и научный потенциал. Данный тип внешней политики был использован, когда Израиль нанес несколько упреждающих ударов по Палестине.

8. Внешняя политика, направленная на защиту территории – характеризуется заинтересованностью государства в участии в международной деятельности с целью защиты своих территорий. Для этого оно может использовать как насильственные меры, так и одностороннюю политику.

Основываясь на анализе всех вышеперечисленных документов, можно сделать вывод, что наиболее часто выделяемым видом внешней политики стала политика, направленная на изоляцию государства. На самом деле нельзя не упомянуть, что данный тип внешней политики неоднократно использовался в истории США, когда эта страна стремилась изолироваться от государств, не представляющих реальной угрозы. Однако начиная с XIX века, США поддерживали политику интервенции в Латинскую Америку. Наибольшей интенсивности данная политика достигла в период Холодной войны.

На втором месте стоит внешняя политика, основанная на нейтралитете государства. Данный тип внешней политики существовал в государствах и королевствах на протяжении всей истории. И на сегодняшний день нежелание участвовать в войне признается Международным публичным правом. Кроме того, отношения между нейтральными и воюющими странами основаны на принципе, по которому нейтральные государства не должны занимать позицию ни одной из воюющих сторон, равно как и воюющие стороны должны уважать суверенитет нейтральных стран. Тем не менее, история показала, что могут существовать *«страны, не являющиеся в одно и то же время ни нейтральными, ни воюющими и не применяющие военные методы вмешательства в конфликты»*. Правила нейтралитета очень сложны и часто интерпретируются по-разному в зависимости от того, о какой стране идет речь: воюющей или нейтральной. Главным принципом является то, что граждане нейтральных стран могут проводить свободную торговлю с воюющими странами, но, если последние наложат запрет на торговлю, их решение необходимо уважать.

На третьем месте стоит политика военных союзов. Данный вид внешней политики, также имеющий древние истоки, является политическим соглашением, основанным на определенных взаимных обязательствах.¹¹¹ Хорошим примером такой политики являются военные союзы в 480 г. до н. э. Тогда жители некоторых небольших государств (спартанцы, афиняне, фиванцы, эвбейцы и другие) организовали военную лигу, которая разгромила императорский флот персидского царя Ксеркса при Саламине. Королевства, заключив-

¹¹¹ BUZAN, Barry; WAEVER, Ole; DE WILDE, Jaap. 1998. Security: A New Framework for Analysis. Boulder. Lynne Rienner. США.

шие военное соглашение, так же, как и сегодня, направили все свои усилия и политику на достижение общей политически важной цели.

На четвертом месте находится экспансионистская внешняя политика, получившая широкое распространение на протяжении всей истории человечества. Нередко царства и государства стремились расширить свои территории или свое экономическое влияние на другие регионы, иногда применяя военную агрессию. Для достижения этих целей государства вторгались в другие страны под различными предлогами, например, под предлогом ирредентизма,¹¹² возмездия или воссоединения государств, тем самым оправдывая свою экспансию. Но они делали это только тогда, когда их главной целью было возвращение потерянных территорий или взятие под контроль исконных земель. Простые территориальные споры, такие, как вопросы определения границ, как правило, разрешались без экспансии. Но во многих случаях, пользуясь двусмысленностью этих терминов, их приближают к колониализму и империализму. Конечно, ученые выявили и другие формы внешней политики, однако, среди обилия документов, демонстрирующих различные точки зрения, переменные и инструменты анализа, эти четыре типа, как правило, сегодня являются самыми распространенными. Также можно сказать, что именно внешняя политика определяет то, какие использовать маневры, а не наоборот. Иначе говоря, сначала появилась внешняя политика, затем дипломатические стратегии и только потом – стратегии антидипломатические, о которых и пойдет речь.

¹¹² В широком смысле термин «ирредентизм» понимается как политика государства, выступающая за воссоединение территории, на которой проживает народ другого государства, но который считается своим по культурным, историческим, лингвистическим, расовым и другим мотивам.

1.01. Постдипломатия

Ключевые Слова: Безгосударственная дипломатия, Виртуальная дипломатия, Гиперглобалисты, Детерриториализация, Дипломатический след, Дипломатия 2.0, Единая страна, Кибердипломатия, Конец дипломатии, Медиадипломатия, Наднациональный союз, Невидимый континент, Онлайн дипломатия, Постдипломатия, Сетевая дипломатия, Твитпломатия, Территориальность, Технодипломатия, Технологическая дипломатия, Цифровая дипломатия, Электронная дипломатия.

Варианты толкования термина «дипломатия», как правило, не столь разнообразны. Исходя из них, можно предположить, что ведущая роль в дипломатии принадлежит государству. Однако есть и несогласные с этим. Дело в том, что существуют дипломатические феномены, выходящие за рамки государственности. В данном ключе Гилламе Девин и Мари Торнквист-Чеснер¹¹³ считают, что, рассуждая о современной роли нецентральных правительств, предпринимательского сектора, некоммерческих организаций и институтов, составляющих политическую систему любого государства, можно сказать, что они преследуют международные цели. Более того, для достижения этих целей данные участники международных отношений применяют непростые дипломатические тактики и стратегии. Таким образом, концепция «дипломатии» должна пройти еще огромный путь, чтобы ее начали воспринимать как самостоятельную систему, поскольку среди ученых бытует мнение, что дипломатия представляет собой лишь набор принципов. Одним из них, по словам Гиллем и Торнквист-Чеснер, является непрерывное развитие дипломатии, которое подтверждает череда важнейших изменений, произошедших в последние годы и оказавших значительное влияние на всю международную среду. Данное предположение не осталось без внимания мировых научных сообществ. В их многочисленных трудах, непосредственно связанных с этими тенденциями, выдвигается предположение, что историю дипломатии можно условно разделить на два периода. В прошлом дипломатия выделяла дипломатическую деятельность, отвечающую требованиям международной среды, и деятельность, основывающуюся на традиционных методах. Обе разновидности были направлены на достижение мира, но в основе своего пути пользовались различной логикой. Более того, складывалось впечатление, что традиционные методы уже устарели и явно уступали новым. Современное положение дел приписывает новый контекст дипломатии и «низвергает» устаревшие методы тех времен, когда государства действительно выступали главными участниками международных отношений. Современная история вынуждает дипломатию переходить на новый этап и адаптироваться к новым реалиям. Таким образом, в современных условиях государства вынуждены разделять свои взгляды с другими участниками международных отношений, а также принять тот факт, что бывшее межгосударственной вражды сменилось явлением экономического соперничества. Дипломатия была создана для того, чтобы избежать враждебности между государствами, и теперь, благодаря ей, между участниками международных отношений устанавливается как сотрудничество, так и экономическая конкуренция.

Такая смена курса еще раз демонстрирует масштабы произошедших изменений. В целом дипломатия эволюционировала, однако часть ее все равно осталась нетронутой. В попытке научно описать данные процессы использовались различные понятия. Например, были предложены такие термины, как «Новая дипломатия» (*англ.* New Diplomacy) и «Неодипломатия» (*англ.* Neo Diplomacy). Тем не менее, значительная часть ученых склоняется к тому, чтобы отказаться от приставок «новая» и «нео», поскольку современная дипло-

¹¹³ DEVIN, Guillaume; TOERNQUIST-CHESNIER, Marie. 2010. Burst diplomacy. The diplomacies of foreign policy: actors and methods. In: Brazilian Political Science Review. Vol. 4. No. 2. Brazil.

матия, по большому счету, не является обновленной версией предыдущей, а, скорее, ее логическим продолжением. Поэтому предпочтительным становится префикс «пост», означающий «после», как наиболее подходящий в рамках данной концепции. Благодаря этой концептуальной особенности термин **«Постдипломатия»** (англ. Post-Diplomacy) приобретает различные значения, что затрудняет его понимание в научных кругах. Тем не менее, данную многозначность нельзя рассматривать в отрыве от исторической перспективы и изменений, происходящих в дипломатии. Иначе говоря, «Постдипломатия» как концепция отразила в себе идею трансформации, но не смогла продемонстрировать, что же конкретно изменилось в самой дипломатии. Как следствие, различные научные сообщества признали концепцию «Постдипломатии» и нашли ей наилучшее применение, какое только могли найти.

Во-первых, термин «постдипломатия» применялся *«неофициально, но в строгом порядке для описания исторических этапов, последующих формированию Европейского союза, когда традиционные политические вопросы, ранее прорабатывавшиеся в государственных посольствах, перешли в разряд полномочий Европейского парламента, Европейского совета, Совета Европы и Европейской комиссии»*.¹¹⁴ В ходе политического объединения стран Евросоюза стали появляться наднациональные политические инстанции, изменившие порядок принятия внешнеполитических решений в каждом из государств. Как результат, данные наднациональные институты получили доступ к обсуждению тех политических проблем, которые прежде обсуждались на более низком уровне. Именно поэтому посольствам стран-членов Евросоюза пришлось разделить часть своих полномочий с этими институтами, и их роль во внешней политике государства стала уже не столь значимой, как это было ранее. С появлением наднациональных институтов послы также утратили свои позиции, поскольку главы государств-членов Европейского союза (ЕС) стали прибегать к помощи собственных представителей в институтах при решении государственных политических вопросов. Иными словами, главы государств, скорее всего, отправлялись на встречу с высокопоставленными представителями, организованную наднациональными институтами с целью обсудить с соседними государствами вопросы национального и регионального характера, оставив в стороне собственные посольства как менее важных участников внешней политики. Политическая значимость послов снизилась еще и с появлением так называемых «секторальных отделов». Они относились к наднациональным институтам и появлялись в различных городах мира, представляя интересы ЕС. С 1979 года «секторальные отделы» начали работать на децентрализованной основе, избрав другой политический курс, что противоречило интересам посольств, расположенных в других частях мира. Противостояние между «отраслевыми ведомствами» и посольствами объяснялось, отчасти, тем, что они находились на разных дипломатических уровнях. В то время как «отраслевым ведомствам» значительные квоты суверенитета предоставлял Евросоюз, посольства их получали от своего государства. Этот дисбаланс обусловил конкуренцию между «отраслевыми ведомствами» и посольствами, поскольку последние не имели такой же политической значимости. Борьба за лидерство началась еще и потому, что посольства осуществляли свою деятельность без непосредственного взаимодействия с «отраслевыми ведомствами», вследствие чего оба института утратили прежнее политическое и административное влияние и исказили «унитарный» образ ЕС. Для решения данной проблемы в 2009 году был исправлен «Лиссабонский договор, вносящий изменения в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества»,¹¹⁵ а также созданы делегации Европейского союза и Европейские посольства, заменившие «отраслевые ведомства» и взявшие

¹¹⁴ BOERSNER, Demetrio. 2003. Nuevo orden internacional. Instituto de Altos Estudios Diplomáticos Pedro Gual. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela. Recopilación de sus clases en la Materia: Nuevo Orden Internacional. Correspondiente a la Maestría de Relaciones Exteriores. Venezuela.

¹¹⁵ Англ. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community.

на себя ответственность представлять ЕС в странах третьего мира и международных организациях под покровительством «Высокого представителя Европейского союза по вопросам внешних сношений и политики в области безопасности», а также «Европейской службы внешней политики». Вступление в силу данного договора унифицировало систему внешнего представительства ЕС и установило взаимодействие между делегациями Европейского союза и посольствами. Более того, были разграничены сферы деятельности посольств и делегаций Европейского союза. К примеру, делегации Европейского союза стали заниматься организацией и проведением «официальных приемов» высокопоставленных лиц ЕС, в особенности Председателя Европейского совета, членов Европейской комиссии или депутатов Европейского парламента. В свою очередь, посольства продолжали отвечать за организацию и проведение «официальных визитов» глав своих государств и высокопоставленных государственных лиц. Лиссабонский договор разграничил роли обеих инстанций, но, по функциональным причинам делегации Европейского союза обладали некоторым преимуществом (или большей политической значимостью) перед представителями посольствами. Во избежание соперничества между инстанциями появилась необходимость в создании системы иерархии. Таким образом, бюрократические структуры делегаций Европейского союза, включающие в себя Главу делегации и других дипломатов, стали осуществлять деятельность в соответствии с юридическими и политическими механизмами Европейской службы внешней политики; а бюрократические структуры посольств стали действовать под попечительством министерств иностранных дел своих стран. Договор также обеспечил дипломатам ЕС преимущество обсуждать вопросы «высокой политики» с государствами, на территории которых располагались штабы делегаций Европейского союза, оставляя посольства в категории «низкой политики». В итоге, Договор позволил посольствам свободно взаимодействовать с государствами своего местопребывания и обсуждать внешнеполитические цели своего государства, принимая во внимание новые политические ограничения, установленные делегациями Европейского союза.

На первый взгляд изменения, произошедшие в Евросоюзе, отражали переход от старой дипломатической структуры к новой, способствующей необходимому симбиозу внутренней и внешней политики, развивающей идею общей внешней политики и повышающей авторитет ЕС в мире.¹¹⁶ Однако по мнению научных сообществ, данные изменения не могут расцениваться как финальный этап становления европейской дипломатии. Как раз наоборот – они могут означать лишь еще один пройденный шаг на пути к появлению должности «Исключительного посла»,¹¹⁷ который бы представлял весь Евросоюз и вел **«Безгосударственную дипломатию»** (англ. Stateless Diplomacy). Основной чертой безгосударственной дипломатии становится то, что дипломаты отказываются от своего первоначального гражданства, чтобы осуществлять представительство ЕС внутри самого Европейского союза и за его пределами;¹¹⁸ а система внутренних переговоров носит «постдипломатический» характер, поскольку дипломаты не ограничены рамками государств, к которым они принадлежат.¹¹⁹ Если расценивать Евросоюз как альтернативу национальному государству или доказательство развития государств,¹²⁰ его систематический прогресс в укреплении политической

¹¹⁶ TIGAU: 2009. *Op. Cit.*

¹¹⁷ TORREALBA, Alfredo. 2006. Enfoque de la Neodiplomacia en Venezuela. Caso Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela. Período 1999–2005. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela. Instituto de Altos Estudios Diplomáticos Pedro Gual. Venezuela.

¹¹⁸ BRUTER, Michael. 1999. Diplomacy without a State: The External Delegations of the European Commission. In: *Journal of European Public Policy*. Jun. C. 183–205.

¹¹⁹ HOCKING, Brian. 2004. Diplomacy. In: CARLSNAES, Water; SJURSEN, Helene; WHITE, Brian. 2004. *Contemporary European Foreign Policy*. Sage publications. CIIA. C. 92.

¹²⁰ STREECK, Robert. 1998. *Evolución De Las Relaciones Entre México y la Revolución Europea*. Fondo de Cultura

целостности и стремление принимать единоличное участие в политическом сценарии может привести к исчезновению двойственности его дипломатического представительства. По словам Оуэна Джона, исчезновение данной двойственности станет «постдипломатическим» фактором, характерным для интеграционных проектов, достигающих уровня «**Единой страны**» (исп. *País Único*),¹²¹ «**Многонационального государства**» (англ. *Plurinational State*)¹²² или «**Наднационального союза**» (англ. *Supranational Union*).¹²³ На этих уровнях добровольное объединение государств позволяет стирать государственные границы и долю национальной самобытности, чего не происходит в «Федеративном государстве», «Союзном государстве» или «Национальном государстве».

Джон Оуэн считал, что в рамках теории объединения государств, в особенности говоря об экономической перспективе, вместо того, чтобы проходить через восемь исторических этапов (преференциальная область, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, единый рынок, экономический союз, валютный союз и полная интеграция), государства-члены ЕС могли сразу выйти на уровень «единой страны», где политическое объединение приводит к утрате дееспособности посольств и полному отсутствию необходимости в них. Предположение Д. Оуэна в некоторой степени дополняет исследовательскую модель Тео Гитириса и Хосе Валлеса,¹²⁴ в которой рассматриваются пять этапов, через которые, по их мнению, прошел Европейский союз, чтобы достичь своего нынешнего статуса. Среди них: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная экономическая интеграция. Но новизна идеи Д. Оуэна состоит в том, что в своей работе он опирается на опыт интеграции стран Латинской Америки, в ходе которой выделяет дополнительные предшествующие и последующие этапы, используя более широкие исторические временные рамки. К примеру, в процессе стремительного преобразования таких организаций, как Андское сообщество наций (исп. *Comunidad Andina*, CAN, или англ. *Andean Community of Nations*, ACN) и МЕРКОСУР (*Mercosur*, сокращение от исп. *Mercado Común del Sur*, что переводят как *Южноамериканский общий рынок*), когда, с точки зрения консульского права, постепенно стирались границы государств, дипломатические структуры данных государств «неизбежно» стремились к объединению административных ценностей и принципов, которые, как и в случае ЕС, заменили бы государственные посольства «союзными посольствами». Д. Оуэн считал, что ЕС использует дипломатическое представительство для уменьшения числа собственных обязательств, чем объясняется постепенное вытеснение со своих позиций посла и государственного посольства и их замена должностными лицами института, более заинтересованными в делах ЕС. Например, в 1981 году данная тенденция была отмечена в консульских кругах ЕС, когда права и обязанности граждан стран-членов Евросоюза в вопросах национального консульства сменились на другие гражданские права и обязанности регионального консульского характера.¹²⁵ То же самое произошло

Económica. Mexico. C. 315.

¹²¹ WEN, John. 2003. *Teoría De La Integración*. Instituto de Altos Estudios Diplomáticos Pedro Gual. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela. Recopilación de sus clases en la Materia: Teoría de la Integración. Correspondiente a la Maestría de Relaciones Exteriores. Venezuela.

¹²² KEATING, Michael. 2002. *Plurinational Democracy in a Post-Sovereign Order*. In: *Queen's Papers on Europeanisation*. No. 1. European University Institute. University of Aberdeen. UK. C. 10.

¹²³ Рекомендуется к прочтению статья Джона Лафлина «Автономия Западной Европы: сравнительное исследование», в которой он проводит сравнительное исследование типов концепций государства и их связи с европейскими государствами. См. LOUGHLIN, Jhon. 1998. *La autonomía en Europa Occidental: un estudio comparado*. C. 109–160. In: LETAMENDÍA, Francisco. *Nacionalidades y Regiones en la Unión Europea*. См. KILJUNEN, Kimmo. 2004. *The European Constitution in the Making*. Centre for European Policy Studies. Bélgica. C. 21–26.

¹²⁴ HITIRIS, Theo; VALLÉS, José. 1998. *Economía de la Un Europea*. Prentice Hall. Spain.

¹²⁵ Резолюция представителей правительств государств-членов Европейского сообщества. Встреча с членами совета 23 июля 1981 г. *Resolution of the Representatives of the Governments of the Member States of the European Communities, meeting within the Council of 23 June 1981*.

и в Южной Америке, когда началось консульское регулирование в МЕРКОСУР в 1995 г. и в Андском сообществе наций в 2001 г. В каждом из случаев произошла гомогенизация консульской среды, что повлекло за собой сокращение консульских полномочий в каждом из государств-участников проекта интеграции. В целом эти изменения предполагают существование «глубинных сил»,¹²⁶ которые вытесняют традиционную дипломатическую практику и теперь подбираются к посольствам, а в особенности, к послам. В Европе данные процессы уже начали протекать, поскольку Евросоюз уже продемонстрировал новую модель дипломатического поведения, в котором нет единого участника, а присутствует сеть, отличающаяся расплывчатой структурой власти, которая, по словам Стеффена Бая Расмуссена,¹²⁷ выстраивает своего рода «Постгосударственную дипломатию».

Во-вторых, термин «постдипломатия» применяется относительно постепенной замены посольств и консульств национальными представительскими институтами. Основная идея связана с историческими процессами завоевания или колонизации одних государств другими, или же их объединения. В качестве примера можно взять эпоху английской, португальской, испанской и голландской колонизации. С XVI по XX век монархи упреждали появление международных институтов на завоеванных территориях и заменяли их институтами национального контроля. Аналогичным образом в 1989 году падение Берлинской стены ознаменовало не только окончание Холодной войны и распад СССР, но и исторический момент объединения двух немецких стран. Различия структур институтов Федеративной Республики Германия (ФРГ) и Германской Демократической Республики (ГДР) были связаны с различными экономическими, политическими и административными моделями, введенными политическими элитами. С одной стороны, институт ГДР строился на однопартийной системе социалистического лагеря, в то время как институт ФРГ основывался на парламентской системе капиталистического строя. Благодаря данным различиям процесс воссоединения не стоил больших политических затрат для Западной Германии в основном по причине того, что из-за упадка сил политических элит Восточной Германии они могли «практически беспрепятственно» ввести интеграционную политику на всей территории страны. Таким образом политические элиты ФРГ взяли в свои руки инициативу экономического, политического, торгового, финансового и военного объединения стран. Однако их деятельность в международной среде была, в первую очередь, направлена на низвержение авторитета всех посольств, консульств и представительских институтов ГДР в мире. В то же время они заморозили собственную внешнюю политику и уже установившиеся дипломатические связи с другими государствами для установления политического контроля над международными отношениями нового национального государства. Интересен сам факт того, как политические элиты ФРГ стали постепенно замещать внешнеполитические интересы ГДР новыми национальными интересами, а консульские службы – институтами национального характера.¹²⁸ Благодаря данному политическому объединению граждане ГДР приобрели новое гражданство и те же гражданские права и обязанности, что и другие жители страны и Евросоюза. То же произошло в 2014 году, когда к территории России присоединилась Автономная Республика Крым (бывшая территория Украины). В данном случае Россия начала массовую процедуру «замены гражданства» более двух миллионов жителей Крыма.

¹²⁶ Понятие «глубинные силы» (исп. *Fuerzas Profundas*) принадлежит Деметрию Боезнеру и относится к ряду явных и скрытых политических тенденций в международных отношениях, провоцирующих серьезные изменения. См. BOERSNER: 2003. *Op. Cit.*

¹²⁷ BAY RASMUSSEN, Steffen. 2006. La diplomacia pos-soberana de red de la UE hacia sus vecinos del Este. Hacia un nuevo concepto de diplomacia. (16-01-2015). <http://www.dipriihd.ehu.es/revistadoctorado/n4/Bay.pdf>

¹²⁸ Важно отметить, что были приложены значительные усилия, чтобы утратить источники данных аргументов. Тем не менее, в них изложены наиболее важные идеи, собранные небольшой группой латиноамериканских писателей в начале 90-х годов XX века, описывавших в газетных изданиях свою точку зрения относительно дипломатических последствий окончания Холодной войны.

И, как и в случае Германии, Россия предоставила гражданство, а также все гражданские права и свободы своим новым гражданам.

Такой расклад событий наводит на мысль о том, что дипломатические структуры Германии и России вышли на новый уровень, достигнув единства своей внешней политики и политической направленности присоединенных территорий, отказавшись от устаревших методов дипломатии. Подобные случаи исторического перехода получили название **«единая власть»** (исп. *Poder Único*) – своего рода всеохватывающая сила, концентрирующая политическую власть на легальных, военных и экономических основах, относящаяся к категории международных субъектов и замещающая бюрократический компонент дипломатии на территории. Данные дипломатические изменения свидетельствуют о приближении «пост-эпохи», то есть эпохи, следующей за ранее установившемся административно-дипломатическом статусе-кво, который уже прекратил свое существование, поскольку необходимость в нем отпала с появлением новой «единой власти». Искривленная парадигма приобретает новые коннотации в консульской среде, и если судить по опыту России и Германии, то консульство стало первой инстанцией в очереди «на вылет», поскольку в первую очередь консульства находились на пути «единой власти».

В отличие от министерств иностранных дел, посольств и дипломатического протокола, необходимость в консульствах начинает появляться в XVIII веке по мере того, как миграция стала угрожать безопасности, национальной самобытности и экономическому развитию государств. Поэтому бывшие королевства начинают внедрять механизмы разграничения прав и обязанностей граждан своей страны и иностранных граждан. Впоследствии консульства начинают приобретать репутацию наиболее значимого фактора, безошибочно демонстрирующего фактический суверенитет нации, а также независимость и автономию центрального правительства. По данному принципу можно было понять, почему политические элиты ФРГ и России моментально «позаботились» о консульствах на присоединенных территориях. Ведь если бы этого не произошло, то можно было бы утверждать, что ГДР и Крым уже обладали «суверенитетом». Таким образом, путь к «постэпохе» в дипломатии проходил в несколько этапов: 1) замена гражданских прав и свобод жителей присоединенных территорий новыми правами и свободами; и 2) предоставление нового гражданства – шаг для установления политического контроля и замены старой административно-дипломатической структуры в этих регионах.

В-третьих, термин «Постдипломатия» использовался в качестве синонима идеи **«Конец дипломатии»** (англ. *End of Diplomacy*), предложенной Полом Шарпом и Джо Кларком в 1997 году¹²⁹ в качестве провокационной фразы, описывающей то, как принцип **«Территориальности»** (англ. *Territoriality*)¹³⁰ утратил свою силу на международной арене. Появление новых участников международных отношений в середине XX века снизило и смягчило значение границ, суверенитета и отношений между центральными правительствами, нецентральными правительствами и другими «негосударственными» участниками.¹³¹ В первую

¹²⁹ SHARP, Paul; CLARK, Joe. 1997. The End of Diplomacy? In: *International Journal* 52(4): США. С. 539–736.

¹³⁰ Идея «территориальности» появляется на пике объединения нескольких общественных дисциплин и некоторых естественных наук. «Корни» территориальности произрастают из географии, биологии, психологии, антропологии, политологии, социологии, истории и др. Но, в конечном счете, рассматривая связь между территориальностью и человечеством, можно разделить все учения на две большие категории: тех, кто считает, что человеческая среда отличается от среды животных; и тех, кто считает, что это один и тот же феномен. Таким образом, для некоторых человеческая среда – это инстинктивная потребность человека охранять территорию своего обитания, для других проще говорить об особенностях человеческой культуры, влияние которой усиливается в более сложном обществе, тем более внутри государства. См. CAIRO CAROU, Heriberto. 2001. *Territorialidad y fronteras del estado-nación: Las condiciones de la política en un mundo fragmentado*. Departamento de Ciencia Política y de la Administración. Universidad Complutense de Madrid. *Política y Sociedad*. No. 36. Spain. С. 29–38.

¹³¹ RUDOLPH, Christopher. 2005. Sovereignty and Territorial Borders in a Global Age. In: *International Studies Review* 7. С. 1–20.

очередь эти новые участники заняли политическое пространство, ранее находившееся во власти таких дипломатических институтов, как министерство иностранных дел или посольство; и в своей дипломатической деятельности нередко на международной арене достигали той же политической значимости, что и государства. По словам Мануэля Дюрана,¹³² данная тенденция свидетельствует о трансформации, адаптации и изменениях в международных отношениях. Более того, она привела к изменению восприятия «международного пространства и времени», поскольку мировая политика всячески старается проложить «**Посттерриториальный**» (англ. Post-Territorial) дипломатический путь¹³³ без границ.¹³⁴ Таким образом, дипломатическая деятельность также не осталась незатронутой, так как достаточная часть ее бюрократических структур строится по принципу «территориальности» как на «фундаменте», на основе которого можно действовать. Поэтому, чтобы сменить концепцию «территориальности» как основополагающего принципа международной политической и социальной жизни, дипломатическим институтам придется потрудиться, чтобы их бюрократические структуры отвечали требованиям нового «пост» сценария, оказавшегося перед ними; а также столкнуться с упадком национального государства¹³⁵ или его возможным исчезновением, вероятность которого становится все выше.¹³⁶ «Территориальность» и дипломатия уже не обладают той же ценностью, что раньше.¹³⁷ Дипломатия перебазировалась на новый «фундамент», более многогранный, с которого принцип «территориальности» был смещен другим, более старым принципом под названием «**Детерриториализация**» (англ. Deterritorialization). Данный термин был сформулирован французскими философами Жилем Делезом и Феликсом Гваттари в книге «Анти-Эдип» (“L'Anti-Édipe”) в 1972 году.¹³⁸

Идея детерриториализации предполагает, что принцип «территориальности» теряет свою значимость в государственных и международных политических делах. «Детерриториализация»¹³⁹ предполагает разрыв связи между местом событий и историей: «*территориальную амнезию, которая ведет к странностям и деструктуризации*». Дипломатия в таком случае приобретает новое значение, поскольку традиционные дипломатические методы не могут остаться прежними и должны коренным образом измениться, чтобы работать в «мире без границ»¹⁴⁰ и без послов. Например, Джордж Кеннан¹⁴¹ считает, что усилия, направленные

¹³² DURAN, Manuel. 2013. Sub-state diplomacy as a motor of reterritorialization? The case of the Mediterranean region. Universidad de Amberes. Belgium.

¹³³ COOLSAET, Rik. 1999. The transformation of diplomacy at the threshold of the new millennium. Leicester Diplomatic Studies Programme: Discussion Papers 48.

¹³⁴ CEGLOWSKI, Janet. 1998. Has Globalization Created a Borderless World? Business Review (Mar–Apr): С. 17–27.

¹³⁵ LANGHORNE, Richard. 1998. Diplomacy Beyond the Primacy of the State. In: Diplomatic Studies Program. University of Leicester 43. UK., С. 1–11. См. BERGER, Mark. 2001. The Nation-state and the Challenge of Global Capitalism. Third World Quarterly 22(6). С. 889–907.

¹³⁶ JOUVE, Bernard; ROCHE, Yann. 2006. Des flux et des territoires. Vers un monde sans états? Québec. Presses de l'Université du Québec. Canada.

¹³⁷ ANTONSICH, Marco. 2009. On Territory, the Nation-state and the Crisis of the Hyphen. Progress in Human Geography 33. США. С. 789.

¹³⁸ DELEUZE, Gilles; GUATTARI, Felix. 1972. Capitalisme et Schizophrénie I: L'anti-Édipe. Les Editions de Minuit. France.

¹³⁹ Необходимо отметить, в исследовательских целях, что антонимом данного понятия является «ретерриториализация». «Ретерриториализация» (или возрождение значимости принципа территориальности) – это тенденция восстановления и укрепления самобытности и территориальной целостности региона. Иными словами, граждане восстанавливают связь со своей историей, обычаями и традициями независимо от места своего пребывания. Однако термин также может означать ситуации, когда территориальные фигуры утрачивают свою значимость в пользу новых территориальных образований. См. SCHOLTE, Jan Aart. 2000 Globalization. St. Martin's Press. США. С. 60). К примеру, когда появляются новые политические центры, охватывающие сферу влияния более древних. Новые центры могут принять форму новых независимых государств, международных организаций, процессов региональной интеграции или наднациональных институтов. См. KEATING: 1999. *Op. Cit.* См. DURAN: 2013. *Op. Cit.* См. GIMÉNEZ, Gilberto. 2011. Cultura, territorio y migraciones. Aproximaciones teóricas. In: Alteridades, 11. С. 5–14.

¹⁴⁰ HAMILTON, Keith; LANGHORNE, Richard. 1995. The Practice of Diplomacy: Its Evolution, Theory and Administration.

на изменение сути дипломатии, всего лишь предоставили миру возможность взглянуть на «рассвет» дипломатии «без дипломатов». Тем временем Пол Шарп¹⁴² ответил то же самое, когда его спросили: «А для чего вообще сейчас нужны дипломаты?» Кеннан и Шарп фактически подтвердили, что преобразования внутри дипломатии обходятся недешево, поскольку в процессе изменений некоторые составляющие дипломатии уходят в прошлое и перестают быть востребованными. Их точку зрения поддержали научные сообщества США в конце 90-х годов XX века, воодушевленные стремительно возрастающей ролью Интернета как средства массового распространения неправительственных организаций во всем мире. Опасения и тревоги относительно будущего дипломатии впоследствии перестали беспокоить, хотя остались те, кто подозревает, что у дипломатических институтов присутствуют «серьезные проблемы», поскольку долгие годы они основывались на идеях представительства и территориальности, которые на сегодняшний день представляют собой нечто совершенно новое.

В-четвертых, и в продолжение предыдущих рассуждений, термин «постдипломатия» используют, говоря о периоде времени, в который дипломатия, отличавшаяся ведущей ролью национальных государств, сменилась следующим этапом – «постдипломатией», ознаменовавшейся зарождением новых дипломатических взаимосвязей и, как результат, появлением новых участников международных отношений. Первым начал рассматривать проблему с данного ракурса Иньяки Агирре в 1999 году в своей работе «В чем смысл парадипломатии? Исследование между строк в поисках определения» (*англ.* Making sense of Paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition).¹⁴³ В данной работе Агирре заметил, что во второй половине XX века нецентральные правительства развернули международную деятельность, которая не только развивалась параллельно с дипломатией государств, к которым они принадлежали, но и продемонстрировала, что традиционные международные отношения претерпели серьезные изменения. На первый взгляд традиционная деятельность нецентральных правительств демонстрировала разрыв исторической линии дипломатии. Дело в том, что на сегодняшний день такие государства, как США, Канада и Испания обязаны вести внешнюю политику на международной арене, в то время как их субъекты и города действуют абсолютно независимо на той же арене, преследуя собственные региональные интересы. Допустим, у штата Техас (США), провинции Квебек (Канада) и Каталонии (Испания) имелись собственные международные интересы, которым они следовали, не согласовав свои действия с министерствами иностранных дел своих стран. Таким образом эти страны сообщали миру, что существует официальная государственная дипломатия и дипломатия регионов, что говорит о двойственности, которая идет вразрез с наиболее ортодоксальными постулатами дипломатии. Поэтому предполагается, что дипломатия перешла на новый уровень, который, по словам Агирре, может называться «постдипломатия». На этом новом уровне была оставлена позади логика традиционной дипломатии, где главными действующими лицами были государства. В соответствии с новой логикой нецентральное правительство развивает собственную дипломатию параллельно со своим государством благодаря необходимости интернационализировать региональную политику и необходимости

Routledge. UK.

¹⁴¹ KENNAN, George. 1997. Diplomacy without diplomats? In: Foreign Affairs. No. 76. In: HAMILTON, Keith; LANGHORNE, Richard. 1995. The Practice of Diplomacy: Its Evolution, Theory and Administration. Routledge. UK.

¹⁴² SHARP, Paul. 1998. Who needs diplomats? The problem of diplomatic representation. (23–03–2015). <http://www.diplomacy.edu/resources/general/who-needs-diplomats-problem-diplomatic-representation>

¹⁴³ AGUIRRE, Iñaki. 1999. Making sense of Paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition. In: ALDECOA, Francisco; KEATING, Michael. 1999. Paradiplomacy in Action, the Foreign Relations of Subnational Governments, Frank Cass. UK.

принять региональную политику других нецентральных правительств, располагающихся в других государствах.¹⁴⁴

Впоследствии идея Агирре получила развитие в других работах, ведущих разговор также о неправительственных организациях, предприятиях, корпорациях, прочих общественных и частных организациях как о компонентах постдипломатии. Все эти организации успешно прошли путь от национального объединения до международной организации. Они настолько тщательно прорабатывали ход работы, что могли приблизиться по могуществу к политическим элитам и завладеть политическим пространством на международной арене.¹⁴⁵ По словам Александры Виктории Лириано,¹⁴⁶ данные организации действительно завоевали в международной среде политическое пространство, ранее принадлежавшее государствам. Развитие современных электронных средств связи и социальных сетей не только способствовало расширению масштабов глобализации и транснационализации, но также превратило данные организации в активных участников международных отношений. Например, неправительственные организации «БРАК» (*англ.* BRAC),¹⁴⁷ «Видение мира» (*англ.* World Vision),¹⁴⁸ «Фонд Билла и Мелинды Гейтс» (*англ.* Fundación Bill & Melinda Gates), «Оксфам» (*англ.* Oxfam International)¹⁴⁹ и «Врачи без границ» (*фр.* Médecins Sans Frontières)¹⁵⁰ являются пятью наиболее крупными и могущественными неправительственными организациями в мире – общее число сотрудников около 182 млн. человек и ежегодный бюджет около 10 млн. долларов. Своего статуса они смогли достичь при помощи доступа к коммуникационным сетям, которые, в свою очередь, позволили им получать взносы и пожертвования со всего мира. Не говоря уже о таких организациях, как «Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца» (*англ.* International Red Cross and Red Crescent Movement),¹⁵¹ «Гринпис» (*англ.* Greenpeace), «Каритас» (*англ.* Caritas),¹⁵² «Международная амнистия» (*англ.* Amnesty International),¹⁵³ «Всемирный фонд дикой природы» (*англ.* World Wildlife Fund)¹⁵⁴ и прочих. Все эти организации проложили себе дорогу в международное сообщество и достигли там того же уровня значимости, что и государства Центральной Америки и Центральной Африки, открывшие дипломатические «ворота» в свою страну для

¹⁴⁴ AGUIRRE: 1999. *Op. Cit.* 205–206. См. VALLEJO OLVERA, Marcela López. 2002. Federalismo y relaciones internacionales: comparación de la actividad internacional de unidades federadas en Canadá y Estados Unidos. Universidad de las Américas Puebla. Mexico. C. 53.

¹⁴⁵ ALDECOA, Francisco; KEATING, Michael. 1999. Paradiplomacy in Action, the Foreign Relations of Subnational Governments, Frank Cass. UK. C. 17–40. См. CORONEL, Alvaro. 2006. Breve historia de la Cooperación Descentralizada. Una mirada desde Sudamérica. Observatorio de Cooperación Descentralizada Union Europea – América Latina (Ed.). Uruguay. C. 21. См. RODRÍGUEZ CUADROS, Manuel. 2006. Diplomacia y Cooperación Descentralizada: Un instrumento para el desarrollo y la gobernabilidad de las regiones. Perú. (01–08–2014). <http://www.Paradiplomacia.org/upload/downloads/cf109a23fa83f3e6f443c2532686b4b5diplomaciaycooperaci%C3%B3ndescentralizada.pdf>

¹⁴⁶ LIRIANO, Alejandra Victoria. 2014. La Nueva Diplomacia Digital. (20–09–2014). http://www.diariolibre.com/opinion/2014/06/28/i675851_nueva-diplomacia-digital.html

¹⁴⁷ Международная некоммерческая общественная организация.

¹⁴⁸ Религиозная некоммерческая организация евангельской христианской церкви.

¹⁴⁹ Международное объединение из 17 организаций, работающих в 90 странах мира.

¹⁵⁰ Неправительственная международная организация по оказанию медицинской помощи людям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов и стихийных бедствий.

¹⁵¹ Международное гуманитарное движение, основанное в 1863 году и объединяющее более 100 миллионов сотрудников и добровольцев (волонтеров) по всему миру.

¹⁵² Название национальных католических благотворительных организаций.

¹⁵³ Международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1961 году, целью которой было «предпринимать исследования и действия, направленные на предупреждение и прекращение нарушения прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации в контексте своей работы по продвижению прав человека».

¹⁵⁴ Международная общественная организация, работающая в сферах сохранения, исследования и восстановления окружающей среды.

установления отношений с организациями и, таким образом, облегчили процедуру получения гуманитарной и благотворительной помощи, которую предлагают все вышеупомянутые организации. В будущем отношения между государствами и неправительственными организациями также демонстрировали другое значительное изменение в традиционной дипломатической модели. Их бюрократические структуры нуждались в регулярном обновлении для того, чтобы взаимодействовать с неправительственными организациями. Таким образом они пытались преодолеть многочисленные барьеры экономических и политических реалий, возникавших снова и снова.¹⁵⁵ Впоследствии идею Агирре расширили гиперглобалисты (*англ.* Hyper-Globalists), заявившие, что в будущем политическая карта мира будет состоять из «городов-государств» с прилегающими к ним зонами влияния и собственными методами международного взаимодействия. По словам Кэннити Омаэ,¹⁵⁶ многие города превратятся в центры новой мировой экономики. Например, в городах регионов на юго-востоке Китая, на территории Гонконга и в районе Барселона-Перпиньян уже разработали собственные торговые точки обмена продуктами с соседними городами и странами, не информируя об этом центральные правительства.¹⁵⁷ Такое поведение следует логике «постдипломатии», о которой не раз говорил Агирре.

В-пятых, термин «постдипломатия» связывают с идеями Джеймса Бейкера о современном участии граждан и общественных организаций в международных делах своего государства. По словам Бейкера, участие граждан в процессе принятия решений, связанных с ведением внешней политики таких стран, как США, означает зарождение нового этапа в истории дипломатии. Новые отношения между государством и гражданином снижают роль дипломатов на международной арене. Они остаются теперь на втором плане и могут лишь наблюдать за развитием событий вместо того, чтобы быть их инициаторами. Инициативы граждан в международной политике наряду с их предложениями и критикой могут повлиять на строительство мира и международное сотрудничество в той же степени, что и деятельность дипломатического корпуса. Для Бейкера эти обстоятельства также символизируют «конец дипломатии»,¹⁵⁸ поскольку внешняя политика государства и дипломатических институтов оказалась несоответствующей инициативам граждан и организаций, вмешивающихся в международные отношения. Более того, Бейкер подтвердил, что учет общественного мнения в процессе принятия внешнеполитических решений становился настоящим вызовом для министерств иностранных дел, традиционно обеспечивающих преемственность прежней структуры «top down» (сверху вниз), для убеждения публики. Бейкер считает, что «top down» на сегодняшний день уже неактуален, поскольку, помимо прочего, политические элиты, контролирующие центральное правительство, осознали то, насколько важно поддерживать тесную связь с гражданами и позволять им участвовать в обсуждениях, влияющих на дальнейшее развитие внешней политики: «Сегодня не важно, чтобы вас боялись, вас должны любить».¹⁵⁹ По его мнению, политические элиты открыли для граждан каналы связи и тем самым укрепили собственные позиции в решении международных вопросов и обеспечения статуса-кво национальной политической системы. Смена курса политических элит говорит

¹⁵⁵ SANER, Raymond; YIU, Lichia. 2004. International Economic Diplomacy: Mutations in Postmodern Times. (16–05–2015). http://clingendael.info/publications/2003/20030100_cli_paper_dip_issue84.pdf

¹⁵⁶ OHMAE, Kenichi. 2000. The Invisible Continent: Four Strategic Imperatives of the New Economy. Harper Business. США.

¹⁵⁷ DUVALL, Tim. 2003. The New Feudalism: Globalization, the Market, and the Great Chain of Consumption. In: New Political Science. Vol. 25. No. 1. St. John's University. США.

¹⁵⁸ BAKER, James. In: HAINE, Jean-Yves. 1997. Systemic Versus Linear Diplomacy: When Diplomacy Is Played Against Representation. The Vienna And Nato Cases. Informe preparado para la Conferencia Anual de la Asociación de Estudios Internacionales. 18–22 (March). Canada. С. 3.

¹⁵⁹ THEROS, Nickolas. 2001. Information Technology Reshaping Method of Diplomatic Relations. The Washington Diplomat. (03–03–2006). www.washdiplomat.com/01–06/a2_06_01.html. См. TIGAU: 2009. *Op. Cit.* С. 35.

о том, что был нанесен тяжелый удар по секретной дипломатической деятельности,¹⁶⁰ осуществлявшейся за «закрытыми дверями», которая теперь была выставлена на всеобщее обозрение благодаря тому, что гражданское общество приобретает, с каждым разом, все более значимую роль во внешней политике государства.¹⁶¹ Тем не менее, румынские исследователи Сильвиу Негут и Андреа Гагеа¹⁶² считали иначе. Для них сближение государства с гражданами на уровне международных проблем стало скорее результатом нарастающего недовольства, порожденного образом современной дипломатии. Дело в том, что граждане все больше узнают о международной ситуации посредством электронных средств коммуникации и информации из социальных сетей. Поэтому они воспринимают дипломатию как нечто, не приносящее желаемых результатов в решении международных проблем. В результате гражданское общество сблизилось с государством, чтобы попытаться принять максимальное участие в их решении. Получается, что контроль над дипломатией отныне не принадлежит исключительно политическим элитам, контролирующим центральное правительство. Дипломатия теперь находится под значительным влиянием гражданского общества. А это означает, что дипломатия переходит на новый уровень своего развития, отличающийся значительным участием населения.

И, наконец, шестой вариант употребления термина «постдипломатия» служит для описания исторических процессов, связанных с физическим исчезновением посольств и консульств в результате развития современных технологий. С точки зрения административного права многие административные функции посольств и консульств, установленные еще Венской конвенцией по правам дипломатов и консулов, теперь уже не актуальны. Некоторые также считают, что постоянное содержание дипломатического представительства на территории иностранного государства является лишней тратой государственного бюджета. Те же самые функции могут осуществляться через Интернет и другие средства связи. Поэтому в последнее время различные государства стремятся закрыть, переместить, объединить свои посольства, консульства и другие дипломатические службы, чтобы оптимизировать их работу, избежав излишних затрат и сохранив значительную долю ресурсов. В то же время, начиная с 90-х годов XX века, государства решают воспользоваться технологическими разработками для того, чтобы перенести часть своей повседневной деятельности в виртуальное пространство. Такой шаг объясняется тем, что с этого момента взаимосвязь между людьми посредством электронных средств коммуникации стала получать широкое распространение по всему миру и превратилась в неизменную составляющую нового стиля жизни,¹⁶³ а также предоставила возможности для национального развития, осуществления власти и укрепления мира. В качестве примера можно привести Эквадор – страну, которая в период с 2006 по 2014 гг. сократила число своих посольств и консульств, задействовав в консульской службе систему коммуникаций через Интернет. На протяжении этого периода Эквадор закрыл 9

¹⁶⁰ KEOHANE, Robert. 1990. International liberalism reconsidered. In: DUNN, John (Ed.) *The Economic Limits to Modern Politics*. Cambridge, Cambridge University Press. С. 169.

¹⁶¹ OVIAMIONAYI, Víctor. 2004. Diplomacia pública en la bibliografía actual. In: *Ámbitos*, No. 11–12. Spain. С. 215–236. См. ARANDA, Isabel Rodríguez. 2013. *La Diplomacia Pública en las Relaciones Internacionales: el aporte de China*. Universidad del Desarrollo. Facultad de gobierno. Chile.

¹⁶² NEGUȚ, Silviu; GAGEA, Andrea 2011. Diplomacy in the games of power. *Diplomacy of power – power of diplomacy*. Revista Rumana de Geopolítica. No. 1. Romania.

¹⁶³ В докладе «Международного союза электросвязи», специализированного учреждения ООН, отвечающего за осуществление телекоммуникаций на международном уровне, сообщается, что в 2013 году 39 % мирового населения (2 миллиона 700 тысяч человек) пользовались Интернетом; наибольшим спросом Интернет пользуется в Европе (75 %), на американском континенте (61 %), в арабских государствах (38 %), в странах СНГ (52 %), в Азиатско-Тихоокеанском регионе (32 %) и в Африке (16 %). С другой стороны, в соответствии с данным докладом можно установить, что в период с 1990 по 2014 гг. только за одни сутки более 300 тысяч человек начинали пользоваться информационными технологиями и средствами коммуникации. См. BAUTISTA, Félix. 2014. *Diplomacia digital*. (15–05–2015). <http://vanguardiadelpueblo.do/2014/07/23/diplomacia-digital/>

посольств, 43 генеральных консульства, 8 простых консульств, 13 консульских служб и 10 консульских отделов. Похожая ситуация сложилась и в Мексике в 2002 году, когда были закрыты мексиканские посольства в Саудовской Аравии и Норвегии, что произошло на глазах «Организации экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР) и продемонстрировало кризис дипломатических отношений. В 2012 году Испания в целях экономии закрыла свои посольства в Йемене и Зимбабве и заменила их делегациями ЕС, при этом закрыв три консульства. И, наконец, в 2013 году Канада закрыла четыре консульства в отдаленных городах США, а также визовый центр в Сеуле и посольство в Венесуэле, которое было перенесено в Мексику.

Стоит отметить, что во всех вышеописанных ситуациях сильнее всего снизилась роль консульств, поскольку, в действительности, большая часть консульской деятельности может осуществляться через Интернет и почту, причем с большим удобством для граждан. Случаи протекции и содействия гражданам за пределами страны, такие как выдача документов, виз, паспортов, актов гражданской регистрации, аттестация, легализация и установление подлинности документов государственных и международных организаций, международный апостиль, вопросы домашнего имущества, депортация граждан, национализация, выплата пенсий, предоставление общих и особых полномочий, составление завещаний, установление родства между детьми и родителями, предоставление виз для перевозки тела и многие другие процедуры могут осуществляться через Интернет при помощи «виртуальных офисов», «микросоствств» или «виртуальных посольств».¹⁶⁴ Поэтому такая страна, как Эквадор, была заинтересована в создании «виртуального консульства», которое бы предоставляло гражданам своей страны, находящимся за границей, множество консульских услуг через Интернет и электронную систему, которая бы сломала иерархическую структуру и устранила посредников. Однако благодаря данным нововведениям в традиционную консульскую практику, Николас Терос¹⁶⁵ считает, что «виртуальные офисы» вовсе не должны ослабить традиционную деятельность консульств и посольств. Они должны скорее расцениваться как информационные каналы и приложение к административной дипломатической деятельности, поскольку несмотря ни на что, они не способны заменить «живую дипломатию переговоров».¹⁶⁶

Важно упомянуть, что взаимосвязь между развитием коммуникационных технологий и дипломатической деятельностью была впервые отмечена Джеймсом Дер Дерианом в 1987 году в концепции «Технодипломатии» (англ. Techno-Diplomacy).¹⁶⁷ Дер Дериан признал, что развитие глобальной коммуникации повлияло на деятельность дипломатических служб и административных процедур.¹⁶⁸ Данная идея также получила распространение как «Медиадипломатия» (англ. Media-Diplomacy) Гэри Раунслея¹⁶⁹ и «Цифровая

¹⁶⁴ RIORDAN, Shaun. 2005. Adiós a la diplomacia. Siglo XXI. Mexico. C. 1150.

¹⁶⁵ THEROS: 2001. *Op. Cit.*

¹⁶⁶ TIGAU: 2009. *Op. Cit.* C. 35.

¹⁶⁷ DER DERIAN: 1987. *Op. Cit.*

¹⁶⁸ По словам Деметрио Боезнера, технологическое развитие, помимо упрощения административной деятельности, сыграло важную роль в сфере анализа и принятия особых дипломатических решений. Например, произошло улучшение в систематизации информации. До развития технологических и электронных средств связи министерства иностранных дел могли «тайно» осуществлять по своему усмотрению любые дипломатические действия. Однако такая возможность практически исчезла с осуществлением технологической революции и появлением Интернета. Сегодня информационный шпионаж, хакеры и желтая пресса свели на «нет» идею «дипломатической тайны» и теперь мало того, что остается под грифом секретности. Близость «народного ока» к процессам принятия международных решений во многих государствах вынудила дипломатические службы изменить концепцию своей работы. Поскольку не важно, могут ли они продолжать вести свою деятельность «тайно», они владеют наилучшей сферой деятельности – бюрократической.

¹⁶⁹ RAWNSLEY, Gary. 1999. Monitored Broadcasts and Diplomacy. In: MELISSEN, Jan. Innovation in Diplomatic Practice. Macmillan and New York. St. Martin's Press. UK.

дипломатия» (англ. Digital Diplomacy) Рэймонда Коэна.¹⁷⁰ Тем не менее, следует заметить, что концепции Дер Дериана, Раунслея и Коэна отличаются от феномена «**е-Дипломатии**» (англ. e-Diplomacy) или «**Электронной дипломатии**», поскольку последняя никак не отражает административный и бюрократический характер дипломатии. Термин «е-Дипломатия» появился в 2002 году. В этом году Департамент США опубликовал серию документов, относящихся к «идейной лаборатории» под названием «Целевая группа электронной дипломатии» (англ. Task Force on e-Diplomacy), где участники лаборатории поделились своим дипломатическим опытом и особенностями работы на основе взаимодействия с гражданами посредством Интернета. С тех пор данный термин использовался многократно для определения (в широком смысле) всех феноменов, связывающих в себе дипломатию, интернет и гражданское участие. Однако со временем к данному понятию примкнули такие идеи, как «**Кибердипломатия**» (англ. Cyber-Diplomacy), «**Дипломатия 2.0**» (англ. Diplomacy 2.0), «**Виртуальная дипломатия**» (англ. Virtual Diplomacy), «**Онлайн дипломатия**» (англ. Online Diplomacy), «**Технологическая дипломатия**» (англ. Technology-Driven Diplomacy) и «**Сетевая дипломатия**» (англ. Network Diplomacy), которые завершили панораму идей.¹⁷¹ На сегодняшний день в международном сообществе электронная дипломатия воспринимается как последующий этап публичной дипломатии,¹⁷² на котором новые коммуникационные технологии предоставляют новые возможности для взаимодействия с широкой публикой, использования новых методов и системы взаимозависимости, способствующей формированию многополярного мира.¹⁷³ В последние годы такие социальные сети, как Твиттер (англ. Twitter), Фейсбук (англ. Facebook.com) и Ютуб (англ. Youtube.com) все чаще привлекают внимание мировых научных сообществ в связи с их возрастающей ролью в ведении дипломатии. Сегодня уже существует документальное подтверждение их дипломатического применения, которое отражается в таких терминах, как «Твитплатия», «Дипломатия на Фейсбуке» и «Дипломатия на Ютубе», получивших свое распространение с развитием публичной дипломатии в США и началом применения понятия политики «мягкой силы». Социальные

¹⁷⁰ COHEN: 1999. *Op. Cit.* С. 1–18.

¹⁷¹ DERUDA, Antonio. 2012. Diplomacia Digital. (10–11–2013). [http://traducompol.com/diplomacia-digital-de-antonio-deruda/См. GALVAN, Rocío. 2012. La e-Diplomacia, el embajador en casa. \(01–08–2014\). <http://www.elmundo.es/elmundo/2012/10/24/internacional/1351100891.html>См. HANS, Fergus. 2012. In: GALVAN, Rocío. 2012. La e-Diplomacia, el embajador en casa. \(01–08–2014\). <http://www.elmundo.es/elmundo/2012/10/24/internacional/1351100891.html>См. <http://www.consuladovirtual.gob.ec/>См. MANFREDI, Juan Luis. 2014. El Desafío de la diplomacia digital. \(20–09–2014\). \[http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari15–2014-manfredi-desafio-diplomacia-digital\]\(http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/ari15–2014-manfredi-desafio-diplomacia-digital\)См. OTAZO, Gabriel. 2014. La E-diplomacia: nuevas estrategias de comunicación política. \(30–08–2014\). <http://usahispanicpress.com/la-e-diplomacia-nuevas-estrategias-de-comunicacion-politica/>См. SEIB, Philip. 2012. Considering YouTube Diplomacy. \(20–09–2014\). <http://www.e-ir.info/2012/10/02/considering-youtube-diplomacy/>](http://traducompol.com/diplomacia-digital-de-antonio-deruda/См. GALVAN, Rocío. 2012. La e-Diplomacia, el embajador en casa. (01–08–2014). http://www.elmundo.es/elmundo/2012/10/24/internacional/1351100891.html)

¹⁷² MELISSEN, Jan. 2007. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Palgrave Macmillan. США. С. 30.

¹⁷³ К примеру, в Южной Америке неправительственные организации стали использовать Интернет раньше, нежели министерства иностранных дел. При помощи социальных сетей они в довольно краткие сроки приобрели мировую популярность, не привлекая, таким образом, к работе посредников и не задействуя значительные ресурсы. Тем самым они смогли привлечь большое количество сторонников, наличие которых убедило бы региональное и центральное правительство или организации в необходимости их финансирования. В 2000–2008 гг. неправительственные организации получили серьезное признание, и министерства иностранных дел были вынуждены включать их (неоднократно) в свой план работы, чтобы удовлетворить их запросы.См. RUBIO, Rafa. 2011. Diplomacia digital. Una introducción. Las relaciones internacionales en el tránsito al siglo XXI. Cuadernos de la Escuela Diplomática No. 44. Spain. С. 29. См. TORREALBA, Alfredo. 2015. Medios de Comunicación e Información y Redes Sociales en la Política Exterior de Bolivia, Ecuador y Venezuela (2006–2012) (01–04–2015). https://www.academia.edu/10239163/MEDIOS_DE_COMUNICACION_Y_REDES_SOCIALES_EN_LA_POLITICA_EXTERIOR_DE_BOLIVIA_ECUADOR_Y_VENEZUELA_EN_EL_PERIODO_2006-2012_2015_

сети создали благоприятную среду для общественного диалога, который, в свою очередь, коренным образом влияет на внешний облик правительства.¹⁷⁴

Стоит также отметить тенденцию, непосредственно связанную с идеей «постдипломатии», которая в последнее время набирает силу. Данную тенденцию связывают с дипломатами, которые в своей деятельности предпочитают не оставлять после себя **«дипломатических следов»** (*англ.* Diplomatic Footprint). С развитием цифровых технологий некоторые дипломаты предпочли использовать современные средства связи, которые бы не оставляли «дипломатический след» (письменные свидетельства дипломатической деятельности).¹⁷⁵ Таким образом, все традиционные письма, протоколы, рукописи, досье, свитки, книги, отчеты и другие виды письменной документации стали заменяться цифровыми файлами. Здесь обнаруживается существенное отличие от дипломатических стратегий, опирающихся на реальные действия, живые переговоры и обмен документами. Виртуальный мир позволил существенно уменьшить объемы письменных источников в министерстве, необходимость в которых отпала уже в 90-х годах XX века. Все шире стали использовать цифровую память персональных компьютеров, поскольку новый международный порядок требовал иной организации системы хранения информации. Появилась потребность в освобождении физического пространства институтов для создания новых аналитических отделений.

Годы спустя Джозеф Най мл.¹⁷⁶ высказал мнение, что информационная революция существенно изменила мир внешней политики, потому что дипломаты не располагали достаточными средствами для реорганизации большого количества информации, поступающей изо дня в день, хотя и работали с лучшими платформами. И Най считает, что из-за данных трудностей дипломаты уже не смогут обойтись без цифровых технологий. Хотя еще в 60-х годах XX века подобные предположения высказывались относительно письменной документации. До принятия Венской конвенции государства довольно скептически относились к созданию документов, в которых подробно описывался ход переговоров или взаимодействия с другими государствами. В тот период основными методами дипломатии были так называемая «секретная дипломатия» и обычные переговоры, поскольку государства опасались, что документы могут попасть «не в те руки». Сначала документацию стали использовать в экономической и консульской среде, и только потом в политической и военной, где переговоры и соглашения держались в строгой секретности.

Однако, после принятия Венских соглашений неотъемлемой частью официальных отношений между государствами стал обмен документацией. Удобство отправки и получения почты государственного и международного уровня, типографии, печатные машинки, улучшение качества бумаги и краски привели к повсеместному появлению «дипломатических следов». Дипломатические службы не смогли проигнорировать новые технологии и начали использовать их для упрощения системы управления общественными делами. Так же поступали и многие другие институты по всему миру. Отныне ежедневно записывались все осуществляемые действия, и архивы стремительно заполнялись несметным количеством документов. Однако существовали и более веские причины, вынудившие дипломатов использовать документацию в качестве основного способа общения. Благодаря Венским

¹⁷⁴ В рамках «электронной дипломатии» Твиттер, Фейсбук и Ютуб были включены в разряд механизмов публичной дипломатии как средства контроля «портативной информации», или информации, находящейся в прямом доступе у технологически развитых граждан, обладающей поверхностным содержанием, но всегда актуальной. К этим средствам не были отнесены сайты, блоги, подкасты и электронная почта. Их отнесли к средствам управления «основной информацией», более содержательной, чем состоящая из 140 символов в Твиттере.

¹⁷⁵ Понятие «дипломатический след», примененное в данном контексте, не стоит путать с концепцией Дэрила Коупленда **«представительский след»** (*англ.* Representational Footprint), относящийся, скорее, к появлению или отсутствию дипломатических институтов в других странах. См. COPELAND, Daryl. 2004. Guerrilla diplomacy: delivering international policy in a digital world. Canadian Foreign Policy. Canada. С. 165–175.

¹⁷⁶ NYE, Joseph. 2003. La paradoja del poder norteamericano. Taurus. Spain. С. 71–73.

конвенциям дипломаты стали оставлять за собой «улики» в знак доверия к новой мировой юридической системе как средство исполнения прерогатив административного права. Иначе говоря, с провозглашением Венских конвенций дипломатические службы имели четкое представление о правилах игры на международной арене и приняли решение изменить и переписать основную часть достоверных документов. Новая международная правовая основа также предоставила данным документам небывалую значимость в административном праве государства, поскольку они являлись историческими свидетельствами того или иного события и могли быть использованы адвокатами при рассмотрении в суде межгосударственных споров. Помимо обязательной силы документы также обладают функциональной ценностью, так что дипломатические институты с легкостью могут осуществлять предпринимательскую деятельность прямо в международной среде. Это было возможным, потому что документы, которые были необходимым образом запечатаны и подписаны представителями зарубежных институтов, рассматривались как бесспорная гарантия ответственности в распределении прав и обязанностей государств, подписавших соглашение.

Однако, в 90-е годы XX века данная тенденция начала постепенно угасать с развитием электронных средств связи. Дипломаты стали склоняться к использованию новых методов и постепенно оставлять ведение бумажной документации. Они отметили для себя возможности цифрового общения, упрощающего не только их работу, но и административные процедуры, а также ликвидирующего бюрократию, рационализирующего политическую деятельность, улучшающего систему координации институтов, позволяющего эффективно распределять время, экономить ресурсы и преодолевать «географическое расстояние». В некоторых случаях оставление «дипломатических следов» может оказаться функциональной стратегией в решении политических проблем. К примеру, иногда «дипломатический след» может быть преднамеренно ликвидирован, если в дипломатической службе считают, что он может представлять угрозу ее исторического наследия, проблеме безопасности, огромный риск для политических элит, или по причине недостаточного профессионализма дипломатов. В качестве прецедента можно вспомнить, как в 2013 году министерство иностранных дел Великобритании опубликовало документы, раскрывающие крупномасштабную операцию: в середине XX века было принято решение уничтожить огромное количество информации с целью скрыть тайны своего господства над колониями. По соглашению с Национальным архивом Великобритании и в рамках операции «Наследие» (*англ.* Operation Legacy) документы, помеченные грифом «Совершенно секретно» (*англ.* Top Secret) должны были быть отправлены в Лондон, сожжены или «помещены в тяжелый ящик и выброшены в море на глубоководном участке воды, как можно более отдаленном от берега». Основной целью, которую преследовало Объединенное Королевство, было избежать попадания важных бумаг в руки новоизбранного независимого правительства, поскольку они могли навредить международному политическому статусу Великобритании или «скомпрометировать сотрудников полиции, вооруженные силы, государственных служащих, полицейских осведомителей и разведывательных источников». В свете произошедшего Великобритания избавила себя от необходимости объяснять, что произошло в 1950–1960-х годах, когда министерство по делам колоний использовало пытки в борьбе с национально-освободительными движениями в 23 странах и колониальных территориях.¹⁷⁷

В другом случае «дипломатические следы» замечались в связи с вопросами безопасности. В 2013 году министерство иностранных дел Японии подтвердило, что были сожжены порядка 8000 документов, относящихся к 1945 году, незадолго до подписания капитуляции во Второй мировой войне. Япония решила удалить любые военные и «дипломатиче-

¹⁷⁷ RUSSIA TODAY (RT). 2013. Los británicos quemaron documentos con sus 'trapos sucios' de la época colonial. (19–05–2015). <http://actualidad.rt.com/actualidad/view/112802-britanicos-quemaron-documentos-secretos-uk-colonias>

ские следы», опасаясь возможного военного вторжения США на территорию Японии.¹⁷⁸ В 2003 году после падения правительства Саддама Хусейна иракские дипломаты на Ближнем Востоке, в Америке и Африке дистанцировались от образа своего бывшего лидера и уничтожили документы, имевшиеся в их распоряжении с целью избежать будущих санкций и в надежде сохранить дипломатический статус. Тем не менее, они оставались изолированными в собственных посольствах в течение нескольких недель, не имея ни малейшего представления о том, кто станет их новым руководителем, пока постепенно большинство из них не было отстранено от должности. В 2011 году у дипломатов посольства Великобритании в Ираке не оставалось другого выхода, кроме как покинуть посольство, уничтожив перед этим все документы. Это произошло после того, как они получили информацию о том, что около тысячи иракцев, выступающих против посольства, намерены штурмовать здание с применением сил полиции. Позже протестующие ворвались в здание, сожгли документы, британский флаг и изображение королевы. В феврале 2015 года США также приказали своим дипломатам в Йемене бежать из страны, предварительно уничтожив весь архив данных посольства после того, как исламистская группировка «Джамаат Ансаруллах» захватила столицу. Как и ожидалось, произошло нападение на посольство, и все документы были изъяты.

Еще одна причина, по которой «замечают» «дипломатические следы» – поддержание статуса-кво политических элит. В 2012 году Комиссия по иностранным делам Конгресса Перу потребовала от министра иностранных дел Перу Рафаэля Ронкаглиоло объяснений относительно дипломатической деятельности Алексиса Умалы в 2011 году. За год до этого Алексис посетил Россию в качестве представителя своего старшего брата, Ольянты Умалы, избранного на пост президента Перу в апреле 2011 года. Проблема состояла в том, что Алексис отправился в Россию за 22 дня до официального вступления его брата в должность президента, что означало, что он выступал в качестве дипломата, не имея официального статуса. Ронкаглиоло заявил, что в министерстве нет ни единого документа, который бы официально подтверждал, что Алексис ездил в Россию как «специальный посланник» Перу. Единственный документ, принадлежавший предыдущему министру иностранных дел Хосе Антонио Гарсия Белаунде, подтверждал, что визиты Алексиса носили частный характер и не были связаны с государственными делами. И хотя Ронкаглиоло не солгал, сказав, что «дипломатических следов» в министерстве иностранных дел Перу не существует, российские СМИ подробно расписали все детали встреч Алексиса с министром иностранных дел Сергеем Лавровым и представителями корпорации «Газпром», перехватив переписку между российским посольством в Лиме и перуанскими дипломатами в России, которые в силу отсутствия официальности и легитимности визита Алексиса решили прибегнуть к использованию цифровых средств коммуникации для обсуждения деталей встречи и не оставить тем самым «дипломатических следов», что в соответствии с перуанским правом было незаконным.

Также известны случаи, когда «дипломатические следы» остаются в результате незаконного использования дипломатическими службами современных методов цифровой связи. В конце 2014 года дипломатические службы Бразилии и Венесуэлы запланировали визит министра Венесуэлы Элиаса Хауа Милано в два города Бразилии (Сан-Паулу и Куритиба). В соответствии с планом поездки, Милано должен был принять участие в ряде встреч с представителями медицинских лабораторий и местных фермерских организаций (среди которых «Движение безземельных трудящихся» – организация, на тот момент пытавшаяся обратить на себя внимание президента Бразилии Дилмы Русеф с тем, чтобы она применила более масштабную политику и позаботилась о правах фермеров) и подписать соглашения о сотрудничестве. Всю переписку и общение дипломаты Бразилии и Венесуэлы вели через

¹⁷⁸ ZEENEWS (ZN). 2013. Japan burnt 8,000 classified documents before WWII-end. (19–05–2015). http://zeenews.india.com/news/world/japan-burnt-8000-classified-documents-before-wwii-end_833602.html

электронную почту и телефонные звонки. В результате, когда Милано прибыл в Бразилию, министр иностранных дел Луис Альберто Фигейредо даже не подозревал об этом. В дипломатической службе Бразилии даже забыли оставить «дипломатический след» внутри самого института и вспомнили об этом лишь в последнюю минуту. Когда Фигейредо узнал о визите венесуэльского министра из других источников, он выразил «поверенному в делах» Венесуэлы в Бразилии Рейнальду Сеговию свое недовольство визитом Милано, который мог рассцениваться как вмешательство в государственные дела. Фигейредо также потребовал объяснений, почему правительство Венесуэлы не сообщило Бразилии о данном визите через официальные каналы.¹⁷⁹ Следует заметить, что, если бы дипломатические службы обеих стран планировали официальный визит, используя традиционные средства связи, а именно – отправляли через дипломатическую почту надлежащим образом запечатанные и подписанные письма, они бы никогда не попали в такую ситуацию. Но дипломаты предпочли использовать более удобную в обращении электронную почту, хотя прекрасно понимали, что данный способ не может гарантировать подлинности информации и отправителя. Они пренебрегли принципом безопасности и приняли участие в создании международной проблемы, которой можно было избежать. Более того, если бы данная проблема приобрела более серьезные обороты, то электронные письма не воспринимались бы как достоверные улики в суде, поскольку невозможно было бы доказать их достоверность. Но самая большая ошибка, которую допустили дипломаты, – это чрезмерное использование электронной почты как незаконного способа общения. Дело в том, что дипломаты всего мира активно используют электронную почту для обсуждения дополнительных деталей внешней политики или вопросов административного характера. Однако дипломатические службы Бразилии и Венесуэлы поступили как раз наоборот, пользуясь электронной почтой для обсуждения вопросов основной значимости. Используя же официальные документы, можно было бы сохранить верность традициям и оставить более достоверный «дипломатический след».

Подводя итоги, следует отметить, что в каждом из вышеприведенных примеров ситуаций происходит утрата исторического подтверждения фактов дипломатического взаимодействия, в связи с чем становится сложным предоставить исторические доказательства, говоря о том, с чего начинается дипломатия, на каком этапе она находится сейчас и куда движется. Более того, все эти случаи свидетельствуют об интересе дипломатов хранить свои секреты подальше от «общественного ока», что привело к совершенствованию методов тайной дипломатии. Также стоит добавить, что во всех этих случаях дипломатическим институтам пришлось заплатить политическую цену за невыполнение ряда обязательных формальностей. Отсутствие данных формальностей позволило внешней политике протекать иными, не совсем официальными путями, серьезно затормозившими ход дипломатии. И, возможно, эти случаи помогут понять, почему сегодня дипломаты имеют куда больше сложностей в преодолении современных «линий фронта», когда, как результат новых руководящих принципов, связанных с эффективностью государственного управления, проявляется все большая профессиональная осведомленность. Здесь стоит также отметить, что стремительное исчезновение документального архива в МИДах по всему миру стало причиной исчезновения трех дипломатических классов: энциклопедистов, архивариусов и переписчиков, особенно в Латинской Америке.

¹⁷⁹ Ранее, в 2009 году министерство иностранных дел Бразилии не успело вовремя сообщить своему правительству о произошедшем в Гондурасе государственном перевороте, в результате которого был свергнут президент Мануэль Селайя. Впоследствии они также не сообщили о том, что Селайя связался с посольством Бразилии в Тегусигальпе в поисках политического убежища. В результате Селайя получил убежище в бразильском посольстве, чем застал врасплох бразильский МИД. Четыре месяца спустя Селайя оставил посольство, получив просьбу покинуть территорию Бразилии. См. LA PRENSA (LP). 2011. Zelaya llegó de sorpresa a embajada. (19–05–2015). <http://www.laprensa.hn/vivir/538909–97/zelaya-llego-de-sorpresa-a-embajada>

Ранее методы управления, планирования, организации, общения и принятия решений зависели от грамотного использования публичных документов. Однако данный принцип был нарушен. В 1996 году Мария Антониета Кахиас¹⁸⁰ высказала предположение, что технологическое развитие стало причиной того, что государство «принижает и неверно трактует» роль письменных документов, вследствие чего они потеряли свою «научную ценность», ценность информационную, историческую, доказательную, а также перестали быть основным инструментом проверки уровня развития городов, оптимального общественного управления и научных исследований. Ранее в государствах ценилась и оберегалась документация как источник повествования истории институтов, и государства старались вести административную политику, не прибегая к серьезным рискам, которым могла быть подвергнута документация, поскольку документы могли изменяться, их могли украсть, продать из политических соображений, они могли сгореть, быть использованы для других целей или в качестве компромата.

Однако, все тревоги остались в прошлом, когда государства избрали новые пути. Всего несколько лет спустя подобные риски стали относиться лишь к былой эпохе и сменились новой опасностью, состоящей лишь в одном – в постепенной замене письменной документации как основного элемента мировой дипломатической деятельности электронными документами. Ситуация развернулась таким образом, что с 60-х годов XX века исчезли три вида дипломатических служащих. Энциклопедист – дипломатический служащий, который отвечал за оценку корреспонденции, докладов, приглашений, институциональной памяти, руководств, регламентов, соглашений, а также осуществлял обобщение, анализ и теоретизацию содержимого этих документов. Энциклопедисты появились на основе движения французских философов, объединившихся в XVIII веке с тем, чтобы вместе трудиться над созданием энциклопедии. Они собирали беспорядочные знания с целью попытаться упорядочить, классифицировать и сопоставить их, пролив свет на смутные понятия. С другой стороны, работа дипломата-архивариуса не была основана исключительно на объединении и организации информации и ведении учета документов так, как это бывает у современных библиотекарей и архивариусов. Они отбирали с учетом важности документов те из них, которые нуждаются в архивации или утилизации; а также проверяли документы на подлинность и, если это было необходимо, переписывали от руки и воспроизводили документы, испорченные временем. Эти дипломаты также заботились о безопасности документов во времена, когда еще не существовало системы защиты, сбережения и сохранения целостности документов, и не подзревали о необходимости выделения специального помещения для их хранения. И, наконец, переписчики занимались тем, что переписывали от руки каллиграфическим почерком все письма, отправленные министерствами иностранных дел. Данная профессия исчезла, потому что современные системы набора текста, в том числе компьютеры, предлагают различные шрифты написания, так что любой, даже не обладающий каллиграфическим почерком человек может с утра до ночи печатать тексты сообщений.

В заключение хочется сказать, что несмотря на все плюсы и минусы стратегий, связанных с попыткой избежать оставления «дипломатических следов», их использование, в любом случае, означает их разобщенность с правом и историей. С другой стороны, их применение на практике становится препятствием для института МИДа, который не может продолжать уверенно осуществлять свою дипломатическую деятельность и переговоры с другими государствами, в том числе внутри собственного института. Вспомним скандал WikiLeaks, который, несомненно, является наиболее ярким примером того, почему порой не стоит оставлять «дипломатических следов». 28 ноября 2010 года неправительственная

¹⁸⁰ CAJÍAS, María Antonieta. 1996. El uso del documento público en la administración del Estado. In: Revista de Bibliotecología y Ciencias de la Información. Vol. 10. No. 15. Costa Rica. C. 31–35.

организация WikiLeaks предоставила прессе собрание из 251 187 сообщений из переписки Государственного департамента США с их посольствами по всему миру. Данное происшествие стало крупнейшим случаем «утечки» секретных документов в истории, а также крупнейшим просчетом в бюрократической структуре США, которая через столько лет решила не оставлять «дипломатических следов», создав «цифровой архив». Если бы США решили продолжить дипломатическую традицию и дальше пользовались документами, этот скандал не достиг бы таких масштабов. WikiLeaks пришлось бы выкрасть сотни документов с тем, чтобы потом опубликовать их. Но дипломатические службы США решили закрыть исторический архив и оставить «дипломатический след» в цифровом архиве, откуда документы и были похищены. Тем не менее, несмотря на произошедшее, государства не стремятся вовсе отказываться от использования электронных архивов, а лишь устанавливают дополнительную защиту против возможных взломов. Такое поведение соответствует идеям Кэннити Омаэ,¹⁸¹ который пришел к выводу, что традиционные механизмы дипломатии постепенно перекочевали из реального мира на территорию «невидимого континента» – нового виртуального пространства, еще мало изученного, где приняты юридически не закрепленные способы коммуникации. Этот континент привлекает своей силой и могуществом, поэтому человечество не в силах от него отказаться.

¹⁸¹ ОНМАЕ: 2000. *Op. Cit.*

1.02. Партизанская дипломатия

Ключевые Слова: Партизанская дипломатия, Геодипломатия, Дипломатическая экосистема, Гетерополярность, След представительства.

В настоящее время динамика международных отношений характеризуется появлением мировых проблем, требующих срочного решения. Последствия, которые влекут за собой эти проблемы разнообразны и носят специфический характер, но имеют общую черту – государства и международные организации обязаны действовать сообща в решении этих проблем настолько, насколько это возможно, ведь если допустить их дальнейшее развитие и оставить без внимания, то это может повлечь ухудшение существующей ситуации. Для того, чтобы решить эти проблемы, находящиеся «на стадии развития» с 50-х годов XX века, государства так же, как и международные организации, ввели в практику набор дипломатических альтернативных механизмов. Данные механизмы могут повлиять на положительное решение проблем. Дерил Копеланд анализировал механизмы, направленные на оперативное разрешение проблем в своей книге «Партизанская дипломатия: достижения международной политики в цифровом мире» (англ. «Guerrilla Diplomacy: Delivering International Policy in a Digital World»¹⁸²). В ней он обозначил некоторые из этих механизмов как часть **«Партизанской дипломатии»** (англ. Guerrilla Diplomacy), идея которой связана с решительным действием международных акторов для разрешения определенных политических кризисов.¹⁸³

Стоит отметить, что несколько лет спустя Копеланд доработал свое предположение в книге «Партизанская дипломатия: переосмысление международных отношений» (англ. «Guerrilla Diplomacy: Rethinking International Relations»¹⁸⁴), в которой выделил несколько интересных концепций:

1. **Геодипломатия** (англ. Geo Diplomacy) – систематический подход, основанный на ненасильственной коммуникации для эффективного управления на стыке мировых стратегий;
2. **Дипломатическая экосистема** (англ. Diplomatic Ecosystem) – рассматривает дипломатию как целостный, многоуровневый, взаимозависимый организм, включающий в себя министра иностранных дел, дипломатические службы, независимых дипломатов и негосударственные организации, отвечающих за международную политику;
3. **Гетерополярность** (англ. Heteropolarity) – описывает появление мировой системы, которая характеризуется конкуренцией между государствами или группами государств, чья власть или влияние происходит из различных источников (социальные, экономические, политические, военные и культурные), исключающие их сравнение;
4. **След представительства** (англ. Representational Footprint) – является вещественным доказательством присутствия дипломатической инфраструктуры.

Однако с теоретической точки зрения концепция партизанской дипломатии была связана с другой вариацией. В 1981 году Уолтер Томас предложил эту концепцию для описания

¹⁸² COPELAND, Daryl. 2004. Guerrilla diplomacy: delivering international policy in a digital world. Canadian Foreign Policy. Canada. C. 165–175.

¹⁸³ Статья Дерил Копеланда является подлинным примером традиционной дискурсивной стратегии США, где засчет добавления дополнительной информации с множеством ненужных элементов увеличивается объем страниц в книге. Такой подход не характерен для испанского языка, где логика дискурса характеризуется путем перехода к оцениванию и ясному описанию темы, исключая бессодержательную информацию. Такой подход было бы полезно использовать в англосаксонской культуре в силу более правильной концентрации содержания.

¹⁸⁴ COPELAND, Daryl. 2009. Guerrilla Diplomacy: Rethinking International Relations. Lynne Rienner Publisher. США.

международных политических инициатив террористических группировок и партизанских движений на американском континенте, направленных на достижение государственной и гражданской поддержки в их вооруженной борьбе.¹⁸⁵ В той же форме в 1999 году Роберт Бригам использовал эту концепцию с аналогичной точки зрения: он сосредоточил свое внимание на опыте Вьетнама, когда тот был оккупирован США в 1975 году.¹⁸⁶ Однако Копелан выводит эту концепцию на более общий уровень, определяя партизанскую дипломатию как совокупность дипломатических методов и способов, которые обычно применяются в резкой форме в сравнении с традиционной дипломатической стратегией, не связанных с элегантным стилем «белых воротничков» (*англ.* pin-striped set), пренебрегая доверием и уважением. Копелан предполагает, что главным для понимания партизанской дипломатии является отношение дипломатов и дипломатических служб к мерам по разрешению проблем.

«Партизанская дипломатия» предполагает адаптацию «чувствительности» дипломатических служб для решения острых проблем с адекватным пониманием их сути и высокой скоростью решения. Это предполагает, что дипломатическая практика должна перейти от зон «комфорта» к конфликтным центрам для достижения скорейших результатов. Например, Брус Грегори (бывший советник экс-президента США Билла Клинтона) сказал, что институционально партизанской дипломатии не существует, хотя ее черты могут быть обнаружены. Например, он считал, что партизанская дипломатия – это дипломатия, но «со стероидами»,¹⁸⁷ то есть дипломатия, которая переносит дипломатов в малознакомую им сферу деятельности: на новые рубежи, на поля сражений, в зоны конфликта, в центр битвы, на линию огня, в места, где проливается кровь. Грегори и Копелан считают, что партизанская дипломатия не совместима с традиционной дипломатической стратегией и дипломатической стратегией, необходимой в XXI веке. Копелан подчеркивает, что традиционная дипломатическая стратегия находится в кризисе, что предоставляет пространство для международной милитаризации, начавшейся во время Холодной войны, когда главным врагом был СССР, и продолжающейся по сей день, когда главным врагом является терроризм. Хотелось бы отметить тенденцию к усложнению таких проблем, как болезни, изменение климата и дефицит ресурсов. Международная милитаризация приостанавливает сотрудничество и переговоры. Поэтому партизанская дипломатия является антидотом, альтернативным механизмом в достижении мира. Это самостоятельный, гибкий, умный, независимый механизм, который может адаптироваться к новым обстоятельствам и не является слишком затратным. Как мы уже отметили, дипломатия ограничена кабинетами и ожидает инструкций от начальства для того, чтобы получить возможность действовать. Однако, в современных условиях «дипломаты-партизаны» должны будут действовать в соответствии с другой логикой: им придется взять на себя активную международную роль в решении современных проблем, вызванных феноменом глобализации.

Однако наиболее важным аргументом, который приводит Дарил Копелан для обоснования своей теории, является наличие исторических прецедентов. Например, деятельность бразильца Сержиу Виейра ди Меллу (1948–2003), проработавшего в ООН почти 35 лет. Жизнь Сержиу Виейра ди Меллу – это яркий пример партизанской дипломатии. Он оставил свой пост в Женеве для того, чтобы работать в зоне конфликта. Он работал с беженцами на Кипре в 1974 г.; остался в Мозамбике во время Войны за независимость в 1975 г.; в 90-е гг. разминировал мины в Камбодже; работал с беженцами в Центральной Африке; был отправ-

¹⁸⁵ THOMAS, Walter R. 1981. Guerrilla Warfare: Cause and Conflict. National Defense University. National Security Essay Series 81–3. США. С. 35.

¹⁸⁶ BRIGHAM, Robert. 1999. Guerrilla Diplomacy. The National Liberation Fronts Foreign Relations and the Vietnam War. Ithaca and London. Cornell University Press. США.

¹⁸⁷ GREGORY, Bruce. 2010. Guerilla Diplomacy. (27–01–2015). http://blogs.arts.auckland.ac.nz/nziia/files/2010/09/Guerilla-Diplomacy.dot_.pdf Оригинальна фраза: «Публичная дипломатия, но со стероидами».

лен в Косово после снятия сербского контроля над Югославией в 1999 г.; затем был отправлен в Восточный Тимор и Ирак, где в 2003 году погиб от разорвавшейся бомбы. Также стоит упомянуть героическую деятельность канадского дипломата Кеннета Тейлора Дугласа во время взятия заложников в Иране в 1979 году. Кроме того, необходимо выделить шведского дипломата Рауля Валленберга и его деятельность по спасению жизней людей во время Второй мировой войны.¹⁸⁸ Каждый из этих примеров подчеркивает факт существования партизанской дипломатии, которая имеет все шансы на дальнейшее существование путем объединения предпосылок соответствующих дипломатических стратегий. Например, партизанская дипломатия может быть полезна для некоторых наднациональных органов, таких как ООН или НАТО; но, с другой стороны, сомнительна для государств, которые имеют юридически и исторически сложившуюся систему управления, в особенности в дипломатических вопросах, которые могут не только блокировать действия партизанской дипломатии, но и рассматривать их как нелегальные, что может быть воспринято другими государствами как «вмешательство в их национальные дела».

Вряд ли государство с развитым дипломатическим аппаратом одобрит, если группа «дипломатов-партизанов» из другого государства будет действовать на их территории. Во-первых, это может привести к непредсказуемым последствиям. Например, вряд ли правительство Венесуэлы в период президентства Уго Чавеса разрешило бы нескольким канадским «дипломатам-партизанам» приземлиться в Каракасе и принять роль посредника в разрешении разногласий между оппозицией и правящей партией. Скорее всего, французское правительство промолчит, если дипломат из исламистского региона Сомали обратится к официальным лицам ввиду политических последствий террористической атаки на еженедельник *Charlie Hebdo* в 2015 году. По этим причинам, конечно, ни одно центральное правительство не одобрит партизанскую дипломатию на своей территории, рассматривая это как посягательство на суверенитет. И, конечно, государствами применяется закон об объявлении этих дипломатов «персонами нон грата» без объяснения причины. С другой стороны, трудно представить, что государство с твердой дипломатической составляющей одобрит поведение их собственного «партизана». На этом уровне более опытные дипломаты знают, что решения могут достигаться «другим путем», в то время как нестандартные тактики не могут и не должны осуществляться, ведь они могут быть рассмотрены как нелегальные и не соответствующие законодательству или бюрократическим структурам. Обычно дипломаты находятся перед дилеммой и имеют незначительные привилегии. Например, суверенитет, который частично предоставляется их центральным правительством, благодаря которому они чувствуют ответственность за направленность своих действий. В силу подобных подходов у дипломатов появляется возможность взять всю вину на себя при условии, что их центральное правительство сможет отослать их обратно с удивительной скоростью в случае небрежных дипломатических комментариев. Например, в 2010 году североамериканский генерал Стэнли Маккрystal дал интервью одному международному журналу, в котором поделился своими впечатлениями об основных проблемах войны в Афганистане. Маккрystal рассказал о том, что у США есть союзники в этой войне и что политика Барака Обамы сделала все, чтобы Канада и Голландия потеряли интерес к дальнейшему противостоянию и вывели свои войска. В результате подобных высказываний произошел упадок среди американских солдат, которые также подверглись противоречивым приказам посла Карла Эikenберри; а ведь «зелёные береты»¹⁸⁹ должны разделять общую военную и дипломатическую позицию. В ответ на такие действия «партизана» правительство Барака Обамы

¹⁸⁸ Также в пример можно привести действия канадца Брайана Тобина (Brian Tobin) во время Палтусовой войны (англ. Turbot War).

¹⁸⁹ Силы специального назначения армии США.

без сомнений заменило Маккрисчала. Также есть более показательный пример, когда правительство США простило своего посла Уильяма Эако¹⁹⁰ в 2013 году. В то время Эако был главой американской делегации в Австрии, но однажды принял решение проинформировать австрийское правительство без американского согласия о том, что самолет, в котором путешествовал боливийский президент Эво Моралес, вылетевший из Москвы в Боливию, мог перевозить и Эдварда Сноудена. Это привело к тому, что Португалия, Франция, Италия и Испания запретили самолету Эво Моралеса пересекать их воздушное пространство и вынудили его совершить аварийную посадку в Австрии. Стоит отметить, что Уильям Эако вел себя как подлинный «дипломат-партизан». Он следовал идеалам «партизанской дипломатии», которые призывают дипломатов использовать новые пути для решения проблем, а не традиционные конвенции и законы. Но, тем не менее, правительство США незамедлительно отстранило Эако от занимаемой должности в одностороннем порядке, нарушив дипломатические принципы и порядок элементов дипломатической системы. Хотя Копеланд не говорит об этом напрямую, но «партизанская дипломатия» способствует развитию некоторых идей анархизма. Именно поэтому для проведения «партизанской дипломатии» между государствами необходимо сконцентрировать внимание на сообщении между канцеляриями государств, где непосредственно будет осуществляться эта «партизанская» стратегия. Предполагается, что высшие бюрократические структуры принимают политические решения по отношению к другим государствам. «Партизанская дипломатия» находится в тесной зависимости от национальных центров силы и существующей правовой системы, которые впоследствии реализуют свои манифесты и закрывают глаза на то, что «партизанская дипломатия» считается нелегальной или является помехой для части государств, на которые эта стратегия направлена.

Однако, отношения между «партизанской дипломатией» и наднациональными институтами выглядят более правдоподобно. Партизанская дипломатия развивается главным образом благодаря «дипломатической экосистеме». Например, у ООН есть огромное поле действия в судебных вопросах. Действия ООН, которые могут быть связаны с «партизанской дипломатией», имеют международное законодательное одобрение, которое позволяет отправлять чиновников в разные части света с юридической и законодательной поддержкой со стороны мирового сообщества, и которые также дают гарантию на непрерывность этих действий. Здесь, в перспективе, ООН признает исключительные квоты суверенных государств по отношению к их чиновникам, которые получают одобрение и возможность действовать. Поэтому можно сказать, что «партизанская дипломатия» может сократить феноменологию надгосударственных институтов, таких как ООН, чья представительность достаточно высока для рассмотрения решений, применяемых к этому типу стратегии во имя мира, не предусматривая юридических или политических рисков для их сотрудников.

Но, тем не менее, Копелан осознавал сложность сосуществования «партизанской дипломатии» и государственности. Собственно говоря, именно поэтому он ссылается на развитие «партизанской дипломатии» в контексте развития технологий, в особенности социальных сетей, которые способны свести к минимуму правовые и политические риски, и, может быть, что наиболее важно, заставить иностранные компании мыслить более креативно и внимательнее прислушиваться к политической среде. Копелан считает, что социальные сети – это новая возможность для дальнейшей дипломатической работы. Активное участие дипломатов в социальных сетях может представлять собой одну из форм партизанской дипломатии, так как тесное общение дипломатов с гражданами напрямую связано с активизацией конфликтов в виртуальном пространстве, ведь в нем можно действовать, не ставя под угрозу интересы внешней политики государства. Более того, роль дипломатов в соци-

¹⁹⁰ До того, как Уильям Эако стал послом в Австрии, он занимался продажей мебели.

альных сетях может помочь развитию существующих стратегий в публичной дипломатии государств. «Партизаны» могут формировать в социальных сетях пространства, где будут пользоваться относительной свободой для выражения своих дипломатических идей и создают своеобразные матрицы мнений по некоторым международным вопросам, пропагандирующие политическую систему, которая будет служить постоянным и надежным средством в решении проблем.

Однако, социальные сети также могут помочь улучшить мнение общественности о дипломатах, представить их как героев или защитников мира, которые могут переступить через свои личные интересы и занять лидирующую позицию среди министров иностранных дел. Наглядным примером, иллюстрирующим риски в партизанской дипломатии в социальных сетях, является событие, произошедшее в 2007 году в Испании. Испанское правительство отстранило от дел назначенного в Лондоне дипломата за использование социальных сетей и услуг электронной почты для профсоюзной деятельности. Этот дипломат был отстранен в той форме, в которой обычно осуществляются переводы дипломатов из одного государства в другое, сопровождающейся ужасными жилищными условиями, с которыми сталкиваются испанские дипломаты по всему миру. Тем временем канцелярия типичным для нее политически корректным языком объявила, что «советнику, находящемуся в Лондоне, недопустимо обеспечивать весь мир некорректными сведениями».¹⁹¹

В этом случае предполагаемая благородная дипломатическая «партизанская» деятельность продемонстрировала, что испанские дипломатические службы не могут контролировать все действия своих дипломатов и деятельность «антисистемы». В этом смысле события, связанные с партизанской дипломатией, могут интерпретироваться как институциональная слабость или, если говорить более точно, как недостаточность механизмов надзора и контроля за дипломатическими службами. В качестве доказательства можно сказать, что спустя восемь лет та же испанская канцелярия не может предсказать действия такого дипломата, как Хосе Мануэль Гарсия-Маргальо, который в 2015 году использовал социальные сети, телевидение и прессу для публикации заявлений, которые он ежедневно делал в Белграде (Сербии), в которых он обвинял министра иностранных дел Испании в использовании враждебной тактики для организации бюрократической дипломатии. Из этого можно сделать вывод, что некоторые формы, в которых проявляется партизанская дипломатия, включают в себя действия по трудовым жалобам, основываясь на надежном имидже государства за рубежом, так как обвинение дипломата должно происходить в полном соответствии с его правами и обязанностями.

¹⁹¹ CRUZ, Marisa. 2007. Exteriores estudia abrir expediente a los diplomáticos destituidos. (15–04–2015). http://www.peonesnegros.info/fondodocumental/4%20Registros%20de%20medios%20de%20comunicacion/Periodicos.%20Impreso%20y%20su%20Web/Elmundo.es%20%20%20Web/2007%20%20Completo/El_Mundo_2/www.elmundo.es/papel/2007/02/27/espana/2089480.html

1.03. Антисистемная дипломатия

Ключевые Слова: Антисистемная дипломатия.

Из всех существующих дипломатических стратегий «антисистемная дипломатия»¹⁹² является одной из наиболее спорных и порицаемых. Безусловно, она помогает в достижении политических целей, тем не менее, методы, которые она подразумевает, зачастую выходят за рамки закона. «Антисистемная дипломатия» характерна для государств, в которых в целом слабо развит институт дипломатии, он непрофессионален, плохо контролируется или чересчур бюрократизирован. В подобных условиях зарождается кризис внутренней административной политики, и дипломаты приобретают «исключительные свободы» действий. Даже обыкновенное нарушение трудовой дисциплины, например, прогул или отсутствие на рабочем месте, могут напрямую быть связаны с заговором или государственной изменой. Так или иначе «антисистемную дипломатию» связывают с людьми или группами людей, которые придерживаются взглядов, оппозиционных политическому режиму в государстве, и, пользуясь положением самостоятельного бюрократического подразделения, пытаются изменить статус-кво организации или сместить национальные элиты с главенствующих позиций во внешней политике государства. Однако применение этой стратегии обычно не подразумевает преследования личных целей, единственное, что она может дать – это карьерное продвижение. Использование этой стратегии является осознанным и детально проработанным, оно направлено на преобразования глобального характера. Использующие ее стойко верят в свои идеалы, одновременно служа своему государству и жертвуя собой ради их воплощения. Важно добавить, что понятие «антисистема» не имеет отрицательной коннотации вне среды ее применения,¹⁹³ однако изнутри само понятие «антисистема» выступает в качестве оппозиции установившейся системе.

Одним из примеров использования данной стратегии может служить дипломатическая деятельность США – страны, являющейся одной из самых непростых и забюрократизированных. В первую очередь можно вспомнить о событиях, произошедших в посольстве США в Венесуэле в период с 2008 по 2015 гг. В то время в стране фактически действовало «террористическое посольство».¹⁹⁴ После прихода к власти в 1998 году Уго Чавеса началось массовое смещение старых элит, которые непрерывно находились у власти более 40 лет. Новопеченная политическая элита под предводительством самого Уго Чавеса за короткий срок согнала со своих мест старую элиту и значительно повлияла на интересы других политических элит на континенте, и, в первую очередь, в США. Как результат, правление Уго Чавеса практически с самого начала подвергалось критике и порицанию со стороны политических элит как внутри государства, так и за его пределами. Они требовали вернуть их привилегии, которыми они были «исторически наделены». Своего апогея ситуация достигла в 2002 году во время государственного переворота, который с треском провалился, несмотря на отнюдь не последнюю роль США. США и ранее использовали подобную тактику контроля над регионом в 80-х годах XX века для достижения своих интересов. Сразу после этих событий пра-

¹⁹² Исп. *Diplomacia Antisistema*.

¹⁹³ Вне среды применения этой стратегии понятие «антисистема» ассоциируется более с людьми, преследующими альтруистические цели, например, экологами.

¹⁹⁴ «Террористическое посольство» – это неологизм, введенный президентом Венесуэлы Николасом Мадуро в 2015 году на Саммите Америк. Под ним подразумевается деятельность посольства, направленная на совершение государственного переворота в стране пребывания. В данных обстоятельствах дипломаты посольства принимают участие в организации «террористических актов» при поддержке оппозиционных групп, что и произошло в 2002, 2008 и 2014 годах в Венесуэле, когда посольство США совместно с радикальной оппозицией подготовило ряд «террористических актов», связанных с системой электроснабжения страны.

вительство Джорджа Буша (George W. Bush) дало распоряжение дипломатической службе установить тайные отношения с бывшими политическими элитами Венесуэлы, в частности, со смещенным Уго Чавесом. Так продолжалось до 2008 года, когда президент Венесуэлы принял решение выслать из страны американского посла Патрика Дадди (Patrick Duddy) за вмешательство в государственные дела. Таким образом посольство Соединенных Штатов в Каракасе осталось под руководством «поверенного в делах» и с дипломатами более низкого ранга.

В период с 2008 по 2015 гг. американское посольство осталось без контроля со стороны посла, и это привело к тому, что дипломаты более низкого ранга начали тесно общаться с представителями прежних политических элит и сообщать министерству иностранных дел США о событиях и происшествиях в Венесуэле, которые в действительности никогда не происходили, а также замалчивать важную информацию в своих докладах. Это делалось с целью навязать правительству США необходимость дестабилизировать положение администрации Уго Чавеса, а впоследствии и Николаса Мадуро. Отсутствие главы американского посольства также привело к тому, что дипломаты стали принимать активное участие в решении национальных вопросов страны и тайно объединяться с представителями оппозиции. Судя по информации, опубликованной на сайте WikiLeaks.org, американские дипломаты умалчивали о таких фактах, как, например: 1) в Венесуэле с 1999 года было проведено более 15 всенародных выборов, которые за 14 лет принесли успех каждой из политических партий страны, и где с большим отрывом побеждала воля большинства; 2) Венесуэла остается единственной страной в мире с пятью ветвями власти, а не тремя как в других государствах мира, что позволило бы установить с ней отношения иного уровня; 3) политическая система Венесуэлы в отличие от других стран на американском континенте основана на принципе субординации институтов; 4) правовая система Венесуэлы является наиболее развитой в регионе и содержит около 500 национальных законов; 5) основной конфликт был сосредоточен вокруг смены политических элит, а не народных масс; и 6) исходя из особенностей культуры, в еженедельные списки умерших, оглашаемые в венесуэльских СМИ, включают имена людей, якобы погибших насильственной смертью, однако на самом деле они погибли в результате несчастных случаев, умерли от болезни или старости, или же пропали без вести. Параллельно с этим американские дипломаты сообщали о случаях нарушения прав человека и свободы слова, а также голоде, нищете, деспотии, коррупции и многих других ужасах, способных спровоцировать военную интервенцию. Таким образом, все министры и служащие государственного департамента США были уверены, что в Венесуэле установилась диктатура, равной которой еще не видела мировая история.

В администрациях Джорджа Буша младшего и Барака Обамы и подумать не могли, насколько серьезную роль играет дипломатическая служба США в процессе принятия решений касательно политики региона.¹⁹⁵ Даже организации международного контроля, такие как Центральное разведывательное управление¹⁹⁶ (ЦРУ), Федеральное бюро расследований¹⁹⁷ (ФБР) и Управление по борьбе с наркотиками¹⁹⁸ (ДЕА) не имели влияния на процесс принятия решений, поскольку их бюрократические подразделения напрямую зависели от информации, поступающей из посольства США в Каракасе. За это время более 70 дипломатов США, вдохновленных идеей военной интервенции, занимались тем, что генерировали любого рода информацию, способную создать соответствующий образ правительства,

¹⁹⁵ В 2013 году газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала серию статей о скандале вокруг организации WikiLeaks, в которых критиковалась свободная манера речи и недостаточная аналитичность докладов представителей американского посольства.

¹⁹⁶ Англ. Central Intelligence Agency (CIA).

¹⁹⁷ Англ. Federal Bureau of Investigation (FBI).

¹⁹⁸ Англ. Drug Enforcement Administration (DEA).

в том числе платили различным отечественным и зарубежным газетам, чтобы публикуемая информация отражала их интересы, а также финансировали дестабилизационные проекты, например, национальные демонстрации в феврале 2014 года, скорее напоминавшие организованные массовые беспорядки. С другой стороны, в администрации президента США также не понимали, что деятельность дипломатов, основанная на принципах меритократии, не способствует улучшению отношений между вновь избранным президентом Соединенных Штатов и представителями американского посольства. По-другому дела обстоят в Латинской Америке, где существует регламентированный порядок назначения на пост Чрезвычайного и Полномочного посла, согласно которому глава государства назначает на столь высокую должность. При таком сложившемся порядке отношения между президентом и послом являются намного более прочными и доверительными. Это не касается случаев, когда дипломаты пытаются лично назначить претендента на должность, основываясь на собственных предпочтениях. В Соединенных Штатах, напротив, процесс назначения на эту должность неразрывно связан с традициями дипломатического аппарата. Иными словами, на должность посла могут назначить любого, кто имеет заслуги в дипломатическом корпусе США, также подразумевается, что отношения между президентом и дипломатами являются не «естественными», а скорее лишь результатом необходимости сотрудничать.

Каждый из этих пунктов сыграл свою роль в том, что в Государственном департаменте США сложилось политически, социально и милитарно неверное и субъективное отношение к Венесуэле. Об этом сообщил президент Венесуэлы Николас Мадуро в апреле 2015 года на саммите Америк. Помимо прочего, в присутствии Барака Обамы он заявил, что деятельность американских дипломатов в Каракасе создает напряженность в отношениях между странами, поскольку, исполняя роль «судьи и палача» они не дают правительству Венесуэлы даже права на ответ.

Еще один случай антисистемной дипломатии можно было наблюдать в Венесуэле в 2002–2006 гг. Большая группа дипломатов тайно, за спиной центрального правительства, пыталась установить механизмы сопротивления, дабы угодить представителям «Двухпартийной дипломатии» (исп. *Diplomacia Bipartidista*), которые до того момента отказывали себе в привилегиях. С провозглашением в 1999 году новой конституции Венесуэлы начался процесс образования министерства иностранных дел с тем, чтобы оно соответствовало потребностям правительства и всем международным стандартам. В данном ключе политические преобразования в первую очередь были направлены на смещение двухпартийной дипломатии. Концепция двухпартийной дипломатии использовалась применительно к дипломатической службе, действующей в 1961–1999 гг. и состояла из дипломатов – выходцев из политических элит, одновременно являющихся членами партии «Демократическое действие»¹⁹⁹ (ДД) и «Социал-христианской партии» (КОПЕЙ).²⁰⁰ Эти партии более сорока лет сменяли друг друга у власти. Их представители жестко воспротивились изменениям и сместить их со своих позиций оказалось не так уж просто.²⁰¹ Они прибегали к известным техникам саботажа, например, заключали с другими государствами официальные соглашения, заведомо противоречащие внешней политике или законодательной системе Венесуэлы; или же предоставляли ценную информацию соседним и враждебным государствам с целью нанести ущерб лидерам центрального правительства. Благодаря их стараниям правительство Испании в лице премьер-министра Хосе Мариа Аснара решило оказать содействие государственному перевороту 2002 года, принимая во внимание все обещанные венесуэль-

¹⁹⁹ Исп. Acción Democrática (AD).

²⁰⁰ Исп. Comité de Organización Política Electoral Independiente (COPEI).

²⁰¹ Стоит отметить, что для боливарианского правительства процесс смещения политических элит ДД и КОПЕЙ оказался не самым простым, и, фактически, даже в 2015 году они занимают огромное политическое пространство, что вызывает немало проблем в дипломатическом корпусе.

скими дипломатами «антисистемы» в случае успеха. Некоторые действия напрямую были связаны с правительственным шпионажем или заговором против все тех же государственных лиц. Действуя своевременно, им удалось создать отрицательный образ правительства Венесуэлы.

В дипломатической среде прекрасно помнят события 1973 года, когда в результате государственного переворота в Чили погиб президент страны Сальвадор Альенде. Так или иначе, в консульстве Бразилии в Сантьяго, Чили, знали о тайных арестах, пытках и расстрелах по меньшей мере 80 бразильских граждан вооруженными силами будущего президента Аугусто Пиночета. Несмотря на это, дипломатические представители Бразилии не торопились помочь жителям страны и вообще не сильно переживали по поводу происходящего. Более того, они охотно сообщали информацию об арестованных, что якобы является их обязанностью, и, в то же время, способствовали участию войск Бразилии в перевороте. Посол, консул и другие дипломаты воспользовались этим моментом, чтобы установить более устойчивые отношения с бразильскими политическими элитами, оказывающими содействие в перевороте и поддерживающими интересы президента-диктатора Эмилиу Гаррастазу Медиси, хотя и нарушали своими действиями основы прав человека, на которых, в общем-то, и строится институт консульства.²⁰²

Еще один важный пример, более известный в Европе как скандал Генрика Кауфмана (Henrik Kauffmann, 1888–1963), датского дипломата. Он вошел в историю тем, что заключил международное соглашение от имени Дании, не получив одобрения от центрального правительства. Во время Второй мировой войны Кауфман служил послом Дании в США. По неосмотрительности 9 апреля 1941 года он заключил соглашение с США, по которому Соединенные Штаты могли установить свои военные базы в Гренландии и таким образом защитить датскую колонию от немецких захватчиков, которые к тому времени уже оккупировали территорию самой Дании. Подписанное Кауфманом соглашение было одобрено местными властями Гренландии, но объявлено юридически ничтожным находящимся в Копенгагене датским правительством. Кауфман заявил, что подписал соглашение лишь потому, что Дания оккупирована враждебной державой, и датское правительство не способно защищать национальные интересы, при этом он призвал датских дипломатов по всему миру не выполнять инструкций Копенгагена. В ответ датское правительство обвинило его в государственной измене и уволило с должности. Дипломаты, поддержавшие его стремление стать «Королем Гренландии», также были лишены своих постов. Сюда же можно отнести скандал вокруг «Гей-Лобби», о котором Папа Римский Франциск объявил в 2014 году и который нанес серьезный ущерб внешнему облику Ватикана. Эта ситуация усложнялась благодаря высшим чинам католической церкви, которые контролировали экономический, финансовый и административный сектор Ватикана, а также процедуру назначения кардиналов, архиепископов, епископов, священнослужителей и дьяконов. Естественно, что вся их деятельность проходила в тайне от Верховного правительства Ватикана. Скандал вспыхнул в одночасье, как только стало известно, что гей-лобби предлагают гомосексуальные практики всем заинтересованным в карьерном росте, назначении на высокую должность или победе в тендере в администрации церкви или в посольстве Ватикана. Начиная с конца XX века небольшие группы дипломатов и чиновников использовали свое положение и связи для ведения антисистемной дипломатии. Эта тактика проводилась с целью «спровоцировать государственный раскол, действуя изнутри и при помощи своих учреждений через потерю дру-

²⁰² ROMERO, Verónica. 2014. La historia oculta de los torturadores brasileños que causaron terror a los detenidos de ese país en el Estadio Nacional. (18-04-2015). <http://www.cambio21.cl/cambio21/site/artic/20140421/pags/20140421201643.html>

жественных отношений с союзными государствами и авторитета перед международными агентствами».²⁰³

Антисистемная дипломатия также может быть направлена на достижение более «благородных» целей, таких как защита прав и свобод человека. Примером может послужить жизнь Роджера Кейсмента (Roger Casement, 1864–1916), британского посла конца XIX – начала XX века (ирландца по национальности). Он активно боролся в национально-освободительном движении Ирландии против произвола колониальной системы в Конго и на территории Амазонской низменности, вел переговоры с Германией перед Пасхальным восстанием в Ирландии. Кейсмент был арестован британскими властями в 1916 году и обвинен в предательстве, саботаже и шпионаже против британской монархии и был заключен в тюрьму Пентонвиль в Лондоне. Сегодня Кейсмент признан национальным героем Ирландии. И хотя его деятельность можно расценивать как «тайную дипломатию» (*англ.* Secret Diplomacy) или обыкновенный шпионаж, его труды были определенно антисистемными. Во-первых, его действия не были одобрены «сверху». Британская монархия не подозревала о целях, которые он преследовал и тактиках, которые использовал. Таким образом, можно выделить существенную разницу с тайной дипломатией, когда дипломаты имеют специальное распоряжение для проведения тех или иных мероприятий в отношении других государств. В то же время они рассчитывают на поручительство в использовании дипломатических тактик, непредназначенных для «общественной огласки». Во-вторых, Роджер Кейсмент не был шпионом, поскольку на тот момент у него не было никаких трудовых обязательств перед правительством другой страны (он лишь преследовал идеи, которые казались ему правильными). Он не позиционировал себя вне Британской Империи, а как раз наоборот, работал в своем институте и использовал его средства для продвижения идей, направленных против существующей власти, в поисках альтернативной системы государства и продолжал «критиковать старые порядки и исторический застой».²⁰⁴

В заключение важно отметить, что «антисистемная дипломатия» использовалась в большей степени для защиты государственного суверенитета перед лицом надгосударственных организаций, которые действуют за пределами своих полномочий и вопреки государственным интересам других стран. Такой тактики придерживалась Венесуэла в период с 2006 по 2013 гг., когда надгосударственные организации Латинской Америки создавали политическое давление в регионе для дестабилизации правительства Венесуэлы. В докладе негосударственной организации PROVEA («Организация Венесуэлы по защите прав человека»)²⁰⁵ 2012 года было заявлено о «положении дел и контроле над ситуацией» в Венесуэле. В нем также указывалось, что в правлении Уго Чавеса имела место антисистемная дипломатия против межамериканской системы защиты прав человека для того, чтобы, в частности, снизить авторитет Межамериканского суда по правам человека. Правительство Венесуэлы в ответ обвинило в антивенесуэльской пропаганде вышеупомянутые организации, поскольку именно они призывали остальные государства Америки остерегаться распространения идей социализма, исходящих из Венесуэлы. Те же идеи содержало их политическое предложение, которое могло коренным образом изменить статус-кво соседних государств. Таким образом, в знак протеста Венесуэла решила покинуть Межамериканский суд по правам чело-

²⁰³ Исходя из научных данных, могло сложиться ощущение, что автор термина «антисистемная дипломатия», смысл которого здесь отражен, на самом деле – Робинсон Сапата. После изучения многих авторов, ни один не оказался похож в своей манере изложения на Сапата в 2006 году. См. ZAPATA, Robinson. 2006. De la Diplomacia Bipartidista a la Diplomacia Bolivariana. (18–04–2015). <http://www.aporrea.org/venezuelaexterior/a24923.html>

²⁰⁴ VARELA, Cristián. 2001. La institución argentina. Instituto Gino Germani. Facultad de Ciencias Sociales. Universidad de Buenos Aires. Argentina.

²⁰⁵ PROGRAMA VENEZOLANO DE EDUCACIÓN-ACCIÓN EN DERECHOS HUMANOS (PROVEA). 2012. Contexto y Balance de situación. (01–01–2014). <http://www.derechos.org.ve/pw/wp-content/uploads/02contexto1.pdf>

века, параллельно объявив, что США и Канада (два основных государства, продвигающих эту политику) пытаются контролировать не только их, но и весь регион на политическом уровне. До выхода из Межамериканского суда по правам человека Венесуэла пыталась установить дипломатические отношения с другими государствами для совместного выхода. Из-за подобных действий авторитет обеих организаций заметно упал в глазах жителей Латинской Америки, однако, изначально поставленные задачи так и не были достигнуты.

1.04. Предпарадипломатия и протодипломатия

Ключевые Слова: Предпарадипломатия, Парадипломатия, Протодипломатия, Дипломатия «чековой книжки».

Детально анализируя историю происхождения каждого современного национального государства, несложно заметить, что абсолютное большинство из них добились независимости в результате политического дробления или слияния королевств, империй, феодальных государств и т. п. Стоит отметить, что учреждения иностранных дел национальных государств создавались в исторические периоды, следующие за принятием декларации независимости. Однако, в новейшей мировой истории были случаи, когда некоторые местные органы власти в качестве решающего шага к достижению своей независимости от национального государства, которому они принадлежат, устанавливали международные политические отношения с другими национальными государствами. Эта деятельность характеризуется некоторой степенью институционализации, то есть она не задействует механизмы давления или военную силу, а напротив, имеет характер дипломатической деятельности, хотя и не обладающей той степенью законности и легитимности, которая характеризует институты, существующие на уровне дипломатии. Такой вид дипломатической деятельности на «догосударственном» этапе или «до обретения независимости» был впервые исследован североамериканскими учеными Иво Духачеком в 1986 году в работе под названием «Территориальная составляющая в политике: внутри, среди и между стран» (*англ.* The Territorial Dimension of Politics: Within, Among and Across Nations).²⁰⁶ В своей статье И. Духачек предложил использовать термин «**Протодипломатия**» (*англ.* Protodiplomacy), обозначающий международную политическую деятельность, проводимую политическими элитами некоторых нецентральных правительств (или даже городов), стремящихся к отделению по территориальным, экономическим, социальным, культурным и идеологическим причинам, а также к достижению «формальной» независимости и созданию собственного национального государства в будущем,²⁰⁷ хотя иногда к «протодипломатии»²⁰⁸ прибегают и отдельные государства, над которыми временно доминируют другие.²⁰⁹

Иво Духачек с некоторым удивлением отмечает, что на мировой арене в 60-е, 70-е и 80-е годы XX века «протодипломатическая» деятельность осуществлялась в различных регионах. Он даже высказал предположение, что в последующие годы политическая карта мира будет меняться ввиду неоспоримого факта существования различных нецентральных правительств, стремящихся к независимости и уже реализовавших некоторые политические инициативы для достижения всемирного признания в качестве полностью суверенных государственных наций, а также для повышения осведомленности международного обще-

²⁰⁶ DUCHACEK, Ivo D. 1986. The Territorial Dimension of Politics: Within, Among, and Across Nations. Boulder and London: Westview Press. США.

²⁰⁷ PAQUIN, Stéphane. 2004. La paradiplomatie identitaire: le Québec, la Catalogne et la Flandre en relations internationales. In: Revue Politique et Sociétés, Société québécoise de science politique, Vol. 23 No. 2–3. Canada. (19–01–2015). www.erudit.org/revue/ps/2004/v23/n2-3/010890ar.pdf См. DER DERIAN: 1987. *Op. Cit.*

²⁰⁸ В некоторых источниках «Парадипломатия раскольническая и сепаратистская». Согласно Грасьела Зубело, во французских источниках термины «Протодипломатия» и «Парадипломатия» используются как эквивалентные, в других же – как антонимичные идеи, в то время как в англосаксонской библиографии «Protodiplomacy» больше связана с «догосударственными» формами дипломатии. ZUBELZÚ, Graciela. 2008. Los gobiernos subnacionales en el escenario internacional: conceptos, variantes y alcance. Un marco de análisis para las acciones de las provincias argentinas. In: Las Provincias Argentinas en el escenario internacional Desafíos y obstáculos de un sistema federal. Argentina. С. 35.

²⁰⁹ EGIDIJUS, Aleksandravicius. 2003. Emigration and the Goals of Lithuania's Foreign Policy. 19–01–2015. www.lfpr.lt/uploads/File/2003-11%2012/Aleksandravicius.pdf

ственного мнения в отношении этих целей.²¹⁰ Кроме того, некоторые из этих нецентральных правительств при поддержке других государств и иностранных нецентральных правительств в рамках «парадипломатических» форм уже открыли коммерческие и культурные представительства в различных частях мира, но с тем отличием, что эти учреждения представляли собой скорее разновидность «прото-посольств» или «прото-консульств» потенциально суверенного государства. Очевидно, что сепаратистские акции, предпринятые этими «нецентральными органами власти», представляли реальную угрозу интересам политических элит, принадлежащих своим национальным государствам, поскольку способствовали нагнетанию бурной и противоречивой политической обстановки, одновременно нанося вред международным политическим отношениям с теми национальными государствами, решившими принять на своей территории ведомства, которые не являются полноправными субъектами международного публичного права, но действуют с намерением добиться этого уровня в будущем. Национальным политическим элитам пришлось столкнуться с тем, что внешняя политика национального государства больше не проводилась исключительно через МИД, а распределялась между децентрализованными институциональными структурами, наделенными параллельными полномочиями, в той же мере осуществлявшими международное представительство; а это в глазах международного сообщества рассматривалось бы как дуализм международного послания национального государства. Таким образом, с одной стороны, «протодипломатия» подразумевала аспекты отрицательные, противоречивые и угрожающие стабильности национальных государств, однако, с другой стороны, не разрушала традицию дипломатических учреждений и не нарушала международный порядок, так как задача этой стратегии состояла в том, чтобы придать международный политический вес нецентральному правительству.²¹¹

Однако фактических примеров «протодипломатии» не так много. В качестве одного из таких примеров можно привести опыт провинции Квебек 90-х годов XX века – время правления Квебекской партии, стремившейся к международному признанию для того, чтобы добиться независимости от Канады, сближаясь с национальным государством, с которым она разделяет некоторые культурные элементы, в частности французский язык.²¹² Провинция Квебек со временем добилась открытия представительств в различных городах, прибегая к парадипломатическим средствам, иначе говоря, относительно независимым внешнеполитическим акциям без согласования или строгой связи с центральным правительством.²¹³ Тем не менее, с течением времени эти «благоприятные, децентрализованные, вспомогательные и, казалось бы, безобидные» инициативы в отношении национальных государств, которые в теории были направлены на укрепление торгово-экономических связей с другими нецентральными правительствами, начали высказывать собственное политическое мнение, что характерно для независимого государства, причем параллельно с канадскими посольствами. Фактически офисы Квебека задействовали собственную консульскую систему в таких городах, как Бангкок, Брюссель, Буэнос-Айрес, Гонконг, Лиссабон, Лондон, Мехико,

²¹⁰ ALDECOA, Francisco. 2006. La paradiplomacia en la Unión Europea: las relaciones exteriores de las regiones”. In: RODRÍGUEZ GELFENSTEIN, Sergio. 2006. La paradiplomacia: las relaciones internacionales de los gobiernos locales, Editorial Miguel Ángel Porrúa. Mexico. C. 56.

²¹¹ ARREGI ORÚE, Joseba. 2008. Pueblos que no se arrodillan en las relaciones internacionales: una visión desde Euskadi. In: La Plasmación Política de la Diversidad: Autonomía y participación política indígena en América Latina. GOMEZ, Isa; ARDANAZ, Susana. Universidad de Deusto. Serie Derecho Humanos Vol. 17. Spain. C. 290.

²¹² KEATING, Michael. 2001. Paradiplomacia y constitución de redes regionales. In: Revista Valenciana de Estudios Autonómicos, No. 36. 15–01–2015. http://public1.pre.gva.es/argos/fileadmin/argos/datos/RVEA/libro_36/m39–36.pdf. C. 40.

²¹³ AGUIRRE, Iñaki. 1999. Making sense of Paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition. In: ALDECOA, Francisco; KEATING, Michael. 1999. Paradiplomacy in Action, the Foreign Relations of Subnational Governments, Frank Cass. UK. C. 199.

Нью-Йорк и Париж;²¹⁴ а также систему организации, подобную посольствам. К 2015 году в рамках протодипломатических акций Квебеку удалось основать семь общих делегаций, четыре филиала, восемь бюро и два представительства в области разностороннего сотрудничества, являющихся зоной ответственности министра иностранных дел Квебека.²¹⁵ Другой пример – проявление национализма в Стране Басков и Каталонии (Испания), правительства которых осуществляли протодипломатические и парадипломатические акции с тем, чтобы сосредоточить свою международную политику на двух ключевых целях (по крайней мере, в случае Каталонии): 1) защита национальной идентичности; и 2) поиск экономической конкурентоспособности, при этом рассматривая отношения с испанским государством и остальным миром как международные.²¹⁶ Также представляют интерес и события в Шотландии. Майкл Китинг из Шотландского центра конституционных реформ заявил, что Шотландия развивает широкую международную деятельность в рамках парадипломатии в целях привлечения иностранных инвестиций, создания альянсов с другими европейскими территориями, обмена опытом и идеями по вопросам политики и содействия их культуре.²¹⁷ Однако, судя по действиям, которыми в 2014 году руководитло шотландское правительство, инициировавшее и проигравшее референдум о независимости, сегодня можно говорить о том, что шотландская парадипломатическая деятельность эволюционирует с соответствующей скоростью в протодипломатическую. Развитие шотландского движения за независимость, начиная с конца XX века до второй декады XXI века, разворачивалось постепенно, по мере того, как шотландское правительство осуществляло международную парадипломатическую деятельность с некоторым успехом, укрепляющим чувство собственного достоинства среди населения. Соответственно, в последние годы шотландский национализм постепенно завоевывал национальное и международное политическое пространство, приближаясь к независимости Шотландии, что позволит шотландскому правительству начать применять действия, типичные для протодипломатии.

С этой точки зрения и на основании параметров исторической справки, парадипломатические акции являются первым этапом к протодипломатической деятельности. Но здесь мы должны предположить, что в случае достижения независимости сепаратистские правительства смогут осуществлять собственную деятельность на дипломатическом уровне. Таким образом складывается своего рода «система административной и политической деятельности», которая определяет мирный и прогрессивный путь сепаратистского правительства к достижению независимости или международному признанию со стороны других государств. Однако следует отметить, что возможно существование этапа, предшествующего парадипломатии, протодипломатии и дипломатии. Этот предшествующий этап, назовем его «**Предпарадипломатия**» (*англ.* Pre-Paradiplomacy), можно обрисовать как действия сепаратистской политической субэлиты, использующей СМИ и социальные сети в качестве стратегии, способствующей началу строительства политического пути к общественному движению, имеющему большой резонанс на основе параллельных, децентрализованных и скоординированных дипломатических стратегий и установления отношений с другими нецентральными правительствами или зарубежными общественными организациями без непосредственного надзора собственных нецентральных и центральных прави-

²¹⁴ RIAÑO ALCALÁ, Pilar; BARRERO DÍAZ, Patricia; OSORIO, Amantina. 2007. Las Políticas Públicas De Refugio En Canadá. 16–04–2015. <http://www.flacsoandes.edu.ec/biblio/catalog/resGet.php?resId=19324>

²¹⁵ MINISTÈRE DES RELATIONS INTERNATIONALES ET DE LA FRANCOPHONIE (MRIF). 2015. (17–04–2015. http://www.mrif.gouv.qc.ca/en/ministere/representation-etranger#Delegation_Generale

²¹⁶ GARCÍA SEGURA, Caterina. 1996. La actividad exterior de las entidades políticas subestatales. In: Revista de Estudios Políticos “Nueva Época”. Jan – Mar. No. 91. Spain. C. 200.

²¹⁷ KEATING, Michael. 2009. The Independence of Scotland. Self-government and the shifting politics of union. Oxford University Press. Spain.

тельств. Иначе говоря, в настоящее время сепаратистски настроенные местные элиты по-прежнему расширяют сильную политическую связь между собой, способствуя деятельности, связанной с «парадипломатией» для «захвата» политического пространства в своих нецентральных правительствах.

Например, в 2015 году на территории двадцати стран американского континента действовали «региональные движения самоопределения, находящиеся в процессе очень медленного формирования и пользующиеся поддержкой меньшинства». В Аргентине и Чили сепаратистские организации поддерживают создание новой государственной идентичности под названием «народ мапуче (арауканы)». В Боливии сепаратистские организации оказывают поддержку в создании «нации Камба». В Бразилии – содействуют провозглашению Республики Сан-Паулу и Свободной Пампы. В Канаде благодаря достижениям провинции Квебек в настоящее время действуют сепаратистские организации в провинциях Альберта, Британской Колумбии, Ньюфаундленде и Лабрадоре, Саскачеване и Нунавуте; а также другие организации, поддерживающие создание Республики Каскадия и автономии региона Нунатсиавут. Кроме того, в Чили существуют сепаратистские организации, поддерживающие создание Региона Чилоэ и Независимой Республики Магальянес. В Колумбии сепаратисты поддерживают «автономию народа райсал, Сан-Андрес». В Коста-Рике действуют сепаратистские организации, поддерживающие независимость Гуанакасте. В Эквадоре сепаратистские организации содействуют самоопределению провинций Гуаяс и Манаби. В США действуют сепаратистские организации на Аляске, в Калифорнии и Вермонте. Существуют организации, которые поддерживают создание таких государств, как Джефферсон, Республика Полярной Звезды, Новая Англия, Республика Новая Африка, Конфедерация южных штатов, Республика Техас, и Республика Лакота. В Гваделупе, Мартинике и Французской Гвиане сепаратистские организации оказывают поддержку идее независимости от Франции. В Мексике сепаратистские организации поддерживают создание Свободного и Суверенного штата Нижняя Калифорния (исп. *Estado Libre y Soberano de Baja California*), Чьяпас, Республики Сьерра-Мадре, Республики Сонора и Республики Юкатан. В Никарагуа сепаратистские организации содействуют созданию Берега Москитов. В Панаме сепаратистские организации поддерживают создание Республики Чирики. В Перу – создание федеративного государства Лорето. В Пуэрто-Рико имеются сепаратистские организации, борющиеся за независимость от США. И в Венесуэле – сулианский национализм.

Все вышеперечисленные организации в настоящее время находятся на этапе привлечения сторонников в свои ряды. В частности, пытаются получить особый политический статус, который позволил бы им усилить свою роль и укрепиться в качестве региональных или национальных политических элит. Однако на международной арене их политическая роль весьма ограничена, по крайней мере, официальными средствами дипломатии. В основном им удалось установить мирное и институциональное сотрудничество с другими политическими представителями региона, но, тем не менее, в последние годы некоторые из этих организаций с определенным успехом использовали отдельные механизмы дипломатии, чтобы привлечь к себе внимание общественности. К примеру, в 80-е и 90-е гг. XX века движение Чьяпас в Мексике и партизанские движения в Колумбии и Сальвадоре добились того, что их позиция была обсуждена на Форуме американских наднациональных организаций. На самом деле, их политические действия были сосредоточены вокруг Организации американских государств, рассматривая ее в качестве плацдарма для установления мирного контакта с другими институциональными и политическими представителями в регионе. Таким образом становится очевидным использование принципиально новой модели, которая прежде не имела никакого отношения ни к парадипломатии, ни к протодипломатии.²¹⁸ Между тем,

²¹⁸ PEÑATE, Óscar. 2013. La Diplomacia paralela en el conflicto armado salvadoreño. In: Cuadernos de Marte. Año 3. No.

все эти организации широко представлены в Интернете и социальных сетях. Обращает на себя внимание то, каким образом их сторонники используют социальные сети и другие платформы для привлечения внимания общественности к своим целям, а также для размещения публикаций об их «исторически приобретенных правах». В отличие от происходящего на этапе парадипломатии, эти организации не в состоянии установить официальные связи ни с международными организациями, ни с иностранными субнациональными, поскольку у них нет даже регионального общественного института, который бы их представлял. Вместо этого для выражения своих намерений и взаимодействия с другими национальными и иностранными организациями, гражданами и дипломатами, а также с именитыми политиками, стремясь приобщить их к своим целям, пользуются неофициальным форматом социальных медиа. Даже если эти организации имеют в своем распоряжении традиционные средства массовой информации, социальные сети позволяют им работать относительно свободно, без предполагаемой политической цензуры со стороны национальных политических элит. В этом смысле социальные сети – это отличный способ доступа к сферам политической власти и подчинить их – значит открыть возможности для осуществления более формальных инициатив, связанных с парадипломатией, а в дальнейшем и с протодипломатией, что является одним из способов достижения независимости, далеким от насилия и войны. Предпарадипломатия, парадипломатия, протодипломатия и дипломатия (именно в таком порядке) являются на сегодняшний день фазами системы, которую должны пройти в полной мере эти сепаратистские группы для того, чтобы требовать свою подлинную независимость от государства-нации, к которому они принадлежат. Однако перечисленный порядок этих фаз не всегда соблюдается.

Согласно доктрине международного права представлений о государственном суверенитете, национальные государства признают суверенитет другого государства в том случае, если последнее признается независимым тем национальным государством, которому первоначально принадлежало. Только после этого чрезвычайного события другие национальные государства мира могут устанавливать с новым дипломатические отношения, которые не считались бы вмешательством во внутренние дела с точки зрения национального государства, претерпевающего сепаратистские процессы. В формальном смысле, чтобы установить дипломатические отношения с новым государством, национальные государства, должным образом учрежденные, должны ожидать официального признания национальным государством независимости своего нецентрального правительства. Тем не менее, история полна примеров, когда этот базовый принцип, наиболее безопасный для интересов дипломатии, не был соблюден. Действительно, мы часто наблюдаем то, как некоторые страны спешат удостоить официального признания и установить дипломатические отношения с другими национальными государствами, официально «еще не родившимися», а только проходящими через стадию протодипломатии: либо потому, что те еще находятся в состоянии войны за независимость; либо потому, что пока не получили признания суверенитета (необходимого и желательного) со стороны национального государства, от которого они якобы обрели независимость. Таким образом, если поспешное поведение зарубежных соседей затрагивает интересы национального государства, то оно имеет полное право разорвать отношения со всеми этими национальными государствами или организациями, которые признали независимость части его территории, в форме официального протеста, отвечающего требованиям легитимности, поскольку такое поведение неопровержимо доказывает вмешательство во внутренние дела. Ибо, с наиболее ортодоксальной точки зрения международного публичного права, недопустимо, чтобы какое-либо национальное государство устанавливало политические связи с нецентральным правительством или региональными политическими элитами,

поощряя их независимость от национального государства, к которому они принадлежат. Это действие не может быть истолковано иначе, как подлинное свидетельство прямого вмешательства во внутренние дела этого национального государства. Однако в случае Луганской и Донецкой областей Украины, Сомали и «Венецианского национализма» процессы становления независимости и признания национальных государств характеризуются прямым отношением к переменной времени, поскольку могут протекать как в течение длительного, так и очень короткого периода, предоставляя в распоряжение национальным государствам достаточно времени для осмысления политических сценариев и принятия решений по этим вопросам, не допуская отклонения от норм, установленных дипломатией; как видно, историческая последовательность фаз предпарадипломатии, парадипломатии, протодипломатии и дипломатии может осуществляться в относительно короткие сроки и вовсе не являться гарантией обретения независимости.

После распада СССР Украина одним из приоритетов своей политики обозначила необходимость вооружения восточных, наиболее близких к России, областей Луганска и Донецка – тактика первой линии обороны против возможного вторжения евразийского гиганта. Со временем эти области получили в свое распоряжение военное обеспечение в большем объеме, чем остальные территории Украины, превышающем объемы вооружения соседних национальных государств. Тем не менее, после государственного переворота в начале 2014 года, когда был смещен украинский президент Виктор Янукович и последующего присоединения к России территории Крыма, сепаратистские политические субэлиты этих областей, равно как и Крым, унаследовавших русскую традицию и культуру, и которые в течение многих лет работали над продвижением своих интересов при помощи механизмов, связанных с «предпарадипломатией», воспользовались политическим климатом и направили населению сепаратистское послание, что позволило им приобрести огромную популярность и социальную поддержку в относительно короткий период. Всего за несколько месяцев эти элиты пришли к власти и провозгласили независимость Луганска и Донецка, оказав жесткое сопротивление украинским войскам, которые не были способны при помощи военной силы вернуть территорию областей, однако военный дисбаланс угрожал в том числе и России, вынужденной мобилизовать свои войска к границе для защиты от любых попыток экспансии со стороны этих двух областей. В связи с этим лидеры двух областей столкнулись с необходимостью создания «мобильных дипломатических представительств», в состав которых вошли представители центрального правительства, совершавшие поездки по южным государствам Евразийского континента – независимо от России – в попытке получить международную поддержку в соседних странах. Эти «мобильные дипломатические представительства» действовали в форме, типичной для парадипломатии и протодипломатии, помимо создания политического пространства, обеспечивающего продвижение Луганска и Донецка в направлении самоопределения от Украины; они взяли в свои руки торговые и экономические вопросы с другими национальными государствами для обеспечения финансирования войны и защиты граждан этих областей. Таким образом «мобильные дипломатические представительства» добились того, что Луганская и Донецкая области смогли подняться на уровень дипломатии, когда в конце 2014 года добились признания в качестве независимых государств со стороны Южной Осетии²¹⁹ и Абхазии – стран, с легкостью при-

²¹⁹ После распада Советского Союза в 1991 году Южная Осетия в одностороннем порядке объявила о своей независимости от Грузии. Через год после начала войны страна заявила о прекращении огня, что позволило де-факто сохранить независимость большей части территории Осетии. В 2008 г. разразилась короткая, но интенсивная война, в которой при поддержке России грузинские войска отступили. После этого противостояния Южная Осетия была признана на международном уровне четырьмя государствами-членами ООН: Россией, Никарагуа, Венесуэлой и Науру. А также странами, не имеющими признания со стороны стран-участников ООН: Абхазией, Приднестровьем, Сахарской Арабской Демократической Республикой и Нагорным Карабахом.

ступивших к установлению дипломатических отношений с новым деловым партнером. По словам Оливера Буллоу,²²⁰ Южная Осетия и Абхазия действовали таким образом, поскольку тоже нуждались в «срочном» признании со стороны других государств. С этой целью они применили принципы «Дипломатии “чековой книжки”» (англ. Checkbook Diplomacy) – дипломатической стратегии, которая открыто использует экономическую помощь и инвестиции для оказания влияния на внешнюю политику других стран. Буллоу отмечает, что с 2009 по 2010 гг. Южная Осетия и Абхазия осуществляли денежные вложения и оказывали гуманитарную помощь некоторым островным государствам Тихого океана, чтобы те признали их государствами на дипломатическом уровне. Стратегия оказалась успешной в Науру, признавшем Южную Осетию и Абхазию после получения от них 50 млн долларов. Но с государствами Тувалу и Вануату оказалось сложнее. В 2011 году пострадавшее от засухи государство Тувалу получило питьевую воду и гуманитарную помощь от Абхазии, и в это же время Вануату получило от нее около 50 млн долларов на финансирование различных проектов. В знак благодарности Тувалу признало Южную Осетию и Абхазию, а Вануату признало только Абхазию. Однако между 2013 и 2014 гг. Тувалу и Вануату отказались от признания Южной Осетии и Абхазии, не желавших более оказывать этим двум странам финансовую и гуманитарную поддержку.

С другой стороны, в качестве аргумента приведем случай расположенного на востоке африканского континента Сомалиленд – страны независимой де-факто, но не признанной ни одним государством. 18 мая 1991 года кланами северной части Сомали была провозглашена Республика Сомалиленд. Однако, даже в 2015 году Сомалиленд не был признан на международном уровне ни одним национальным государством, хотя имел собственную конституцию, валюту, центральное правительство, был экономически развит и политически стабилен, чего нельзя было сказать о Сомали. В сентябре 2005 года состоялись многопартийные выборы, на которых победила партия «За единство, демократию и независимость», при этом наблюдатели из семи стран признали выборы свободными и справедливыми. Но эти политические события не вызвали интереса ни у одного национального государства в мире. В результате суверенитет Сомали до сих пор оспаривается. Одновременно надо признать, что как до провозглашения независимости, так и после него, осуществляемая Сомалилендом деятельность, связанная с протодипломатией, не принесла результатов, так как не удалось установить прочные дипломатические отношения с другими странами, а это является достаточно серьезным препятствием к международному признанию в качестве суверенного национального государства.

Также стоит отметить опыт итальянской «Независимости Венеции» – сепаратистской организации, добивающейся суверенитета Венеции. Эта организация с 2007 года непрерывно использует социальные сети, стараясь донести свое послание до граждан Италии. Но на данном этапе – предпарадипломатии – она достигла наибольшего успеха в 2014 году, организовав глобальный референдум по вопросу независимости Венеции, который носил неофициальный характер и был проведен через Интернет. И хотя референдум не принес ожидаемых результатов, для «Независимости Венеции» он стал коммуникационным, политическим, гражданским и демократическим достижением, улучшающим ее имидж после трагических событий 2007 и 2014 гг., когда попытки привлечь внимание с помощью протестов и общественных беспорядков были прозваны венецианскими газетами «пьяными криками на площади». Так или иначе, референдум получил большой резонанс в социальных сетях, что послужило популяризации «Независимости Венеции» среди молодежных сообществ Италии и других стран.

²²⁰ BULLOUGH, Oliver. 2014. This Tiny Pacific Island Nation Just Gave Russia a Big Bruise. (20–07–2014). In: <http://www.newrepublic.com/article/117238/tuvalu-bruises-russia-establishing-diplomatic-ties-georgia>

В заключение подчеркнем, что государства, страдающие от сепаратистских движений, не могут участвовать в большинстве из них, в отличие от иностранных государств, что и характеризует предпарадипломатию и протодипломатию. Другими словами, сейчас именно иностранные державы способствуют этим дипломатическим стратегиям, устанавливая официальные отношения с сепаратистскими движениями или местными активистами. С точки зрения государств, находящихся на периферии, установление предпарадипломатических или протодипломатических отношений одного государства с местными элитами другого юридически является вмешательством в его внутренние дела. Например, установление правительством Италии официальной предпарадипломатии с движениями, поддерживающими Республику Каскадию, территория которой образовывалась бы благодаря объединению канадской провинции Британская Колумбия с североамериканскими Вашингтоном и Орегон. Скорее всего, для правительства Мексики это означало бы, что, предоставив некоторую степень признания этим сепаратистским группировкам, Италия вмешивается в государственные отношения Канады и США. А будучи странами «федеративной структуры и утвержденными в аспектах демократии», эти два государства могли бы допустить подобные отношения так же, как допустили парадипломатическое поведение некоторых своих штатов. Эта ситуация может еще более осложниться, если движения, поддерживающие Республику Каскадию, добьются поддержки не правительства Италии, а руководства итальянской Лигурии или Генуи. Предпарадипломатия представлялась бы тогда функциональной стратегией государственного уровня, нецентрального правительства и других, менее масштабных форм политических организаций. И очевидно, что возникли бы следующие вопросы: Что произойдет, если Республику Каскадию признают главы тысячи городов Южной Америки? Могло бы это стать инновационной и возможной формой международного признания? Еще рано что-либо утверждать. Но гипотетически движения, поддерживающие Республику Каскадию, получив власть в нецентральных правительствах Британской Колумбии, Вашингтона и Орегона, в качестве альтернативного пути могут попытаться добиться признания ее суверенитета с помощью Интернета перед тем, как перейти к этапу парадипломатии.

Таким же образом протодипломатии необходимо, чтобы государство или иностранное нецентральное правительство одобрило установление этой связи. Маловероятно, что какое-либо государство предпримет шаги, направленные на такое же политическое дробление собственной территории.

По сути обе дипломатические стратегии зависят от иностранных государств, что действительно нарушает некоторые философские принципы, определяющие дипломатию государств как исключительное право центральных правительств. Если изначально считалось, что дипломатические отношения создаются на основе взаимного согласия между государствами, то в этом случае наблюдаются не взаимные отношения, а многосторонняя инициатива одного государства, посылающего политические сигналы другому в неконсультативной форме. Предпарадипломатия и протодипломатия формируются по инициативе иностранных государств, создавая любопытные взаимоотношения, которые можно встретить и в спортивном мире. Наглядным примером может служить бейсбол и крикет – единственные виды спорта, где мяч находится в руках соперника, в отличие от баскетбола, футбола и волейбола, в которых для начала атаки команда должна заполучить мяч на свою сторону.

1.05. Дипломатия обмена заложниками

Ключевые Слова: Дипломатия обмена заложниками, Рынок заложников, Бизнес на торговле заложниками.

Принято считать, что израильская дипломатическая служба имеет хороший опыт в сфере проведения сделок по обмену заключенными, пленными и заложниками. Достаточно вспомнить, что в период с 1948 по 2011 гг. Израиль произвел обмен, по меньшей мере, 24000 человек²²¹ с Объединенным Арабским Государством и Палестиной. В течение этого времени в тени различных конфликтов, исходя из успехов и неудач в данной сфере, Израиль смог увеличить переговорный потенциал своих дипломатов, чтобы попытаться укрепить политику обеспечения защиты своих соотечественников как внутри, так и за пределами государства. Однако, в то же время Израиль известен и тем, что держит на своей территории тысячи заключенных, пленных и заложников с целью использовать их в предстоящих сделках. В 2015 году организация «Страж прав человека»,²²² которая несмотря на поддержку политических альянсов США, не нашла другого выхода, кроме как осудить военную политику Израиля за «неоправданное использование силы с целью захвата» арабских и палестинских граждан, а также детей с целью включения их в планы по обмену заложниками.²²³ Таким образом, Израиль является государством, создавшим на своей территории обширную торговлю заложниками – **«Рынок заложников»** (*англ.* Hostage Market)²²⁴ с целью обеспечения мира внутри региона, но, в то же время, и создания некоего волнения.²²⁵ Тем не менее, Израиль был не первой страной, которой было необходимо применение стратегической дипломатии для обмена заложниками и их выкупа – история происхождения данной стратегии ведет к самым истокам человеческой культуры.

Если придерживаться мнения профессора Университета Балеарских островов Энрике Гарсиа Риаса и рассматривать историю более детально, то можно проследить, что связь между захватом пленных и заложников, а также сопутствующий ему политический и дипломатический смысл со временем претерпели ряд серьезных изменений, вернее, прошли несколько эволюционных этапов. Например, в Европе еще до существования Римской империи военные и политические фракции небольших царств не знали о преимуществах содержания на своей территории заключенных, пленных и заложников. Это были времена радикальных войн и сражений, из которых выходили либо победителями, либо побежденными, и одни завоевывали земли других. Поверженные враги либо умирали, либо приносились в жертву, либо превращались в рабов. Тогда не существовало возможностей для сделок с целью обмена пленными. И хотя единичные случаи все-таки происходили, в большинстве своем царства не использовали захват людей в качестве политического, дипломатического

²²¹ Важной частью деятельности израильской дипломатической службы в данной области является возвращение на родину погибших за границей израильтян.

²²² *англ.* Human Rights Watch.

²²³ EL UNIVERSAL. 2015. Israel emplea fuerza no justificada para arrestar niños palestinos. (21–07–2015) <http://m.eluniversal.com/internacional/150720/israel-emplea-fuerza-no-justificada-para-arrestar-ninos-palestinos>

²²⁴ Термин «рынок заложников» был впервые использован Жаном Бодрийяром в качестве «геополитического» инструмента для обозначения территорий, где протекают и пересекаются потоки экономических ресурсов, а также происходит обмен заложниками; что и отличает его от понятия «бизнес на заложниках» (*англ.* Hostage Business), которое используется для описания коммерческой характеристики процесса обмена пленными. BAUDRILLARD, Jean. 1991. The Gulf War Did Not Take Place. Indiana University Press. США. С. 25.

²²⁵ На международном уровне существует два других важных вида рынка заложников. Примерами могут служить вооруженный конфликт в Колумбии против партизан, начавшийся в 1960 году, а также война в Ираке (2003–2010 гг.). В обоих случаях был произведен обмен 25 тыс. человек между воюющими сторонами, не говоря уже о том, что сделки совершались под влиянием экономических ресурсов. Только в одной Колумбии за последние 50 лет «Hostage Market» принес партизанам больше миллиарда долларов.

или военного хода. Однако с появлением Римской империи заложникам придают уже совсем иное значение, чего пока нельзя сказать о заключенных и плененных. Уже в 1500 году до н. э. в Римской империи существовали первые законы о неприкосновенности заложников. Но хотя они и находились под той же защитой, что и дипломатические послы, это не спасало их от жестокого обращения. Если не считать этих случаев проявления насилия по отношению к заложникам, римляне ясно отдавали себе отчет в том, что можно было использовать их в качестве важных рычагов для достижения своих имперских амбиций, а также влиять на поведение врагов. Вместе с тем начинают появляться первые попытки обмена заложниками между враждующими сторонами, при этом развиваются основные методы дипломатических переговоров, такие, как дипломатический торг,²²⁶ единоличный обмен,²²⁷ дипломатические гарантии и пропорциональные обмены.²²⁸ В средние века заложники перестают быть полезными и становятся «функциональными» – это касается европейских империй и, в особенности, Испанской империи в период колонизации. Испанская корона использовала новые стратегии завоевания земель, предпочитая брать в заложники представителей коренного населения Северной и Южной Америки в целях принуждения местных королей к сделкам. Настойчивость Испанской короны в данной стратегии была соразмерна важности проведения самих боевых действий, тем более что в то время это было оправданно. Во времена древних империй захват людей с целью сделать их своими заложниками, чтобы в дальнейшем использовать их как средство политического давления, считался неотъемлемым атрибутом войны.²²⁹ Кроме того, в этот период империи начинают различать заключенных, плененных и заложников, используя каждого из них для достижения определенных политических и дипломатических целей.

По мнению Марсели Алисии Таманини и Грасианы Перес Савала,²³⁰ которые, в свою очередь, опираются на «Словарь юридических, политических и социальных наук» автора Мануэля Осорио, в период колонизации, в соответствии с законами завоевания территорий того времени, заключенные являлись товаром, принадлежащим победителю. Их могли либо принести в жертву, либо сделать рабами. Однако испанские законы о ведении войны также допускали повешение, обезглавливание или нанесение увечий жителям завоеванных городов, а женщины и дети могли быть проданы,²³¹ плененных держали в специализированных лагерях на территории врага. Впервые в Средние века роль плененных испытали на себе христиане, попавшие в плен к мусульманам. Их либо отправляли на тяжелые работы, либо держали в плену в ожидании момента, когда их можно будет обменять на золото. Поэтому, по крайней мере в испанском языке, слово «пленный» имеет религиозный смысл и впервые появилось в период завоевания американского континента. Применяли его для обозначения христиан, захваченных «неверными» коренными народами. При этом термин «заложник» относился ко всем тем «почетным»²³² жителям, чья свобода была ограничена врагом или противником. В этом случае они находились в плену непродолжительное время. Заложников отпускали сразу же, как только достигались нужные соглашения с теми, кто был заинтересо-

²²⁶ Процесс, при котором одна из сторон просит вторую сторону установить цену за обмен заложниками.

²²⁷ Одна из простейших схем обмена заложниками, когда, к примеру, один солдат обменивается на другого.

²²⁸ В те времена один римский генерал мог быть обменян на 1000 рабов, 10 лошадей, определенное количество монет и т. д.

²²⁹ GARCÍA RIAZA, Enrique. 1997. La función de los rehenes en la diplomacia hispano republicana. In: *Memorias de Historia Antigua*. No. XVIII. Universitat de les Illes Balears. Spain. C. 81–107.

²³⁰ TAMAGNINI, Marcela Alicia; PÉREZ ZAVALA, Graciana. 2014. Rehenes y Cautivos. *Violencia y Diplomacia en la Frontera Sur De Córdoba (1835–1861)*. XI Congreso Argentino de Antropología Social. Argentina. C. 8.

²³¹ OSSORIO, Manuel. 2004. *Diccionario de Ciencias Jurídicas Políticas y Sociales*. Heliasta. Argentina. C. 772.

²³² Если коренные народы захватывали испанских граждан, не имеющих ни дворянского, ни военного титула и не принадлежащих ни к одной крупной испанской семье, то Испанская корона не считала их заложниками.

ван в их освобождении. Таким образом, заложниками были люди, представляющие большой интерес для Испанской короны, чем заключенные. Их свобода была очень важной дипломатической миссией Испанской империи, которая должна была пересмотреть отношения с вражескими народами для сохранения жизней своих наиболее ценных подданных. Между тем, с точки зрения коренных народов, заложники были их «дипломатической гарантией» или «гарантией лояльности», что объясняло недружелюбное поведение Испанской короны по отношению к ним.

В современном мире значительно изменились как цели, так и методы захвата заложников. Сам захват заложников утратил свой ассоциативный характер и стал независимой преступной деятельностью. Другими словами, если раньше преступники производили захват заложников, например, после неудачного ограбления банка и тем самым пытались скрыться от полиции, то сейчас главной целью преступников является непосредственно сам захват, а не ограбление банка. Эти изменения произошли на международном уровне, и сейчас террористические группировки используют захват заложников в качестве выгодного инструмента для достижения своих целей. Данные действия террористов вынудили государства в свете традиционной дипломатии осуществлять неклассические и сложные дипломатические маневры, чтобы суметь добиться освобождения заложников. Это породило дилемму, в особенности для тех государств, которые выступали за защиту прав человека и были уверены, что ценность человеческой жизни не должна становиться основой государственной стратегии для достижения политических и дипломатических целей. Кроме того, игра жизнями людей не является положительным политическим изменением в дипломатических отношениях – это действия, которые могут быть выгодны только для достижения целей, не являющихся достоянием общественности. К таким методам можно прибегнуть только в тех случаях, когда не удается достичь соглашений с террористами или государствами исходя из традиционных дипломатических стратегий.²³³ В соответствии с этой схемой сделки по выкупу и обмену заложниками на международном уровне, между террористическими группировками и государствами, а также между враждующими государствами, определяют термином **«Дипломатия обмена заложниками»** (англ. Hostage-Diplomacy).

Появлением данного понятия мы обязаны Нассифу Хитти,²³⁴ который придумал его для обозначения дипломатических маневров внешней политики Ирана после кризиса, связанного с заложниками в Тегеране в период с ноября 1979 по январь 1981 гг. Тогда большая группа иранских студентов окружила посольство США и держала в плену 66 американских граждан в течение 444 дней.²³⁵ В связи с этим, президент США Джими Картер отдал приказ заморозить все банковские счета, которыми располагал Иран в американских банках, а также наложил другие международные санкции на период сильной напряженности и добавил, что США не станут поддаваться на шантаж. Между тем исламистские повстанцы заявили, что не освободят американских граждан, пока США не выдадут шаха Мохаммеда Реза Пехлеви²³⁶ с тем, чтобы он предстал перед судом по обвинению в «преступлениях против иранского народа». Впоследствии кризис разрешился после того, как США согласились разморозить государственные счета Ирана в американских банках, взять на себя финансовую и экономическую ответственность за действия Мохаммеда Реза Пехлеви, а также отменить юридические иски против Ирана и пообещать в дальнейшем не вмешиваться во внутренние дела

²³³ RADIO FREE ASIA (RFA). 2005. Analysis: Rebiya Kadeers Release Part of China's Hostage Diplomacy. (17–07–2015). http://www.rfa.org/english/news/china_dissidents-20050318.html LEE, Jung-Hoon. 2014. In: Detained Americans to face trial in North Korea. (17–07–2015). <http://yahoonews.tumblr.com/post/90364338532/detained-americans-to-face-trial-in-north-korea>

²³⁴ HITTI, Nassif. 1989. The foreign policy of Lebanon: lessons and prospects for the forgotten dimension. Centre for Lebanese Studies. Oxford. UK. С. 11–12.

²³⁵ Часть дипломатов смогла укрыться в посольстве Канады.

²³⁶ В октябре 1979 года Шах отправился в Нью-Йорк, чтобы пройти там курс лечения против рака.

страны. Рональд Рейган, выигравший президентские выборы в ноябре 1980 года, принял из этих условий только три, оставив решение по поводу фондов Мохаммеда Реза Пехлеви в руках суда. В конце концов заложники были освобождены. Однако прошло много времени, прежде чем Иран смог успешно воспользоваться методами дипломатии обмена заложниками в начале 1980-х гг. в Ливане, когда произошёл целый ряд взятия людей в заложники. С этого момента все иностранные граждане стали потенциальными заложниками и данный метод их освобождения распространился и в других странах.²³⁷

Спустя некоторое время Уильям Шульц²³⁸ (исполнительный директор американского филиала организации «Международная амнистия» (*англ.* Amnesty International)) использовал термин «**Дипломатия обмена заложниками**» для осуждения политики сближения правительства Билла Клинтона с Китаем. В частности, в 1998 году, когда Китай освободил двух наиболее выдающихся диссидентов: Вэй Цзиншена и Ван Дана для отправки их в США. Такое действие было расценено американскими СМИ как успех дипломатических инициатив между Китаем и США, которые на тот момент смогли отложить другие, более дальновидные цели и сосредоточиться на осуществлении текущих задач. Шульц же, напротив, расценил эти политические действия как ошибку: «один шаг вперед, два – назад». США «стояли на коленях» перед Китаем – страной, по мнению Шульца, в тюрьмах которой на тот момент содержалось более 2000 политзаключенных.²³⁹ Кроме того, Шульц обвинил Клинтона в пренебрежении национальной историей своей страны и того, что произошло 30 лет назад. В период между 1967 и 1969 наступил радикальный этап культурной революции Китая, который привел к нарушению им ряда международных дипломатических норм на беспрецедентном уровне. К примеру, в течение этих двух лет Китай заключил под стражу около двух десятков дипломатов и граждан Великобритании, и фактически держал их в качестве заложников. В ответ на это вместо мести, разрыва дипломатических отношений и наложения эмбарго со стороны Великобритании были использованы более правоверные и традиционные дипломатические механизмы. Переговоры между государствами придавались тогда минимальной огласке. В конечном итоге дипломатические стратегии Великобритании прошли весьма успешно, и постепенно Китай освободил всех заложников. По мнению Чи-Квана, мир был достигнут, когда Великобритания обнаружила, что правительство Китая также было «навязчивым последователем принципов и деталей». Это позволило обеим странам заключить соглашения, не прибегая к изменению поддерживаемых ими политических и экономических отношений.²⁴⁰

Немаловажный вклад в развитие данной концепции сделали Гай Фёр²⁴¹ и Б. Маккензи,²⁴² именно тогда, когда смогли пролить свет на различия между дипломатией обмена заложниками и преступной деятельностью. В принципе, учитывая мнения Фёра и Маккензи, дипломатию обмена заложниками признают в том случае, если между государствами или международными террористическими группировками проводятся переговоры по условиям освобождения заложников. Это является отличительной чертой данной стратегии по сравнению с ситуациями, когда гражданское лицо (или группа лиц) силой берет в заложники

²³⁷ HASAN HAYDAR, Al-Hayat. 2007. Hostage Diplomacy. (17–07–2015). <http://www.lebanonwire.com/0704MLN/07040525DAH.asp>

²³⁸ SCHULZ, William F. 1998. In: Amnistía Internacional Estados Unidos 08/05/98. (17–07–2015). <http://www.prisiones.net/geno/kolima/kolima/finaladi.html>

²³⁹ Несмотря на указанное количество заключенных, ни эта, ни другие цифры официально не подтверждены.

²⁴⁰ CHI-KWAN, Mark. 2009. Hostage Diplomacy: Britain, China, and the Politics of Negotiation, 1967–1969. In: Diplomacy & Statecraft. Vol. 2. Issue 3. CIIA. С. 473–493.

²⁴¹ FEURE, Guy Olivier. 2003. Negotiating with terrorists: The Hostage case. In: International Negotiations. С. 469–494.

²⁴² MCKENZIE B. 2011. Hostage Situations from a Criminal's Perspective. (20–07–2015). <http://www.superheronation.com/2011/08/14/hostage-situations-from-a-criminals-perspective/>

женщин, мужчин или детей для того, чтобы договориться с правоохранительными органами об освобождении этих заложников взамен на исполнение определенного набора требований.²⁴³ Хотя требования похитителей могут иметь международный характер, данный случай также не относится к дипломатии обмена заложниками, если только другое государство не принимает активного участия в процессе переговоров при использовании формальных и неформальных методов. Если же другое государство участвует в переговорах с похитителями одного государства, то преступное действие приобретает международный характер. Примером может служить 2000 год, когда 154 авиапассажира рейса, летевшего из Кабула (Афганистан) и вынужденно приземлившегося в Лондоне, находились в плену 97 часов. После приземления в Лондоне преступники, оставив при себе треть заложников, потребовали от Великобритании предоставить им политическое убежище, чтобы избежать «ужасного гнета» со стороны режима талибов в Афганистане. Правительство Великобритании отказалось выполнять данные требования и приняло решение не вовлекать правительство Афганистана в переговорный процесс, несмотря на то, что страна требовала принять в нем участие. В конце концов конфликт смогли разрешить мирным путем, без применения дипломатии обмена заложниками.²⁴⁴ Также в пример можно привести и случай, произошедший 8 сентября 2014 года, когда евразийские СМИ заявили о том, что президент Украины Петр Порошенко должен привлечь свои дипломатические службы для того, чтобы освободить 1200 солдат, которые оставались в руках Луганских и Донецких войск, борющихся за самоопределение. Однако, как оказалось, данная акция была согласована с правительством Украины. Она была связана с соглашениями, подписанными тремя днями ранее на встрече в Минске (Белоруссия) между президентами Украины, России и Белоруссии, целью которых была попытка покончить с гражданской войной на Украине. На данной встрече было принято решение о том, что президент Украины Петр Порошенко обязуется содействовать в процессе обмена заложниками и военнопленными с Луганском и Донецком, что будет первым шагом к миру в Донбассе, несмотря на то, что в таком случае украинское правительство юридически признало бы определенную степень автономии данного региона и наличие на его территории международного конфликта.²⁴⁵ В этом случае вмешательство в украинский конфликт России и Белоруссии было ярким примером дипломатии обмена заложниками.

²⁴³ С психологической точки зрения захват заложников определяется либо как запланированный, либо незапланированный процесс. Посредством этого, один человек (преступник) ограничивает свободу другого (заложника). Целью данного действия может быть: 1) заставить третью сторону исполнить определенные требования, чтобы сохранить физическую целостность заложника или освободить его; или же 2) использовать его для собственных целей, подвергая риску физическую целостность заложника. Другими словами, заложник становится объектом, а данный процесс «овеществлением». Технически «овеществление» определяется как психологический процесс, при котором преступник стирает характеристики, определяющие заложника как личность/субъект, делая из него «объект», позволяя себе таким образом убить его, обменять или использовать по своему усмотрению. Очевидно, и к счастью, что расценивание человека в качестве вещи, которая может сломаться, не является действием, дающимся легко. Данный тип поведения, когда он представлен в обычной форме, считается «психическим расстройством личности», другими словами, особенностью личности, которая заметно отклоняется от общепринятых норм BLANES CÁCERES, Sergio Alejandro. 2001. La Rehenación: Aspectos Psicológicos y Recomendaciones. (20–7–2015). <http://psicologiajuridica.org/psj84.html> ///. С уголовной точки зрения некоторые академические сообщества утверждают, что существует до четырех типов захватчиков, политические активисты или террористы, преступники, люди с психологической нестабильностью и заключенные. GREENE, Jack R. 2007. The Encyclopedia of Police Science. Vol. 1. Routledge. США. С. 637. FUSELIER, Dwayne. 1988. Hostage Negotiation Consultant: Emerging role for the clinical Psychologist. In: Professional Psychology: Research and Practice. Vol. 19. No. 2. США. С. 175. Также есть другие мнения, приписывающие данным типам некоторую долю религиозного фанатизма, или смешивающие их. CALL, John. 2008. Psychological consultation in hostage/Barricade crisis negotiation. In: HALL Harold V. 2008. Forensic Psychology and Neuropsychology for Criminal and Civil Cases. Taylor & Francis Group. США. С. 269.

²⁴⁴ LA NACIÓN (LN). 2000. Piden asilo los captores y 61 rehenes. (20–07–2015). <http://www.lanacion.com.ar/4962-piden-asilo-los-captore-y-61-rehenes>

²⁴⁵ RUSSIA TODAY (RT). 2014a. Poroshenko: Las autodefensas devuelven a Kiev 1.200 rehenes. (20–07–2015). <http://actualidad.rt.com/actualidad/view/139647-ucrania-rehenes-devolver-kiev>

Значимый вклад в концепцию дипломатии обмена заложниками привнес Хари М. Ософски,²⁴⁶ который определил ее как стратегию, включающую в себя все виды дипломатической деятельности, касающиеся переговоров, освобождения или обмена заложниками, которые ввиду своего гражданства имеют определенную политическую ценность для своих государств. К примеру, если какая-либо террористическая группировка берет в плен определенную группу людей с американским гражданством, то правительство США должно попытаться спасти их исходя из того, что они являются гражданами этой страны. Для этого США необходимо действовать, принимая во внимание политическое значение каждого отдельного случая, а также «ценность» заложников. Однако может случиться так, что различная оценка значимости заложников может привести к тому, что США, как и любое другое государство в мире, могут потерять интерес к сохранению жизни этих заложников, не желая поступиться какими-либо принципами. Спорным является тот факт, что государство, используя свой международный вес, может позиционировать себя шантажируемым другим государством или террористической группировкой. Ведь в таком случае, политические элиты могут расценить сделки по обмену заложниками как «Дипломатию унижения».²⁴⁷

Хари М. Ософски отмечает, что в международно-правовом плане у США есть обязательства защищать свой суверенитет, поэтому они не могут поддаваться давлению террористов, так как это может повлиять на их авторитет как актора международного права, а также создать нежелательный прецедент, который побудил бы другие государства и террористические группировки продолжать шантаж с помощью заложников. Тем не менее, благодаря возрастающей роли средства массовой информации и их влияния на общественное мнение, государства находятся сейчас под большим давлением, и именно поэтому ищут все новые способы, дабы не подвергнуть риску жизнь своих граждан, находящихся в плену. Действительно, если государство не сможет позаботиться о жизни своего гражданина, и этот негативный факт попадет в прессу, он может породить большую волну общественного негодования, что негативно скажется на статусе политических элит, контролирующих центральное правительство данного государства. Например, в 2015 году два японских заложника погибли от рук Исламского государства (*англ.* Islamic State of Iraq and the Levant – ISIL) из-за того, что правительство Японии отказалось выплатить 200 млн долларов за их освобождение.²⁴⁸ После их смерти некоторые японские СМИ обвинили правительство «в отсутствии способности вести переговоры». По некоторым данным, через несколько дней после этого происшествия правительству США пришлось изменить свою политику в отношении заложников. В январе 2015 г. президент США Барак Обама заявил, что их правительство не намерено привлекать к суду семьи американцев, похищенных за пределами страны, которые платят выкуп за их освобождение. Это решение было принято в связи с бурной критикой со стороны различных НПО, вызванной убийством американских военнопленных боевиками Исламского государства годом ранее. Также Б. Обама упомянул о том, что хоть и можно было бы сделать исключение, однако правительство США не изменит свою политику и не станет предоставлять выплаты организациям, поддерживающим американских военнопленных, несмотря на просьбы их семей: «Сделать это – значит подвергнуть риску еще большее количество американцев и поощрить терроризм, с которым мы пытаемся бороться».²⁴⁹ Изменение политики

²⁴⁶ OSOFSKY, Hari M. 1999. Understanding Hostage-Diplomacy: The Release of Wei Jing Sheng and Wang Dan. (17–07–2015). http://www.law.yale.edu/documents/pdf/LawJournals/Hari_M_Osofsky_YHRDLJ.pdf

²⁴⁷ RUBIO, Pío. 2015. Irán: La diplomacia de los rehenes. (17–07–2015). <http://www.analisisdigital.com/Noticias/Noticia.asp?id=20002&idNodo=-5>

²⁴⁸ CNN MÉXICO (CNNM). 2015. ISIS exige a través de un video un rescate de 200 mdd por dos japoneses. (22–07–2015). <http://mexico.cnn.com/mundo/2015/01/20/isis-exige-a-traves-de-un-video-un-rescate-de-200-mdd-por-dos-japoneses>

²⁴⁹ INFOBAE AMÉRICA (IA). 2015. Obama anuncia cambios en la política de rehenes pero no pagará rescates al terrorismo. (22–07–2015). <http://www.infobae.com/2015/06/24/1737391-obama-anuncia-cambios-la-politica-rehenes-pero-no>

Б. Обамы говорит о том, что политическая ценность заложников в последние годы заметно возросла. В связи с этим дипломатические работники обязаны обращаться к методам дипломатии обмена заложниками для достижения договоренностей в ситуациях, связанных с их освобождением. Это необходимо при переговорах с террористами, которые, как правило, характеризуются неустойчивостью своих решений, требований, заявлений и так далее, что на сегодняшний день является реальной проблемой.

По мнению Алехандро Саласа Матураны, когда террористы захватывают заложников, они тем самым пытаются использовать их как инструмент давления, чтобы в конечном итоге в рамках нетрадиционного конфликта вынудить правительство выполнить свои политические требования.²⁵⁰ А вот Минво Юн, напротив, упоминает, что эффект, вызванный войной с терроризмом, подтолкнул террористов на поиски альтернативных источников финансирования – незаконный оборот наркотиков²⁵¹ и захват заложников.²⁵² К 2005 году экономические преимущества от захвата заложников стали привлекать террористов всего мира, увеличивших своё вооружение и набравшихся опыта в этой сфере благодаря прибыльным сделкам по выкупу и освобождению заложников, получивших название «**Бизнес на заложниках**» (англ. Hostage Business).²⁵³ Интересным фактом является то, что данная сфера не предусматривает такого серьезного уголовного наказания, как торговля наркотиками. Кроме того, по словам Патрика Брандта и Тода Сэндлера, террористические группировки чаще всего были склонны именно к «бизнесу на заложниках», поскольку сделки по выкупу и освобождению заложников приобрели устойчивую форму и теперь делятся на три вида в зависимости от способа захвата: похищение на улице, захват в зданиях, захват общественного транспорта (самолетов, водного транспорта, поездов, автобусов).²⁵⁴ На самом деле эти три вида преступной деятельности являются в разы менее сложными, нежели незаконный оборот наркотиков. Последний подразумевает под собой множество сложных процессов: производство, распределение, расходы и окупаемость, что требует вовлечения большого количества людей на различных социальных уровнях, а также четкой организации рабочей деятельности. Это все не входит ни в какое сравнение с тем, каким легким способом можно получить те же деньги, прибегнув к «бизнесу на заложниках».

Итак, подводя итог, необходимо отметить, что среди всех известных дипломатических стратегий дипломатия обмена заложниками является единственной, которая в принципе не должна была существовать. Если обратиться к статье 34 «IV Женевской Конвенции, направленной на защиту гражданского населения в период войны» (англ. The Fourth Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War) 1949 года,

pagara-rescates-al-terrorismo

²⁵⁰ SALAS MATURANA, Alejandro. 2013. El Rescate de Rehenes y el Derecho Internacional Humanitario. Academia Nacional de Estudios Políticos y Estratégicos de Chile. Departamento de Investigación de la Academia Nacional de Estudios Políticos y Estratégicos. Chile.

²⁵¹ YUN, Minwoo. 2007. Hostage Taking and Kidnapping in Terrorism: Predicting the Fate of a Hostage. Professional Issues in Criminal Justice. Vol. 2, Issue. CIIA. C. 23. BILLINGSLEA, William. 2004. Illicit cigarette trafficking and the funding of terrorism. In: The Police Chief. February. C. 49–54. CIIA. CURTIS, Glen. 2002. Involvement of Russian organized crime syndicates, criminal elements in the Russian military, and regional terrorist groups in narcotics trafficking in Central Asia, the Caucasus, and Chechnya. A Report Prepared by the Federal Research Division, Library of Congress under an Interagency Agreement with the United States Government. October. CIIA. JURITH, Ed. 2003. Acts of terror, illicit drugs and money laundering. In: Journal of Financial Crime. Vol. 11. CIIA.

²⁵² POLAND, James. M. 2005. Understanding terrorism: groups, strategies, and responses. Upper Saddle River. Pearson Prentice Hall. CIIA. MEMMOTT, Mark; Brook, Tom. 2006. A mix of motives in kidnappings. (20–07–2015). http://usatoday30.usatoday.com/news/world/iraq/2006-03-30-kidnapping-motives_x.htm

²⁵³ SCHMIDLE, Nicholas. 2009. The Hostage Business. (22–07–2015). http://www.nytimes.com/2009/12/06/magazine/06kidnapping-t.html?pagewanted=all&_r=0

²⁵⁴ BRANDT, Patrick T; SANDLER, Todd. 2008. Hostage Taking: Understanding Terrorism Event Dynamics. The University of Texas at Dallas. CIIA.

согласно которой «запрещается захват заложников», очевидным становится тот факт, что международному публичному праву не только не удалось утвердить данный юридический принцип даже в государствах-членах ООН, но и предотвратить распространение данной практики. Например, в октябре 2014 года после нескольких недель переговоров дипломатическим службам Турции удалось обменять 180 боевиков ИГИЛа на 46 заложников турецкого консульства, находившихся в плену.²⁵⁵ Данный процесс, как и многие другие, проходил с той же формальностью (и даже больше), чем любые дипломатические переговоры между государствами и наднациональными организациями. В данном случае турецкое правительство имело в своем распоряжении более гибкие национальные законы и дипломатов, специализирующихся на методах ведения дипломатии обмена заложниками, применяемых для спасения заложников как альтернативы военным операциям. Учитывая опыт (как это было в случае захвата ранчо Дэвида Кореша в 1993 году, захвата посольства Японии в Перу в 1996 году и захвата театра в России в 2002 году), действия полиции или военные операции по освобождению заложников являются очень сложными и могут привести к неожиданным и нежелательным результатам. Данные опасения заставили политические национальные элиты искать мирные пути освобождения заложников. В юридическом плане политические национальные элиты пользуются тем, что международное публичное право не только не запрещает освобождение заложников, но и регулирует использование силы со стороны государств, оставляя в стороне дискуссии, сосредоточенные на стратегии, тактике и методах, используемых для достижения данной цели. Однако данный способ мышления создает порочный круг, уверяющий, что «бизнес на заложниках» перестает быть инструментом, финансируемым государствами или террористами. Если некоторые государства не желают иметь дело с «бизнесом на заложниках», то существуют другие, не возражающие испробовать все способы защиты физической целостности своих граждан, и тем самым создающие возможности для террористических группировок, не пренебрегающих использованием данных механизмов, и скорее пытающихся преуспеть в вопросе, который, как кажется, никогда не будет решен. В заключение можно сказать, что дипломатия обмена заложниками является действенной стратегией, направленной на решение конкретных вопросов, однако наиболее негативные последствия ее применения тянутся еще долгое время, прежде чем становится понятным, что ее применение главным образом содействует преступной деятельности, которая как раз и должна быть искоренена.

²⁵⁵ EL PAÍS (EP). 2014. Turquía intercambió presos yihadistas por rehenes turcos, según el 'Times'. (20-07-2015). http://internacional.elpais.com/internacional/2014/10/06/actualidad/1412593915_733992.html

1.06. Дипломатия прямого набора

Ключевые Слова: Дипломатия прямого набора, Дипломатия быстрого набора, Диванная дипломатия, Отсутствие контента, Челночная дипломатия.

В начале XXI века выдающийся ученый Джеффри Берридж задался вопросом: какое влияние современная международная ситуация (в период после окончания Холодной войны) и технический прогресс оказали на позиции министров иностранных дел на международной арене? В 2002 году вышла его книга под названием «Дипломатия: теория и практика» (*англ.* Diplomacy: Theory and Practice).²⁵⁶ В данной работе среди прочего он разработал идею «Дипломатии прямого набора» (*англ.* Direct Dial Diplomacy). Под этим термином Берридж подразумевал мировую тенденцию, вследствие которой из-за увеличения полномочий других должностных лиц министры иностранных дел теряли абсолютный контроль над внешней политикой государства. Упомянутые же должностные лица стали достаточно свободно принимать участие в решении международных вопросов без какой-либо необходимости отчитываться о своих действиях перед министром иностранных дел, что было обязательным еще в XX веке.

По словам Берриджа, министры иностранных дел более не являются «международными операторами» или «официальными представителями» своих государств.²⁵⁷ Несмотря на то, что они продолжают играть главную роль в решении ключевых международных вопросов, нередко можно встретить ситуацию, когда другие министры того же государства приобретают равные полномочия в ведении международных отношений. К примеру, министры торговли, финансов, обороны, транспорта, окружающей среды теперь находятся «на прямой линии» не только со своими зарубежными коллегами, но и с представителями других международных организаций. Таким образом, министры иностранных дел и дипломатический корпус стали более не в силах контролировать официальные переговоры, все входящие и исходящие потоки информации. Они также не способны противостоять тому факту, что другие государства могут воспользоваться полученной ими «непроверенной» информацией.²⁵⁸

Для Берриджа «дипломатия прямого набора» – результат увеличения масштабов международного кризиса XX века. Эти проблемы снизили оперативность министров иностранных дел и в то же время способствовали распределению обязанностей между министерствами. Отныне министерства и военные подразделения могли напрямую взаимодействовать со своими иностранными коллегами, что значительно сократило обязанности дипломатического корпуса. Однако Берридж не считает, что из-за сложившейся ситуации МИД полностью сдал свои позиции. Как раз наоборот, дипломатическая рутина сменилась более простыми обязанностями, такими как контроль над внешнеполитической деятельностью других министерств. По словам Берриджа, в последнее время в министерствах иностранных дел таких стран, как Япония и Великобритания применяются интересные тактики «дипломатии прямого набора». Они создают систему внешней визуализации, держа под контролем дипломатический корпус и тем самым способствуя деятельности своих министерств. Однако Камелия Тигу предположила, что данный феномен носит глобальный характер и указывает на административную децентрализацию.²⁵⁹ За последние 10 лет наряду с

²⁵⁶ BERRIDGE: 2002. *Op. Cit.*

²⁵⁷ BERRIDGE, Geoffrey. 2010. *Diplomacy: Theory and Practice*. Palgrave MacMillan. UK. С. 1–18.

²⁵⁸ GELDENHUYS, Deon. 1998. Subnational Governments and Foreign Relations. In: DE VILLIERS, Bertus. 1998. *Institutional Development in divided societies*. South Africa. С. 333.

²⁵⁹ TIGAU: 2009. *Op. Cit.* С. 35.

уже существующими департаментами на американском континенте были образованы новые офисы и отделения по международным связям. Такой подход гарантировал активное участие министерств в дипломатических отношениях. Также это подразумевает и значительные изменения в процессе принятия решений. Министры иностранных дел формально обязаны разделять свои обязанности в ведении внешней политики с другими министрами и представителями других институтов власти (при этом не забывая об обязательных встречах с главой государства). Таким образом, на административном уровне активная «дипломатия прямого набора» влияет на различные сферы, которые могут быть интересны в данном контексте. Например, бюджет дипломатических служб. Они могут разрастаться, приглашая на работу новых сотрудников в помощь министрам, или же наоборот – вследствие уменьшения обязанностей сокращать свои ряды. Сюда входит и создание внутригосударственных альянсов, сложных для определения ввиду того, что министерство иностранных дел прежде чем говорить о своих сильных и слабых сторонах, возможностях и опасениях, обязано привлечь внимание деятельности министров за последние несколько месяцев. Активность переговоров является наиболее важным показателем в дипломатической деятельности, поскольку порой использует методы, противоречащие интересам внешней политики.

Если обобщить все сказанное Берриджем, то можно сделать ряд интересных выводов. Во-первых, хотя Берридж успешно описывает роль других государственных чиновников наряду с деятельностью министерств, подобные явления носят скорее случайный и единичный характер. Главы государств вместе с министрами иностранных дел способствуют активному участию других министров в решении второстепенных вопросов внешней политики. В противном же случае есть риск назначить министра транспорта ответственным за решение международного конфликта. В перспективе подобный прецедент может представлять серьезную угрозу для государства. Поэтому центральное правительство всегда стремится преподнести себя наиболее компетентным органом в решении подобных вопросов на международной арене. Иными словами, по мере столкновения с реальной угрозой конфликта правительство старается распределить свои полномочия между главой государства, министром иностранных дел, военными и другими институтами, способными обеспечить урегулирование ситуации и тем самым облегчить международную деятельность правительства. Именно поэтому технику «дипломатии прямого набора» нельзя считать эффективной для решения крупномасштабных региональных и международных проблем. Данная стратегия скорее подходит для решения вопросов меньшего стратегического значения. Например, взаимодействие министра транспорта со своим иностранным коллегой ограничено сферой движения транспорта, поездов и самолетов. Маловероятно, что он станет вести переговоры со своим коллегой или главой иностранного государства по вопросам военных действий в целях урегулирования международного конфликта. Так или иначе, подобная ситуация представляет определенный риск для правительства данного государства. Так, «дипломатия прямого набора» ассоциируется скорее с международными вопросами более специфичного характера. Для правительств многих государств данная стратегия является очень полезной, поскольку она: 1) является удобной и эффективной для освобождения министров иностранных дел от части полномочий, что позволяет им сконцентрироваться на проблемах первоочередной важности; 2) не требует от правительства особых усилий для передачи полномочий, ведь это может быть осуществлено через сообщение или простой телефонный звонок.

Во-вторых, Берридж структурировал идею «дипломатии прямого набора», делая упор на слове «dial» («набор номера»), которое в английском языке широко применяется в технической сфере и, в частности, в телефонии. Вероятно, Берридж считает, что «дипломатия прямого набора» подразумевает, что министры взаимодействуют со своими коллегами в большей степени посредством телефонных разговоров и других современных телекоммуникационных систем, чем на встречах «лицом к лицу». Для Берриджа категория коммуни-

кации является решающей. «Дипломатия прямого набора» способствует технологическому прогрессу и снижает операционные и административные расходы государства в мировом масштабе. Тем не менее, стоит добавить, что для «дипломатии прямого набора» предпочтительной является работа министров «в офисе», чем «на улице». А такой подход является опасным для внешней политики, поскольку она может оказаться в руках министров, находящихся «не в себе», или, иначе говоря, министров, черпающих информацию о конфликтах «из третьих уст», через телевидение или газеты и лично не имеющих к ней никакого отношения. «Дипломатия прямого набора» создает политические условия, которые еще сильнее разделяют «мир бюрократии» и «реальный мир». Это негативно влияет на восприятие проблем и механизмы их решения, а также способствует «неадекватному» применению механизмов коммуникации. Для описания сложившейся ситуации был предложен неологизм вроде «**Дипломатия быстрого набора**» (*англ.* Speed-Dial Diplomacy). Данный термин используют для описания ситуации, когда министр вместо официальных визитов довольно-таки часто использует звонки за границу своим коллегам.²⁶⁰ Термин «**Диванная дипломатия**» (*англ.* Sofa Diplomacy) описывает тенденцию министров иностранных дел и других министров принимать решения международного характера, не покидая своего уютного офиса и на позициях, далеких от «международных событий», что является нехарактерным для традиционной дипломатии.²⁶¹ Понятие «**Отсутствие контента**» (*англ.* Hollowing-out) применяется в случаях ухудшения качества работы международных отделов, что связано с недостаточным опытом работы с «международным контентом».²⁶² Каждое из этих понятий связано с ушедшими в прошлое политикой «**Двусторонней дипломатии**» и «**Челночной дипломатии**» (*англ.* Shuttle Diplomacy).²⁶³ Последняя была интерпретирована некоторыми как начало упадка традиционной дипломатии, связанного с отказом от присутствия посла.²⁶⁴ «Челночная дипломатия» подразумевает ситуации, когда нейтральное государство вовлекается в конфликт в качестве посредника между враждующими сторонами, которые отказываются взаимодействовать напрямую. Характерной особенностью данной стратегии является то, что представитель нейтрального государства и по совместительству министр иностранных дел, обязан совершать постоянные путешествия между территориями враждующих стран и каждый раз «лицом к лицу» проводить переговоры с лидером каждой из сторон. Подобная стратегия впервые была использована Госсекретарем США Генри Киссинджером в 1937 г. Он выступал посредником в конфликте Йом-Кипур.²⁶⁵ В тот момент в США посчитали, что Генри Киссинджер обязан находиться в непосредственной близости от

²⁶⁰ POWELL, Colin. A battle for UN votes before the big war. (04–04–2015). <http://www.sundaytimes.lk/030223/columns/inside.html>

²⁶¹ SERVICE, Robert. 2008. Minutes of Evidence. (04–04–2015). <https://books.google.ru/books?id=BVCsfmqBXVAC&pg=PA35&lpg=PA35&dq=%22sofa+diplomacy%22&source=bl&ots=IrsQe5jeXm&sig=cefjeuJoj0rDaQ-6y59KqZjYPdU&hl=es-419&sa=X&ei=mdYfVbCFMoqqsgHxulLwDQ&ved=0CE%22sofa%20diplomacy%22&f=false> BUTLER, Robin. 2011. In: Fury as David Cameron apes Blair with £1 m 'sofa squad' of unelected advisers. (04–04–2015). <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1358768/Fury-David-Cameron-apes-Blair-1m-sofa-squad-unelected-advisers.html#ixzz3WLKisFDL>

²⁶² PARLIAMENT UK. 2010. The Role of the FCO in UK Government. (04–04–2015). <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201012/cmselect/cmfaif/665/66505.htm#n34>

²⁶³ По мнению некоторых испаноговорящих научных сообществ, данное явление может также быть названо как «челночная дипломатия» или «трансферная дипломатия».

²⁶⁴ SOUKIASSIAN, Carlos. 2011. Wikileaks y la crisis de la diplomacia tradicional. Universidad Nacional de San Martín. (01–04–2015). <https://diplomaciaalternativa.wordpress.com/2011/03/16/wikileaks-y-la-crisis-de-la-diplomacia-tradicional/#more-603>

²⁶⁵ Также известна как война Рамадана или Октябрьская война. Вооруженное противодействие Израиля и арабских стран (Египта и Сирии) в так называемом арабо-израильском конфликте. Предположительно стала последней войной между Израилем и его арабскими соседями на нескольких фронтах, а также переломным моментом в истории конфликта. Египет и Сирия начали внезапное наступление на Израиль в день еврейского фестиваля Йом-Кипур (6 октября 1973 г.), нарушив договор о прекращении огня на Синайском полуострове и Голанских высотах, оккупированных Израилем во время Шестидневной войны 1967 г.

места событий, поскольку, несмотря на материальные затраты, технические достижения и уже существующие цифровые технологии, личные переговоры «всегда оставались и будут оставаться наиболее эффективными».

В-третьих, важно подчеркнуть, что «дипломатия прямого набора» – это стратегия, которая чаще всего применяется между государствами-членами Евросоюза. Именно эта форма взаимодействия между государствами в данном регионе является на данном этапе приоритетной. Их министерства иностранных дел склоняются к необходимости подобной практики для проведения успешной внутренней и внешней политики. В действительности, данная стратегия вышла на мировой уровень в конце XX века. Достаточно вспомнить историю государств, подписавших международные конвенции. В таких случаях предварительный «звонок по телефону» – достаточно распространённое явление. Звонки осуществляются с целью прояснить детали, которые позже могут «всплыть» в самый неподходящий момент. Стоит отметить, что в период с 1999 по 2015 гг. страны Латинской Америки стали активно заключать между собой различного рода соглашения. Так, только за семь лет (с 2006 по 2013 гг.) укрепились и начали стремительно развиваться отношения между Боливией, Венесуэлой и Эквадором благодаря заключенным договорам (свыше 300) о многостороннем сотрудничестве на разных уровнях,²⁶⁶ что ознаменовало собой один из этапов глобального расцвета «дипломатии прямого набора». В этот период благодаря полной свободе в выборе тематики переговоров происходил непрерывный обмен информацией между министрами-коллегами. Конечно, это происходило благодаря общему официальному языку – испанскому – очень часто переговоры затягивались из-за возникающих споров между лидерами этих стран. Также важно учитывать шаблонность таких мероприятий: к примеру, грамотный юридический язык, соответствующий рангу документа. В противном случае документ может оказаться недействительным. В некоторых случаях переговоры могли затягиваться из-за необходимости проведения консультаций с главой государства или министром иностранных дел, которые могли быть заняты «более важными делами». Скорость, с которой осуществлялись переговоры, создавала серьезные неудобства членам делегаций в процессе взаимодействия. Во многом именно по этим причинам оппозиционные политические элиты не упускали случая обвинить МИД в дезорганизованности. Но на самом деле, «дипломатия прямого набора» – это не что иное, как «дезорганизация». Основы данной стратегии лежат в отсутствии прозрачности института МИД, невозможности предугадать будущее политики, что является ключевыми принципами в работе министерства иностранных дел.

Идея Берриджа основывается в большей степени на роли министров иностранных дел, и он, как будто, не догадывается, что министры не выступают без поддержки министерств, и министерства иностранных дел, которые они возглавляют, являются на сегодняшний день наиболее важными институтами мировой политической системы. Они обладают многочисленными экономическими, финансовыми, политическими и человеческими ресурсами для планирования и ведения внешней политики государства. С такими ресурсами кажется непостижимым, что министерства иностранных дел берут за основу тактику дипломатии прямого набора, в то время как могли бы затрагивать более существенные темы. Тем не менее, дипломатия прямого набора могла бы позволить министрам обращаться за советом и разъяснениями к своим оппонентам по различным вопросам. Как бы то ни было, использование данной стратегии является признаком слабости и беспомощности дипломатического корпуса и показателем некомпетентности главного министра, который, возможно, не осознает степень возложенных на него задач. Берридж говорит о том, что это масштабные мировые проблемы и телекоммуникационный прогресс открыли доступ дипломатии прямого набора на международную арену. Тем не менее, можно предположить, что появление «дипломатии

²⁶⁶ TORREALBA: 2015. *Op. Cit.*

прямого набора» вызвано утратой строгого порядка в институтах, которые, чтобы «выжить» должны прежде всего отвечать требованиям современного общества. А значит можно считать, что институты подстраиваются под социальную среду, в которой они находятся, хотя порой и ложную.

В конце концов, постулаты «дипломатии прямого набора» могут оказаться непригодными, хотя и относительно удобными для министерства иностранных дел, поскольку они остаются неписаными нормами. А раз не существует законов, регулирующих эту стратегию, министерства иностранных дел могут аннулировать любые действия, в особенности соглашения, установленные в процессе ее применения. Тем более это касается случаев, когда последствия данных соглашений вредят внешней политике или нарушают юридические нормы, установленные государством. Поэтому методы «дипломатии прямого набора» зачастую сопровождаются таким явлением, как «Антидипломатия», поскольку могут оказаться запрещенными. В то же время они не влияют на юридические вопросы государства и действуют за спиной министерств иностранных дел. Говоря о функциональности данной стратегии, стоит отметить, что она изнутри разрушает институт министерства иностранных дел без всякой на то необходимости.

1.07. Учредительная дипломатия и парадипломатия

Ключевые Слова: Глобальная микродипломатия, Глобальная парадипломатия, Дипломатия центробежной силы, Дипломатия центростремительной силы, Идентичная парадипломатия, Макродипломатия, Макрорегиональная дипломатия, Макрорегиональная парадипломатия, Мегадипломатия, Международная кооперация, Мезоуправительство, Микрорегиональная парадипломатия, Многоуровневая дипломатия, Надгосударственная дипломатия, Негосударственная многоуровневая дипломатия, Отрицательная парадипломатия, Парадипломатия, Параллельная дипломатия, Положительная парадипломатия, Региональная дипломатия, Региональная парадипломатия, Режимы трансграничных регионов, Совместная дипломатия, Субгосударственная дипломатия, Транс– или макрорегиональная парадипломатия, Трансграничная кооперация, Трансграничная региональная микродипломатия, Трансграничная региональная парадипломатия, Трансрегиональная микродипломатия, Трансрегиональная парадипломатия, Учредительная дипломатия, Учредительные государства, Федеративная дипломатия.

В теории, внешней политикой государств является политика, устанавливающая типологию дипломатических стратегий, которые будут использоваться для достижения целей. Тем не менее, этот подход может претерпевать изменения в связи с особенностью политических элит, контролирующих центральные органы исполнительной власти, не признавать однократность, взаимозаменяемость дипломатических стратегий и их свойство приспосабливаться к намеченным планам; а также не считать дипломатию частью внешней политики несмотря на то, что некоторые ученые и политические деятели настаивают на обратном. Примерно то же происходит и с понятием государственного суверенитета. В большинстве случаев национальные политические элиты, контролирующие центральные органы исполнительной власти, не осознают, что имеют в своих руках суверенитет государства, который может стратегически способствовать достижению различных международных целей. Напротив, те политические элиты, которые учитывают этот факт, понимают, что аккредитация граждан и институтов позволяет придать особую силу международному представительству, впоследствии позволяющему открыть любые двери и создать больше возможностей для заключения соглашений, чем бесконечный процесс дипломатических переговоров, который зачастую оказывается безрезультатным не только по причине имеющихся разногласий между сторонами, а вследствие диспропорции в количестве дипломатических представителей, участвующих в диалоге. Например, когда была создана ООН, власти многих стран воздержались от вступления в ее состав, поскольку считали ее «подозрительной» и угрожающей суверенитету государств. Более «продвинутые» политические элиты были первыми, согласившимися принять участие в этом проекте, в то время как другие тратили годы на осмысление происходящих вокруг событий. В конце концов политические элиты стали применять рациональный подход, а также оперативно действовать и принимать решения в вопросе назначения своих представителей. Тем не менее, если судить по политической роли многих послов, принимающих участие в заседаниях, сегодня в ООН по-прежнему наблюдается определенный дисбаланс. Одни проявляют большую активность и инициативность по сравнению с другими. Можно сослаться на то, что такая деятельность является следствием личностных характеристик и знаний каждого; также можно утверждать и то, что их политические роли соответствуют строго предоставленным полномочиям, в рамках которых одни представители имеют право принимать решения и выдвигать инициативы, другие же предпочитают хранить молчание и посещать заседания «для галочки». Это может произойти как в посольстве, так и в делегации. Как сложилась такая ситуация, при которой выделенная доля суверенитета государства может повлиять на политические результаты?

Трудно дать точный ответ на данный вопрос. Накопленные знания и опыт позволяют сформировать общую картину выделяемых квот и то, как эти квоты, в свою очередь, влияют на деятельность наднациональных органов и полномочия дипломатов.

С юридической точки зрения понятие «доли суверенитета» легче обнаружить в деятельности наднациональных организаций. На этом уровне политические элиты, контролирующие центральные органы исполнительной власти, наделяют долями суверенитета своих государств наднациональные организации²⁶⁷ с целью упростить процесс осуществления контроля и защиты общей политики между государствами-членами в вопросах, которые по степени важности следуют после защиты национальных интересов. Другими словами, наднациональные организации могут действовать в ситуациях, вызывающих равный интерес у государств-членов, каждому из которых, в свою очередь, оставляют возможность действовать самостоятельно в вопросах национального характера. Наднациональные организации могут осуществлять свою деятельность в таких областях, как торговое, финансовое и технологическое развитие; демократия; защита окружающей среды; укрепление мира; защита прав человека; политическая и экономическая интеграция; верховенство права и закона; искоренение голода и болезней. Тем временем государства-члены все еще могут осуществлять свой суверенитет в национальных делах: устанавливать налоги, управлять избирательными системами и правовыми вопросами, структурировать планы развития территорий, разрабатывать курсы внешней политики, равно как и инвестиционные программы и др..²⁶⁸ Когда политические элиты предоставляют доли суверенитета руководству наднациональных организаций, они дают понять, что их государства будут подчиняться принятым решениям данных организаций при условии, что эти решения будут относиться к ранее обсужденным темам. Таким образом государства обеспечивают контроль над большей частью своего суверенитета. Эти политические отношения, характеризующиеся подчинением государств наднациональным организациям, решения которых в тех или иных областях имеют больший «политический вес», наводят на мысль о том, что на международной политической арене каждый участник играет определенную роль, выстраивая в политической системе мира некую иерархию.²⁶⁹

Эта идея нашла отражение в трудах Михайло Месаровича и Дональда Мако в 1969 г.²⁷⁰ Если изучить поведение действующих лиц на мировой арене, то их можно разделить на лица официальные и неофициальные,²⁷¹ или же классифицировать по трем основным уровням: верхний уровень, на котором расположились наднациональные организации; промежуточный уровень, закрепленный за государствами; низший уровень, который занимают другие лица, наделенные меньшей политической властью, которые могут быть классифицированы как негосударственные лица (транснациональные компании, общественные организации, группы давления, группы граждан, политические партии и др.); лица субгосударственных

²⁶⁷ Следует подчеркнуть, что политические уровни наднациональных и международных организаций различаются между собой, поскольку наднациональные организации относятся к типу интеграции, в которой новый центральный орган наделяется большими полномочиями власти, чем международные организации. См. HAAS, Ernst. 1966. Partidos políticos y grupos de presión en la integración europea. INTAL. Argentina. С. 89–90.

²⁶⁸ Активное участие государства в деятельности некоторых наднациональных организаций зависит от политической ориентации центральных органов исполнительной власти государства, которые могут возвращать законную силу и подтверждать ранее подписанные конвенции для удовлетворения политических интересов сегодняшнего дня. Таким образом, государства имеют полное право просить своего исключения из ООН или из других международных организаций так, как это произошло с Венесуэлой в 2013 г., когда она покинула Межамериканскую комиссию по правам человека после того, как эта организация опубликовала доклад с критикой венесуэльского правительства.

²⁶⁹ OYARZÚN SERRANO, Lorena. 2008. Sobre la naturaleza de la integración regional: teorías y debates. In: Revista científica de ciencia política. Instituto de Ciencia Política, Pontificia Universidad Católica de Chile. Vol. 28. No. 2.

²⁷⁰ MESAROVIC, Mihajlo; MACKO, Donald. 1969. Fundamentos de una teoría científica de los sistemas jerárquicos. In: Law. Hierarchical Structures. CIIA. С. 47–68.

²⁷¹ TIGAU: 2009. *Op. Cit.*

структур (государственные учреждения и др.). В предложенной модели учитываются следующие факторы: качество власти, законность и политическая власть различных международных организаций, степень влияния глобальных политических учреждений – это позволяет увидеть структурированность международной политической арены, где каждый уровень влияет на последующий. Однако влияние одних уровней на другие является относительным, поскольку с середины XX века представители третьего, низшего уровня, проявляли такую активность в мировой политике, что меняли традиционную сферу влияния государства, а это говорит об эволюции традиционных политических, правовых и суверенных понятий.²⁷²

В рамках этой классификации параллельно отмечалось, что государства по-разному организовывали свои дипломатические службы. Таким образом, дипломатические отношения между различными действующими лицами на международной арене могут быть также разделены на иерархические уровни.

Например, в то время как политические элиты, контролирующие центральные органы исполнительной власти, предоставляли долю своего государственного суверенитета наднациональным организациям, они наделяли определенной властью и полномочиями своих дипломатов, представляющих интересы своих государств в наднациональных организациях. Благодаря этой мере политические элиты гарантировали, что решения, принятые их дипломатическим представительством в субнациональных организациях, имеют «обязательный характер», а их полномочия позволяют рассматривать макрополитические вопросы. Тем не менее, эта идея была новой для дипломатической традиции: с начала XX века политические элиты наделяли своих дипломатических представителей такой властью, что некоторые из них были более представительными, чем послы или министры иностранных дел.

XX век ознаменовал конец ведущей роли государства-нации на мировой арене, также логично предположить, что в этом веке наступил конец роли посла как главы дипломатической структуры государства за границей. Появление современных наднациональных организаций, таких как ООН, ЕС и ВТО изменило политический статус послов, которые теперь могли поделить свои функции с другими дипломатическими представителями своих государств с аналогичной или большей иерархией. По крайней мере с появлением ООН была принята Венская конвенция о дипломатическом и консульском праве, в которой говорится о роли послов и других дипломатических работников, а также устанавливается правовая норма, которой придерживаются государства-участники в процессе создания национальных законов, направленных на предотвращение дублирования дипломатических задач. Венская конвенция не отразила третий тип дипломатических отношений, которые зарождались на мировом уровне и происходили из внутривнутриполитической системы государств. В отличие от дипломатических отношений, которые государства поддерживали с наднациональными организациями и обычных дипломатических отношений с другими государствами и международными организациями, нецентральные правительства²⁷³ начали участвовать на международной арене как с поддержкой своих государств, так и без неё. В этом смысле можно считать, что дипломатические отношения государств делятся на три уровня: **надгосударственная дипломатия** (англ. *Supra-State Diplomacy*),²⁷⁴ **традиционная дипломатия** (англ. *Diplomacy*)²⁷⁵ и **субгосударственная дипломатия** (англ. *Sub-State Diplomacy*).²⁷⁶ Каждый уровень, имеющий свои дипломатические стратегии, можно изобразить таким образом:

²⁷² SCOTT, John. 1991. *Social Network Analysis. A Handbook*. Sage. UK.

²⁷³ Например, муниципалитеты, министерства внутренних дел, департаменты, штаты, провинции, кантоны, нефедеративные единицы, субнациональные государства, в том числе государства децентрализованной политической власти, которой обладают современные государства при создании и распространении политической власти на территории государства.

²⁷⁴ В испанском языке можно найти следующие эквивалентные понятия: «наднациональная дипломатия» или «институциональная надгосударственная дипломатия».

²⁷⁵ С точки зрения модели Иво Дучачека, учитывая существование «парадипломатии», в которой нецентральные пра-

Мировая дипломатическая система²⁷⁷

Например, на уровне «**Надгосударственной дипломатии**» было привычным использование стратегии «**Многосторонней дипломатии**» (*англ.* Multilateral Diplomacy), «**Дипломатии конгрессов**²⁷⁸» (*англ.* Summit Diplomacy) и «**Парламентской дипломатии**» (*англ.* Parliament Diplomacy).²⁷⁹ Кроме того, на этом уровне осуществляли деятельность главы государств, политические лидеры и дипломаты с признанным опытом и большими полномочиями, что требовало исключительного дипломатического протокола в организации совещаний, безопасности и подбора персонала. На среднем уровне дипломатии государства действовали через посольства, консульства, делегации, дипломатические представительства, дипломатических агентов, а также через национальные предприятия, военные базы, министров иностранных дел, в частности для применения таких стратегий, как: «Двусторонняя дипломатия», «Дипломатия прямого набора», «Публичная дипломатия» и «Гражданская дипломатия»; не считая того, что государства использовали другие методы: откры-

вительства используют свою собственную дипломатию для достижения своих собственных политических целей микрополитики, «традиционная дипломатия» между государствами стала обозначаться понятием «макродипломатия» (*англ.* **Macrodiplomacy**), потому что на этом уровне рассматриваются темы, имеющие большее стратегическое значение, чем в «парадипломатии». См. DUCHACEK, Ivo. 1990. Perforated sovereignties: toward a typology of new actors in international relations. In: MICHELMANN, Hans; SOLDATOS, Panayotis. 1990. Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. Oxford University Press. США.

²⁷⁶ В испанском и португальском языках использовалось понятие «децентрализованная дипломатия». Хотя он также был использован для обозначения «треугольной дипломатии», «каталитической дипломатии» и «учредительной дипломатии».

²⁷⁷ Представленная модель с использованием переменной «политической власти» в международных отношениях, основанная на идее «пирамиды» Ханса Кельсена, предлагающая иерархическую систему норм, согласно которой норма, придающая акту значение правового акта, сама создается посредством правового акта, получающим правовое значение от другой нормы.

²⁷⁸ Или «Дипломатии саммитов».

²⁷⁹ «Парламентская дипломатия» является самой динамичной антидипломатической стратегией, получившей название «Дипломатии органов государственной власти».

тие посольств и консульств, официальные визиты политических лидеров, дипломатические аудиенции, дипломатическую переписку, проведение консультаций послов, объявление персон «нон-грата» и другие многочисленные механизмы, насчитывающие уже более чем трехтысячелетнюю историю и регулируемые строгим протоколом. На данном уровне государства наделяют немалыми долями суверенитета административные центры посольств для их эффективного функционирования, поскольку в отличие от послов и дипломатов в наднациональных организациях, посольства являются более «недолговечными».²⁸⁰ Если бы государства не делали этого, то под угрозой оказалось бы активное участие государств в наднациональных организациях, отвечающих за установление дипломатических отношений с другими государствами. Посольства являются основным административным центром, подтверждающим суверенитет государства за пределами его территории. Когда политические элиты предоставляют долю суверенитета посольствам, за последними закрепляется статус институционального представительства и принцип экстерриториальности. Другими словами, обеспечить представительство посольства – значит обеспечить представительство государства за пределами своих границ так, что ни одна юрисдикция иностранного государства не сможет оказать влияние на это представление.²⁸¹

Между тем, на низшем уровне субгосударственной дипломатии государства вовлечены в реализацию новых дипломатических стратегий, при этом не важно каких – эффективных или нет. На этих уровнях нецентральные правительства также ведут активную международную деятельность. Этот факт доказывает то, что в начале XX века на международной арене наравне с государственными деятелями активно выступали и негосударственные представители.²⁸² Нецентральные правительства ворвались на международную арену в поисках решения локальных проблем, связанных с региональной политикой, темами, вынесенными за пределы международных отношений, а также интересов министерств иностранных дел государств.²⁸³

Согласно Дэвиду Крикмансу и Мануэлю Дурану, субгосударственная дипломатия прошла три фазы развития или, по-другому, три исторические волны. Первая волна прошла в 80-е годы XX века, когда многие нецентральные правительства пытались привлечь прямые иностранные инвестиции посредством собственных инициатив, используя свою культуру и самобытность для перехода на международный уровень.²⁸⁴ Эти инициативы зачастую

²⁸⁰ Ключевая стратегия предоставления большой доли суверенитета посольствам имеет целью заручиться поддержкой и уважением со стороны других государств.

²⁸¹ Этот принцип, поддерживаемый международным публичным правом, означает, что на все представительства государства не распространяются законодательства государств, на территории или водном пространстве которых они находятся, будучи обязанными выполнять законодательство той страны, которой они принадлежат.

²⁸² По мнению Параг Ханна, «Субгосударственная дипломатия» может быть заменена другой, более гибкой концепцией под названием «Мегадипломатия» (*англ.* Mega Diplomacy), к которой относится не только дипломатическая деятельность нецентральных правительств, но и дипломатическая деятельность транснациональных корпораций, религиозных групп, НПО, университетов, институтов, которые организовали представительства для решения различных международных проблем. Ханна, как и многие другие, считает, что достаточно наличие постоянного контакта между двумя общественными организациями, чтобы ее представители рассматривались в качестве дипломатов. Ханна допустил ошибку в этом умозаключении. Дипломатический статус приобретается только при определенных традиционных правовых условиях, которые предусматривают официальное назначение с возложенными служебными обязанностями (принцип дипломатической аккредитации), дающими дипломату официальный статус. См. KHANNA, Parag. 2011. *How to Run the World: Charting a Course to the Next Renaissance*. Random House. США. С. 22.

²⁸³ KINCAID, John. 2001a. Constituent diplomacy in federal polities and the Nation-state: conflict and cooperation. In: MICHELMANN, Hans J.: SOLDATOS, Panayotis. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford University Press. США. С. 63–82. См. IGLESIAS, Eduardo. 2008. *Las provincias argentinas en el escenario internacional. Desafíos y obstáculos de un sistema federal*. Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo. Argentina. С. 35.

²⁸⁴ CRIEKEMANS, David; DURAN, Manuel. 2010. Small state diplomacy compared to sub-state diplomacy: more of the same or different? In: *Small States in Europe: Challenges and Opportunities*. См. STEINMETZ, Robert; WIVEL, Anders. (Ed.). Ashgate Publishing Limited. UK. С. 31–46.

носили характер *«ad hoc»* (латинская фраза, означающая «к этому, для данного случая, для этой цели»); в результате чего достигнутое количество политических связей было ничтожно мало, несмотря на осуществляемую активную деятельность и прилагаемые усилия.

Вторая волна прошла в 90-е годы XX века, когда нецентральные правительства некоторых европейских стран создали ряд институтов и учреждений, которые осуществляли дипломатическую деятельность, дополняющую или проходящую параллельно с внешней политикой своих государств, а также установили международные отношения с нецентральными правительствами других стран.

Третья волна происходит в наше время. Нецентральные правительства стремятся развиваться в непрерывной вертикали, что представляет собой стратегическую переориентацию, вызванную новыми геополитическими и функциональными приоритетами, при которых каждое решение и предпринятый шаг должны быть максимально плодотворными.²⁸⁵ Тем не менее, Винсент Торрихос считает, что появление субгосударственной дипломатии не должно сводиться только к экономическим факторам, а оно также имеет и политические мотивы; нецентральные правительства получили преимущества, выступая в качестве посредников в государственных и частных ассоциациях – это позволило им создать партнерские отношения с другими иностранными нецентральными правительствами, имеющими лучшие возможности для развития. По словам Торрихоса, эту стратегию нецентральные правительств можно назвать **«Дипломатией центробежной силы»** (исп. *Diplomacia Centrifuga*). Нецентральные правительства пытались уйти от контроля центральных органов исполнительной власти, тем самым показывая свою способность действовать самостоятельно в решении своих политических, экономических и культурных потребностей.²⁸⁶ Ной Корнаго утверждает, что субгосударственная дипломатия выходит на международный уровень благодаря политической адаптации нецентральные правительств, которая явилась результатом приобретенного опыта, знаний и проявляемой гибкости перед постоянно меняющимися мировыми тенденциями.²⁸⁷

Однако самой важной особенностью нецентральные правительств стала возможность участвовать в международных делах, не имея при этом определенной доли суверенитета своих государств. Во-первых, были случаи, когда государство поддерживало международную деятельность своего нецентрального правительства и наделяло его долей государственного суверенитета для осуществления юридически корректного взаимодействия с другими иностранными нецентральными правительствами и, возможно, даже другими государствами. Такие политические отношения, когда нецентральные правительства самостоятельно работают над созданием своих собственных дипломатических структур и механиз-

²⁸⁵ Стоит отметить, что Крикманс и Дуран создали аналитический подход для классификации научных исследований, которые рассматривали явление субгосударственной дипломатии. Во-первых, они отметили, что существует значительный объем исследований, фокусирующийся на проблемах распределения обязанностей между центральными органами исполнительной власти и нецентральным правительством, следствием чего становится развитие нецентральными правительствами своей собственной внешней политики. Эти исследования рассматривают такие случаи, как Каталония, Квебек и Фландрия. Во-вторых, существуют исследования, основанные на сравнении. В этом случае исследования сосредоточены на оценке развития локальных ситуаций и их влиянии на территориальное разделение, а также на поиске решений международных вопросов. Наконец, третья группа сосредоточена на изменениях международной обстановки и на том, как эти изменения создают новые ситуации, которыми пытается управлять национальная дипломатическая система, адаптируя свои политические механизмы. См. CRIEKEMANS: 2010. *Op. Cit.* С. 6.

²⁸⁶ Отличие **«Дипломатии центростремительной силы»** (исп. *Diplomacia Centripeta*) от **«Дипломатии центробежной силы»** в случае нецентральные правительств заключается в том, что помимо того, что «Дипломатия центростремительной силы» старается быть ближе к государству, ее действия не бросают вызов центральному правительству, поскольку в ее основе заложены мирные принципы и взаимопонимание как механизм, необходимый для политической стабильности. См. TORREALBA: 2006. *Op. Cit.* С. 107. См. TORRIJOS: 2000. *Op. Cit.* См. MAIRA, Luis. 2010. *La política internacional subnacional en América Latina*. Libros del Zorzal. Argentina. С. 309.

²⁸⁷ CORNAGO, Noe. 2013. In: DURAN, Manuel. 2013. *Sub-state diplomacy as a motor of reterritorialization? The case of the Mediterranean region*. Universiteit Antwerpen.

мов, получивших название «**Учредительная дипломатия**» (*англ.* Constituent Diplomacy), могут представлять угрозу как для центральных органов исполнительной власти, так и нецентральных правительств. Например, центральные органы исполнительной власти, поддерживающие такие инициативы, не могли обеспечить полный контроль над действиями нецентральных правительств и последствиями, которые могут вызвать резонанс на международном уровне. По этой причине центральные органы исполнительной власти тщательно анализируют свои приоритеты и политическую позицию по отношению к инициативам своих нецентральных правительств в области международной политики, к используемым ими механизмам и средствам на пути к достижению целей; и в случае признания их деятельности плодотворной, она начинает более эффективно реализовываться в сфере региональных и национальных интересов. Кроме того, центральные органы исполнительной власти могут лишиться полномочий свои нецентральные правительства в любое время на любом этапе развития их международной деятельности. Без объяснения причин могут аннулироваться и признаваться недействительными международные действия нецентральных правительств, их соглашения, утратившие юридическую силу, действующие соглашения и соглашения, готовые к исполнению, несмотря на то, что такие меры обходятся правящим политическим элитам потерей электората и экономическими издержками. Достаточно того, чтобы центральные органы исполнительной власти решили восстановить свое законное право управлять внешней политикой государства, просто подписав меморандум, тогда нецентральное правительство немедленно откажется от своих инициатив в ведении международной политики. Государства не нуждаются в подготовке нового закона или созыве конгресса для заморозки деятельности нецентральных правительств. Решения высшего руководства страны для этого вполне достаточно. Невзирая на большой риск, поджидающий участников на данном уровне, в последние годы стратегия субгосударственной дипломатии стала очень популярна в мире отчасти потому, что появляются новые проблемы, требующие новых подходов к их решению.

Во-вторых, может случиться и так, что центральные органы исполнительной власти самовольно примут решение выйти на международную арену без какой-либо координации своих действий с политической элитой, что может быть воспринято как некий вызов *статусу-кво* этих элит. Центральное правительство «по собственному желанию» наделило себя определённой долей государственного суверенитета для возможности участия в международных отношениях, пытаясь минимизировать свою институциональную слабость, заключающуюся в отсутствии поддержки своих государств с целью взаимодействия с другими нецентральными правительствами или другими государствами, тем самым улучшая свой политический имидж в геополитическом и геоэкономическом контекстах.²⁸⁸ Тем не менее, этот тип политического отношения, который получил название «**Парадипломатия**» (*англ.* Paradiplomacy), может представлять риск для некоторых центральных правительств, позволяющих себе такое поведение, поскольку в результате некомпетентности центрального правительства в международных вопросах могут возникнуть непредвиденные политические последствия. Нельзя также предсказать и то, какова будет роль политических посольств, учитывая, что некоторые решения центральных правительств могут повлиять на внешнюю политику, так как они будут исходить не от представителей традиционной дипломатии. Эти действия также угрожают и нецентральным правительствам, которые могут быть наказаны центральными органами исполнительной власти. Как правило, центральные правительства, применяя такую стратегию, имеют ряд юридических привилегий, которые защищают их от действий государств.

²⁸⁸ CRIEKEMANS: 2010. *Op. Cit.*

Например, деятельность канадских провинций Квебек и Фландрии в течение нескольких десятилетий конца XX века²⁸⁹ показала, что внешняя политика Канады представляет собой совокупность интересов ее провинций и самих центральных органов исполнительной власти, где каждый уровень в свободной и независимой форме может взаимодействовать с другим для обеспечения определенной позиции на международной арене. На данном этапе можно утверждать, что «учредительная дипломатия» и «парадипломатия» отражают успех политических движений, направленных на укрепление демократии или политической децентрализации, а также доказывают, что в условиях глобализации мир, на самом деле, раскалывается на части. Однако, с точки зрения традиционной дипломатии, «учредительная дипломатия» наводит на мысль о том, что национальные политические элиты государств, одобрявшие реализацию таких дипломатических стратегий, недооценивали профессионализм своих дипломатических служб, в то время как «парадипломатия» отражает аналогичную тенденцию, только уже с другой предпосылкой – неспособностью правящей политической элиты государства сохранить государственный суверенитет, унаследованный от своих предшественников. Однако, стоит рассмотреть характеристики, присущие этим двум подходам.

1.07.1. Учредительная дипломатия

Современная концепция «учредительной дипломатии» зародилась в 1985 году, когда Джон Кинкейд представил свой доклад под названием «Учредительная дипломатия: роль США во внешней политике» на Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки (*англ.* International Political Science Association), проходившей в Париже (Франция).²⁹⁰ Впоследствии, пять лет спустя, в 1990 г. Ханс Михельманн и Панайотис Солдатос предложили Кинкейду включить свою научную статью в сборник под названием «Федерализм и международные отношения: роль субнациональных объединений»,²⁹¹ в который также вошла и статья Иво Дучачека.

Кинкейд принял предложение и представил статью под названием «Учредительная дипломатия в федеральной политике и национальном государстве: конфликт и сотрудничество».²⁹² Дучачек, в свою очередь, опубликовал статью под названием «Перфорированные суверенитеты: к типологии новых участников в международных отношениях». После публикации книги, ко всеобщему удивлению, идеи Дучачека, касающиеся международных отношений и дипломатических явлений вызвали необычайный интерес у ученых. Дучачек, возможно, тоже не догадывался, насколько сильная полемика разразится вокруг его идей и как кардинально изменят его идеи большую часть дипломатической теории. Он был не менее удивлен, когда академические сообщества отвергли идеи Кинкейда, которые, будучи неоспоримыми, заплатили высокую цену за то, чтобы быть в одном ряду с научным завещанием Дучачека.²⁹³ Тем не менее, учредительная дипломатия просуществовала недолго; идеи Кинкейда вновь стали предметом сурового анализа. Сегодня его теория уже успела завое-

²⁸⁹ Как мы увидим позже, в XXI веке эти провинции чаще всего применяют принципы «учредительной дипломатии».

²⁹⁰ KINCAID, John. 1985. Constituent Diplomacy: US State Roles in Foreign Affairs. Paper presented at world Congress of International Political Science Association IPSA. July, France.

²⁹¹ MICHELMANN, Hans. 1990. Conclusion. In: MICHELMANN, Hans J.: SOLDATOS, Panayotis. Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. Oxford University Press. США.

²⁹² KINCAID, John. 1990. Constituent Diplomacy in Federal Politics and the Nation-state: Conflict and Cooperation. In: MICHELMANN, Hans J.: SOLDATOS, Panayotis. 1990. Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. Oxford University Press. Oxford University Press. США. С. 54–75.

²⁹³ Дучачек умер в 1998 году.

вать интерес некоторых университетов, в то время как для других она остается до сих пор неизвестной.

В общих чертах идеи Кинкейда очень схожи с идеями Дучачека. Оба ученых заметили, что в некоторых случаях нецентральные правительства государств могут развивать региональные интересы на международном уровне. Также оба автора полагали, что это стало возможным благодаря экономическому, технологическому, социальному и культурному прогрессу, происходившему на глобальном уровне, благоприятно отражаясь на коммуникации и взаимодействии между различными странами мира. Новый международный порядок объединял рынки, общества и культуры через ряд глобальных преобразований и создавал политические возможности для того, чтобы, например, нецентральные правительства смогли поучаствовать на международной арене с некоторой автономией для продвижения местных интересов.

В отличие от Дучачека, Кинкейд отметил, что некоторые нецентральные правительства участвовали в переговорах с политическими элитами, осуществлявшими контроль над центральными органами исполнительной власти своих государств для включения местных интересов в курс внешней политики страны. Последнее слово оставалось за центральным правительством, которое принимало решение о включении местных интересов своих нецентральных правительств в вопросы внешней политики в зависимости от факторов политической обстановки в стране. Взаимодействие нецентральных и центральных правительств не обязательно гарантировало, что интересы субнациональных политических элит будут учтены во внешней политике государств. Если же нецентральные правительства считали, что их интересы не были приняты центральными органами исполнительной власти, то наравне с дипломатическим курсом своих государств, они предпринимали самостоятельные и независимые действия. Вместе с тем могло случиться и так, что центральные правительства соглашались включить интересы нецентральных правительств в вопросы внешней политики или же допускали их самостоятельные действия на международной арене при условии, что эти действия являются утвержденными и согласованными с министерством иностранных дел государства. В последнем случае центральные органы исполнительной власти и нецентральное правительство развивали тесную политическую связь и реализовывали новые дипломатические действия, в которых местный уровень должен был поддерживаться на национальном уровне для выхода на международную арену. Кинкейд называет «учредительной дипломатией» все те новые дипломатические действия, проводимые нецентральными правительствами, при этом согласованные с центральным правительством.

Кинкейд понимал это явление так: центральное правительство решило юридически уполномочить нецентральные правительства продвигать их собственные интересы на международной арене, но при этом действовать в рамках национального законодательства, иначе могут нарушаться конституционные принципы. Кроме того, Кинкейд обратил внимание на то, что успех «учредительной дипломатии» в большой степени зависит от процесса переговоров между центральными и нецентральными правительствами. Если эти переговоры оказывались безрезультатными, центральные правительства могли отклонять заявки от нецентральных правительств, что означало раскол в национальных политических отношениях. Если же переговоры были успешными, то центральные органы исполнительной власти позволяли нецентральным правительствам осуществлять свою собственную дипломатию для достижения своих местных интересов.²⁹⁴

²⁹⁴ В последние годы МИД Бразилии обращался к понятию «Федеративная дипломатия» (исп. *Diplomacia Federativa*). Для Жилберта Маркоса Антонио Родригеса эта концепция поистине является вкладом Бразилии в терминологию. Эдуардо Иглесиас отметил, что МИД Бразилии пришлось разработать систему рекомендаций для взаимодействия со штатами и муниципалитетами Бразилии, объясняя это необходимостью продвижения штатов и муниципалитетов в сферу международных отношений. Самым поразительным в этой концепции является то, что «Федеративная дипломатия»

При таких условиях выбранный политический курс местных чиновников и курс самого правительства страны не должны были противоречить друг другу, так как эти курсы являются результатом согласованных действий между центральным правительством и «субрегиональными объединениями, а не конфронтацией между двумя политическими силами»,²⁹⁵ то есть так зарождалась «Совместная дипломатия» (исп. *Coodiplomacia*) – «совместная реализация дипломатических стратегий, основанная на совместном использовании государственного суверенитета».²⁹⁶ Для Кинкейда эти отношения являются хорошим примером того, как глобализация влияет на традиционные отношения между центральными и нецентральными правительствами, для которых ранее были характерны отношения неравной политической власти.²⁹⁷ Кинкейд отметил, что раньше «инстинктивной реакцией национальной политической элиты была попытка пресечь любую двойственность во внешней политике своих государств, поскольку существовала необходимость общаться с остальным миром посредством одного голоса».²⁹⁸ Эта политическая тактика центрального правительства делала национальную политику менее конфликтной, однако в то же время позволяла избежать внимания со стороны международного сообщества к противоречащим друг другу курсам внешней политики: официальная внешняя политика государства, которая управляется дипломатической службой и внешней политикой центрального правительства, и другой параллельный курс внешней политики, которым руководили представители нецентральных правительств. Другими словами, эта политическая тактика позволяла центральным органам исполнительной власти сохранить контроль над внешней политикой с той лишь разницей, что обе внешние политики, будучи равными, могли сосуществовать и дополнять друг друга.²⁹⁹ Кроме того, Кинкейд считал, что такие отношения были плодотворными, так как в отличие от стратегии «парадипломатии», нецентральные правительства могли не скрывать свои планы, что ранее «снижало уровень легитимности их действий»³⁰⁰ и шло вразрез с демократическими интересами государств. С другой стороны, Михельман предполагает, что учредительная дипломатия создает условия конкуренции между нецентральными правительствами и центральными органами исполнительной власти, что может сказаться на единстве государства.³⁰¹ Михельман заметил одну интересную особенность: когда центральное правительство наравне с нецентральным правительством согласовывает условия, в рамках которых будет проводиться внешняя политика, однако теперь уже в двойном режиме, оно стимулирует другие нецентральные правительства наладить политические контакты с собственным центральным правительством по вопросам внешней политики. Таким образом центральные органы исполнительной власти привлекают власти нецентральных прави-

предполагает более низкий уровень в сопоставлении с уровнем нецентральных правительств, чаще всего приравниваемый к федеральному управлению. В этом случае «Федеративная дипломатия» имеет некую силу, если она используется для обозначения этого «нижнего уровня», то есть мэрии или местных политических инстанций, входящих в состав федеральной политики. См. RODRIGUES, Gilberto Marcos Antonio. 2008. Política Externa Federativa: Análise de Ações Internacionais de Estados e Municípios Brasileiros. См. CEBRI. (28–01–2015). <http://www.paradiplomacia.org/upload/downloads/4713d9cafa1234bb867f8f4eec0f221fpoliticaexternafederativa.pdf> См. IGLESIAS: 2008. *Op. Cit.* C. 36.

²⁹⁵ ZERAOUI, Zidane. 2010. Diplomacia paralela y las relaciones internacionales de las regiones. In: Desafíos. Colombia. C. 69.

²⁹⁶ COLACRAI, Miryam. 2010. El ámbito subnacional Desarrollo de una innovadora interdependencia entre la Argentina y Chile. In: MAIRA, Luis. 2010. La Política Internacional subnacional en América Latina. Libros del Zorzal. Argentina. C. 308.

²⁹⁷ KINCAID, John. 2010. Comparative Observations on the International Activities of Constituent Governments. In: Foreign Policy of Constituents Units at the Beginning of 21st Century. Instituto de Estudios Autónomos. Spain.

²⁹⁸ KINCAID, John. 2001b. Roles of Constituent Governments for the Forum of Federations Seminar. In: Foreign Relations of Constituents Units. May. Winnipeg, Canada. In: JENKINS, Rob. 2003. India's Status and the Making of Foreign Economic Policy. The Limits of the Constituent Diplomacy Paradigm. Publius. C. 61. In: IGLESIAS: 2008. *Op. Cit.*

²⁹⁹ KINCAID: 2001a. *Op. Cit.* C. 74.

³⁰⁰ MEDEIROS, Marcelo A. 2007. Subnational State Actors and their roles in regional governance. In: HOFFMANN, Andrea; DER VLEUTEN, Ann. 2007. Legitimacy and democracy in regional integration organization. Ashgate Publishing Company. CIIA.

³⁰¹ MICHELMANN: 1990. *Op. Cit.* C. 310.

тельств, которые отказываются сотрудничать с другими государствами или зарубежными нецентральными правительствами и наднациональными организациями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.